Digitized by Google

2 2

A277/2
N507.
V 130 1/2

Digitized by Google

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
A
2704 /2
ROMA

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФИНИ

РОСТОПЧИНОЙ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФИНИ

РОСТОПЧИНОЙ.

BIBLIOTECA ROSSA
— ROMA —

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ II.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Придворн. Книгопрод. А. Смирдина (сына).
1857.

Digitized by Google

0000 f 9404/2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 10 Іюля 1856 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA
DEPOSITO PERMANENTE
BVE0347025
2:: BVE0347029
Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Поклонникамъ Наполеона..... 1
II. Село Анна..... 3
III. Видъ Москвы..... 6
IV. Туда гдѣ жизнь..... 9
*V. Ночный мотылёкъ..... 15
VI. Молитва за себя..... 18
VII. Часы уединенья..... 20
VIII. Звѣзды полуночи..... 23
IX. Посѣщая Московскую Оружейную Палату..... 25
X. Благодарю!..... 27
XI. У окна, въ лунную ночь..... 28
XII. На обликъ страждущей женщины..... 30
XIII. Боюсь!..... 32
XIV. Какъ должны писать женщины..... 33
*XV. Огонь въ свѣтлицѣ..... 35
*XVI. Арабское преданіе о розѣ..... 39
XVII. Молитва Ангелу-Хранителю..... 41
XVIII. Три любви..... 43
XIX. Неаполитанской Психеи..... 45
*XX. Потерянное кольцо..... 46
XXI. Чего нельзя застраховать..... 48
XXII. Былыя слёзы..... 49
XXIII. Я не для счастья рождена!..... 50

Стран.
XXIV. Любить и знать..... 52
XXV. Что̀ лучше?..... 54
XXVI. На дорогу!..... 56
XXVII. Милѣе прежняго..... 58
XXVIII. Потерянная весна..... 60
*XXIX. Какъ любятъ женщины..... 61
*XXX. Рыцарскій пиръ..... 65
XXXI. Одиночество..... 69
XXXII. Воспоминаніе о Джіюдитѣ Паста..... 71
*XXXIII. Я знаю, не долго мнѣ жить остается... 73
XXXIV. Нашимъ будущимъ поэтамъ..... 75
XXXV. Запретный кубокъ..... 77
XXXVI. Вѣрую!..... 79
*XXXVII. Домашній другъ..... 81
XXXVIII. Пустой альбомъ..... 85
XXXIX. На канунѣ Новаго Года..... 91
*XL. Кто здѣсь блаженъ..... 94
*XLI. Не скучно, а грустно..... 96
*XLII. Послѣ чтенія..... 98
XLIII. Послѣ концерта..... 100
*XLIV. Князю П. А. Вяземскому..... 102
*XLV. Близка весна..... 104
*XLVI. Отплывающій пароходъ..... 106
*XLVII. Тайна всего..... 108
*XLVIII. Подаренный букетъ..... 110
*XLIX. Ноттурно..... 111
*L. На взморьѣ..... 113
LI. Балъ на фрегатѣ..... 115
LII. Ульрикас-боргъ послѣ праздника..... 119
LIII. Потерянный цвѣтокъ..... 121
LIV. In-pace..... 122
LV. Пахитосъ..... 124
LVI. Ноттурно..... 126
LVII. Андрé Шеньé..... 128

Стран.

LVIII. Она всё думаетъ! 131
LIX. Магнетическій сонъ 133
LX. Послѣ молитвы 135
LXI. Поэтическій день 137
*LXII. Въ альбомъ Софьѣ Н...ѣ Карамзиной 140
*LXIII. Быль 141
*LXIV. Споръ на небѣ 144
*LXV. Напутная мольба 147
*LXVI. Благословеніе артисту 149

Стихотворенія. Отдѣлъ пятый.

I. Молитва въ грустный часъ 153
II. Крестъ у дороги 155
III. Прошеніе Святому Антону Падуанскому 157
IV. Любовникъ и Морякъ 159
V. Сосна на корнишѣ 162
*VI. Почему я люблю музыку 164
*VII. Предвѣщанье путешественнику 166
*VIII. Храму Святаго Петра 168
IX. На лавровый вѣнецъ 170
X. Первый взглядъ на Неаполь 172
XI. Слова на серенаду Шуберта 174
XII. Два счастливца 176
XIII. Еще о Неаполѣ 179
XIV. Первый снѣгъ 186
*XV. Княгинѣ Любови Петровнѣ Голицыной 189
*XVI. Въ альбомъ графини Склофани 191
XVII. Пѣснь возврата 193
XVIII. Прихоть Креолки 199
*XIX. Цыганскій вечерь 203
*XX. Пію IX-му 206

Digitized by Google

Стран.
*XXI. Князю К... Д..... 211
XXII. Двѣ простонародныя пѣсни: 1. Я сказала, зачѣмъ?..... 212
XXIII. 2. Обманъ..... 214
*XXIV. Моя игрушка..... 216
XXV. Ты не люби его!..... 217
*XXVI. Зимная сказка..... 218
*XXVII. Молитва не о себѣ..... 221
*XXVIII. Молчанье..... 223
*XXIX. Зачѣмъ я молюсь..... 225
XXX. Моимъ двумъ пріятельницамъ..... 227
XXXI. Болѣзни вѣка..... 229
*XXXII. Обыкновенная быль..... 234
*XXXIII. Осеннее ненастье..... 236
*XXXIV. Чему насъ учитъ жизнь..... 239
XXXV. Молитвы даръ..... 241
XXXVI. Возгласъ..... 243
*XXXVII. Простонародныя мелодіи и пѣсни:
1. На музыку Сеймуръ-Шиффа..... 245
XXXVIII. 2. На голосѣ Украинской мелодіи..... 248
XXXIX. 3..... 250
XL. 4..... 251
XLI. Гуссейнъ-Бей..... 252
XLII. Сказка..... 259
*XLIII. Зачѣмъ я люблю маскарады?..... 261
*XLIV. 12-ое Апрѣлья, 1850..... 264
XLV. Циркъ девятнадцатаго вѣка..... 266
XLVI. Фанни Эльслеръ..... 282
XLVII. Весенній гимнъ..... 284
*XLVIII. Чего-то жаль..... 287
XLIX. Вчера и нынче..... 290
*L. Тайна пѣвца..... 292
*LI. Майскому соловью..... 294
LII. Прощальная пѣснь русскаго лебедя..... 295

Digitized by Google

Стран.
LIII. Предопредѣленіе..... 298
LIV. Въ Альбомъ В. В. Самойлова..... 302
*LV. Ревность за гробомъ..... 304
LVI. Письмо въ лѣтнюю ночь..... 306
LVII. Слова и звуки..... 308
LVIII. Ода поэзіи..... 310
*LIX. Размышляя о томъ, что̀ есть жизнь..... 314
*LX. Слова для музыки..... 316
*LXI. Минувшему высокосному 1852-му году..... 317
*LXII. Во имя правды..... 319
*LXIII. Майская пѣснь..... 322
*LXIV. Нашимъ братьямъ, Юго-Восточнымъ Православнымъ..... 324
*LXV. Волна..... 327
LXVI. Колокольчикъ..... 330
*LXVII. Напутствіе въ походъ..... 332
*LXVIII. Двѣ мазурки:
1. Грусть невѣсты..... 336
2. Письмо отъ друга..... 338
*LXIX. Слова для музыки..... 340
*LXX. Безсонница..... 342
LXXI. Годовщина 19-го Марта..... 344
*LXXII. Любовь и не-любовь..... 347
*LXXIII. Эпилогъ..... 349
*LXXIV. Христіанамъ, возставшимъ на востокѣ, за Св. Православную Церковь, и за гонимыхъ братьевъ своихъ..... 351
*LXXV. Отвѣтъ нѣкоторымъ безъимяннымъ стихотвореніямъ..... 355
*LXXVI. Слова для музыки..... 357
*LXXVII. Отжившая душа..... 359
LXXVIII. Въ деревнѣ..... 373
*LXXIX. Господь зоветъ..... 375

Digitized by Google

Стран.

*LXXX. На озвященіе единовѣрческой церкви въ Преображенской Богодѣльнѣ..... 377
*LXXXI. Пісня русскимъ воинамъ раненымъ въ Севастополѣ..... 379
*LXXXII. Голубая душегрѣйка..... 383
LXXXIII. Молитва объ ополченныхъ..... 385
*LXXXIV. Алексѣю Петровичу Ермолову..... 387
LXXXV. На кончину Императора Николая I..... 389
*LXXXVI. Во время прогулки за-городомъ..... 391
*LXXXVII. Откровенность..... 392
LXXXVIII. Сестрамъ Кресто-Воздвиж. Общины.. 393
LXXXIX. Бояринъ..... 396
*XC. Странный сонъ..... 399
*XCI. Этиопетскій миѳъ..... 403
XCII. Небесный символъ..... 407
*XCIII. Молитва за Святую Русь..... 411
XCIV. Русскому народу..... 413
XCV. Три королевы..... 419
*XCVI. Мои Петербургскія вечеринки..... 427
*XCVII. Семейству Графовъ Віельгорскихъ..... 431
*XCVIII. Голосъ правды..... 433
*XCIX. Николаю Александровичу Хитрову..... 436
*C. Слова для музыки..... 437
*CI. Слова для музыки..... 439
*CII. Куплеты..... 441
CIII. Черноморскимъ морякамъ..... 443
*CIV. Русскій ратникъ своему штыку..... 446

Digitized by Google

I.

ПОКЛОННИКАМЪ НАПОЛЕОНА,

когда они вздумали перенести его гробницу въ Парижъ.

Tutto ei provò . . . . . .
Due volte nella polvere,
Due volte sugli altar!
Manzoni, il 5 Maggio, oda.

Не трогайте костей Его! . . . . .
Онъ царь, онъ полубогъ въ пустынѣ,
На дальнемъ островѣ! . . . — И нынѣ,
Когда исчезло безъ него
Все что̀ онъ создалъ, что̀ прославилъ; —
Когда ходъ вѣка не оставилъ
Его слѣдовъ въ столицѣ той,
Гдѣ онъ воздвигъ престолъ чудесный
Своею волею одной,
Своею мощной головой; —
Когда лежатъ въ могилѣ тѣсной
Его сподвижники; — когда
Непобѣдимыхъ войскъ не стало,
И ихъ временъ какъ не бывало; —
Когда мѣщанскихъ смутъ чреда

Крамольно Францію волнуетъ.
И каждый день, и каждый часъ
Междоусобье тамъ бушуетъ; —
О! что̀-же дѣлать среди васъ,
Средь проповѣдниковъ смятеній,
Его великой грозной тѣни? .....
Парижъ вашъ поле мятежей, —
Для баснословнаго героя
Ужъ вѣры нѣтъ тамъ у людей!
Не сыщетъ исполинъ покоя
Тамъ гдѣ шумитъ толпа Пигмей! ....

Вогоново, Іюнь, 1840 г.

II.

СЕЛО АННА.

Deserted is my own good hall,
My hearth is desolate! . . . . . .
Childe-Harold, Canto I.

Зачѣмъ-же сладкою тревогой сердце бьется
При имени твоемъ, пустынное село,
И ясной думою внезапно разцвѣло? . . . .
Зачѣмъ-же мысль моя надъ дикой степью вьется,
Какъ пташка, что́ вдали средь облаковъ несется;
Но въ небѣ занята своимъ роднымъ гнѣздомъ,
И пествуетъ его и взоромъ и крыломъ? . . . .
Вѣдь прежде я тебя, край скучный, не любила,
Вѣдь прежде ссылкою несносной былъ ты мнѣ;
Меня пугала жизнь въ безлюдной тишинѣ,
И вѣчныхъ бурь твоихъ гудѣнье наводило
Уныньe на меня; вѣдь прежде, средь степей,
Съ тоской боролась я, и тамъ, въ душѣ моей
Невольно угасалъ жаръ пылкихъ вдохновеній,
Убитый немощью . . . . Зачѣмъ-же образъ твой
Меня преслѣдуетъ, какъ будто сожалѣній
Ты хочешъ отъ меня, пріютъ далекій мой? . . .

Или въ отсутствіи немилое милѣе? . . . . .
Иль всѣмъ что́ кончено, и всѣмъ чего ужъ нѣтъ
Въ насъ сердце дорожитъ? . . . . . Иль самый мракъ свѣтлѣе
Когда отливъ его смягчитъ теченье лѣтъ? . . . .
Такъ! память длинныхъ дней въ изгнаньи проведенныхъ
Мнѣ представляется, какъ радужная цѣпь
Думъ ясныхъ, грустныхъ думъ, мечтаній незабвенныхъ,
Завѣтныхъ, тайныхъ грезъ . . . Безжизненная степь —
Моею жизнію духовной наполнялась,
Воспоминаньями моими населялась.
Какъ тишъ въ волнахъ морскихъ, какъ на пути привалъ,
Такъ деревенскій бытъ въ отшельнической кельѣ
Существованіе былое прерывалъ,
И созерцаніемъ столичное веселье,
Поэзіей шумъ свѣта замѣнялъ.
Отъ развлеченія, отъ внѣшнихъ впечатленій
Тогда отвыкнувши, ужъ я въ себѣ самой
Для сердца и души искала наслажденій,
И пищи и огня. Тамъ умъ сдружился мой
Съ отрадой тихою спокойныхъ размышленій
И съ самобытностью. Тамъ объяснилось мнѣ
Призванье темное. Въ глуши и тишинѣ
Бѣдна событьями, но чувствами богата
Тянулась жизнь моя. — Надъ головой моей
Любимыхъ призраковъ носился рой крылатый

Digitized by Google

Въ ушахъ моихъ звучалъ веселый смѣхъ дѣтей;
И сокращали мнѣ теченье длинныхъ дней
Иголка, книги, кисть, подъ часъ за фортепьяномъ
Волненье томное, — когда былаго сонъ,
Мелодіей знакомой пробужденъ,
Опять меня смущалъ плѣнительнымъ обманомъ . . . .
И много счастливыхъ, восторженныхъ минутъ,
Сердечной радостью волшебно озаренныхъ,
Прожито тамъ . . . въ степяхъ . . . О! пусть онѣ живутъ
Навѣки въ памяти и въ мысляхъ сокровенныхъ! . . . .
А ты, затерянный, безвѣстный уголокъ,
Не многимъ памятный по моему изгнанью, —
Храни мой скромный слѣдъ, храни о мнѣ преданье,
Чтобъ любящимъ меня чрезъ много лѣтъ ты могъ
Еще напоминать мое существованье!

Вороново, Іюнь, 1840 г.

Digitized by Google

III.

ВИДЪ МОСКВЫ.

Que peu de temps suffit pour changer toute chose!
Tristesse d'Olympio, Victor Hugo.

О! какъ пуста, о! какъ мертва
Первопрестольная Москва! . . . .
Её напрасно украшаютъ,
Её напрасно наряжаютъ . . . . .
Огромныхъ зданій стройный видъ,
Фонтаны, выдумка востока,
Вездѣ чугунъ, вездѣ гранитъ
Сады, мосты, объемъ широкій
Несмѣтныхъ улицъ, — всё блеститъ
Изящной роскошью, ... всё ново,
Всё жизни ждетъ, для ней готово, ...
Но жизни нѣтъ!! . . . Она мертва,
Первопрестольная Москва! . . . .
Съ домовъ боярскихъ гербъ старинный
Пропалъ, исчезъ, . . . и съ каждымъ днемъ
Расчетливымъ покупщикомъ
Въ слѣпомъ невѣденьи, невинно,

Стираются слѣды вѣковъ,
Слѣды событій позабытыхъ,
Слѣды вельможей знаменитыхъ. —
Обычай, нравы, духъ отцовъ,
Всё измѣнилось! . . . . Просвѣщенье
И подражанье новизнѣ
Ужъ водворили пресыщенье
На православной сторонѣ.
Гостепріимство, хлѣбосольство,
Накрытый столъ, и настежъ дверь
Преданьемъ стали, ... и теперь
Витійствуетъ многоглагольство
На скучныхъ сходбищахъ, взамѣнъ
Веселья русскаго. — Всё глухо,
Всё тихо вдоль кремлевскихъ стѣнъ,
Въ церквахъ, въ соборахъ; и для слуха
Въ Москвѣ отрада лишъ одна
Высокой прелести полна:
Одинъ глаголъ всегда священный
Наслѣдіе былыхъ временъ, —
И какъ сердцамъ понятенъ онъ,
Понятенъ думѣ умиленной! . . .
То вѣщій звукъ колоколовъ! . . .
То гулъ торжественно-чудесный,
Взлетающій до облаковъ,
Когда всѣ сорокъ сороковъ
Взываютъ къ благости небесной! . . . .
Знакомый звонъ, любимый звонъ,
Москвы наслѣдіе святое,
Ты всё былое, всё родное

Digitized by Google

Напомнилъ мнѣ! . . . . Ты сопряженъ
На вѣкъ въ моемъ воспоминаньи
Съ годами дѣтства моего,
Съ рожденьемъ пламенныхъ мечтаній
Въ умѣ моемъ. Ты для него
Былъ первый вѣстникъ вдохновенья;
Ты въ томный трепетъ, въ упоенье
Меня ежедневно приводилъ;
Ты поэтическое чувство
Въ ребенкѣ чуткомъ пробудилъ;
Ты страсть къ гармоніи, къ искуству
Мнѣ въ душу пылкую вселилъ! . . . .
И нынѣ, гостьей отчужденной
Когда въ Москву вернулась я, —
Ты вновь привѣтствуешь меня
Своею пѣснію священной,
И лишь тобой еще жива
Осиротѣлая Москва!! . . . .

Москва, 25-го Іюня 1840 г.

Digitized by Google

IV.

ТУДА ГДѢ ЖИЗНЬ.

Вечерняя бѣсѣда Души съ Ангеломъ-Хранителемъ.

Kennst du das Land .....
Goethe's Mignon.

Ангелъ.

Снова грустна ты! . . . Мрачная дума
Взоръ твой туманитъ, чело тяготитъ;
Что̀ съ тобой сталось? . . . скукой угрюмой,
Горемъ безмолвнымъ что̀ сердце болитъ? . . . .

Душа.

Скучно мнѣ, грустно мнѣ! . . . Пусто и тѣсно! . . . .
Сердце проснулось, и просится въ даль . . . .
Есть, — о! я помню — есть край чудесный:
Тамъ исцѣлятся и скорбь и печаль!

Digitized by Google

Ангелъ.

Знаетъ и понялъ тебя твой Хранитель!
Къ вѣчнымъ причудамъ твоимъ я привыкъ,
Я отъ рожденья твой вѣрный блюститель, —
Я разумѣю твой страстный языкъ.

Ты, — поэтическимъ снамъ предаваясь, —
Прозою жизни томиться должна;
Ты любопытна, ... и въ даль увлекаясь,
Видимымъ міромъ вездѣ стѣснена.

Хочешъ: на полдень цвѣтущій и знойный
Крыльевъ размахомъ тебя я умчу, —
Сердце больное и умъ безпокойный
Видомъ Италіи вмигъ излѣчу? . . .

Солнце, мелодія, чары искусства,
Море безъ бурь, и въ лѣсахъ ароматъ,
Пища для мысли, пища для чувства, —
Вотъ что́ найдешъ ты, чѣмъ край тотъ богатъ!

Душа.

Нѣтъ, — не хочу я! . . я вѣрю, я знаю,
Много усладъ тамъ, и много тамъ чаръ, —
Но не о нихъ я такъ часто мечтаю,
Но не для нихъ сердца искренній жаръ!

Digitized by Google

Ангелъ.

Хочешь-ли видѣть ты царства Востока,
Миръ околдованный джиновъ и фей
Храмы браминовъ, мечети пророка;
Пляшущихъ чудно Каирскихъ алмей?

Душа.

Нѣтъ! — Та страна, какъ волшебная сказка,
Лишь на мгновенье плѣняетъ нашъ умъ;
Вымыселъ чудный, — ничтожна завязка, —
И не пробудитъ она вѣщихъ думъ.

Ангелъ.

Хочешь на западъ? . . . Тамъ Лондонъ — созданье
Умственной силы и воли земной, —
Гдѣ просвѣщенье, торговля, познанье
Царствуютъ, міръ наполняя молвой!

Хочешь въ Парижъ ты? — въ тотъ городъ блестящій,
Гдѣ наслажденіе суетныхъ ждетъ,
Жизнью, весельемъ, и златомъ кипящій?
Тамъ, въ шумѣ общемъ, духъ скорби заснетъ!

Digitized by Google

Душа.

Нѣтъ, не хочу я! . . . на блескъ чужестранцевъ
Взоромъ холоднымъ что̀ пользы смотрѣть?
Что̀ передъ славой умовъ-самозванцевъ
Мнѣ безразсудно благоговѣть? . . . . . .

Что̀ въ наслажденіяхъ, въ дружбахъ минутныхъ
Жизнь по пустому, безъ цѣли терять?
Что̀ по дорогѣ, на дневкахъ напутныхъ,
Сердце и мысли клочками бросать?

Жизни хочу я, — но ровной, но полной;
Жизни подъ небомъ, подъ солнцемъ роднымъ,
Гдѣ-бы разлуки холодныя волны
Въ срокъ не отхлынули съ счастьемъ моимъ!!

Гдѣ приковала-бы цѣпью любимой
Къ мѣстности, къ лицамъ, къ предметамъ меня
Прелесть привычки; гдѣ-бъ плавно, не зримо
Годы стремились къ концу бытія!!

Чувствую, въ сердцѣ довольно есть силы,
Жара довольно, что-бъ долго оно
То-же и тѣхъ-же всё свято любило,
Было однимъ и всё тѣмъ-же полно!! . . . . .

Google

Чувствую, станетъ во мнѣ вдохновенья, ...
Незачѣмъ вдаль мнѣ гонятся за нимъ;
Странъ не видалыхъ не нужны явленья
Что-бы мечтамъ дать стремленье моимъ!

Ангелъ.

Хочешь на Сѣверъ! . . . Но что̀ ты тамъ любишь?
Вѣкъ тамъ морозъ кровь и умъ леденитъ;
Тамъ, свѣта ради, мечту ты погубишь;
Солнце не жжетъ тамъ, весна не живитъ.

Душа.

Къ Сѣверу!! къ Сѣверу!! . . . Въ край ненаглядный!! . . .
О! пусть онъ мраченъ, и пусть онъ суровъ, ...
Пусть тамъ отчизна зимы безпощадной,
Пусть тамъ обители вѣчныхъ снѣговъ;

Но и безъ солнца мнѣ сердце тамъ грѣютъ
Мысль и сознанье что̀ дома оно, —
Но и безъ вѣшнихъ дней думы тамъ зрѣютъ.
И вдохновенью развиться дано!

Но я увижу тамъ края роднаго
Силу и славу, — и имъ возгоржусь;
Града богатаго, града большаго
Умственной жизнію тамъ наслажусь.

Много друзей тамъ найду я любимыхъ,
Много привѣтливыхъ, добрыхъ сердецъ:
Тамъ исполненье всѣхъ сновъ, мной таимыхъ,
Альфа съ омегой, . . . начало, конецъ! . . . .

Тамъ меня ждутъ, и зовутъ, и всѣ любятъ;
Тамъ отдохнуть отъ изгнанья хочу;
Тамъ отогрѣютъ меня, приголубятъ,
Тамъ моя жизнь, и туда я лечу! . . . .

Село Вороново, Іюль, 1840 г.

Digitized by Google

V.

НОЧНОЙ МОТЫЛЁКЪ.

Откуда ты, эѳира житель?
Жуковскій.

Полночь. Дремлющаго сада
Почернѣла глубина;
Тихо вѣетъ мнѣ прохлада
Изъ открытаго окна,
И вечерняя лампада
Тускло блещетъ, чуть видна.

Дума грустная проснулась
Въ грустномъ сердцѣ: — я душой
На былое оглянулась, ...
Въ даль смотрю, . . . и предо мной
Жизни повѣсть развернулась,
Тучей мрачной, громовой.

Digitized by Google

Что̀-же будетъ? . . . Иль свершится
Сердца тайная мечта? . . . .
Или тучи разразится
Роковая темнота, —
И надъ мной распространится
Мертвой скуки пустота? . . . .

Безпокойной головою
Я на руку оперлась;
Съ безотчётною тоскою
Ожиданью предалась,
Любопытною мечтою
Въ міръ догадокъ занеслась.

Чу! . . . вдругъ слышу шорохъ странный,
Легкій шелестъ, шумъ глухой . . . .
Будто въ ризѣ сребротканной
Вѣетъ Ангелъ надо мной, ...
Иль мертвецъ, мой гость незванный,
Проскользнулъ, спѣша домой . . . .

Я вскочила, я очнулась, ...
Въ жилахъ страха дрожь бѣжитъ,
Жизнь отъ сердца отшатнулась, ...
Грудь не дышетъ, . . . мысль молчитъ . . . .
Слышу: — что̀-то шорохнулось! . . . .
Вижу: — чья-то тѣнь летитъ! . . . .

Digitized by Google

Какъ отвѣтъ, догадкамъ жданный,
Тѣ примѣты мнѣ пришлись. —
И грядущаго туманы
Разступились, разнеслись. . . . .
И предчувствія, какъ враны,
Черной стаей въ грудь впились.

Свѣтъ лампады омраченной
Прерывается . . . . Смотрю,
Что̀ тревожитъ дерзновенно
Собесѣдницу мою, —
Почему она смятенно
Огневую льетъ струю?

Что̀-же вижу? . . . Кто-жъ виновный? . . . .
Мотылёкъ, — летунъ ночной!! . . .
Легкихъ крыльевъ взмахъ неровный
Смялъ свѣтильню, и порой
Рѣетъ въ комнатѣ безмолвной,
Возмущая мой покой.

Да̀! мой страхъ, мой трепетъ тайный
Возбужденъ лишь имъ однимъ;
Да! полётъ его случайный
Грезамъ пламеннымъ моимъ
Помѣшалъ . . . и невзначайно
До утра далъ отдыхъ имъ! . . . .

Село Вороново, Іюль, 1840 г.

VI.

МОЛИТВА ЗА СЕБЯ.

Heureuse qui meurt jeune en ses illusions!
Delphine Gay.

Mourir jeune. . . . au soleil, . . . Dieu, que c'est bien mourir!
M-me Desbordes-Valmore.

Не дай, молю, не дай мнѣ, Провидѣнье,
До хладной старости дожить,
И постепенное увидѣть разрушенье,
И сердце вживѣ схоронить!! . . .

Не дай, не дай мнѣ пережить надежды
И заблужденій дорогихъ! . . . .
Но въ пору дай закрыть коснѣющія вѣжды,
Съ улыбкой на устахъ моихъ! . . . .

Я не хочу считать существованье
Числомъ годовъ и длинныхъ дней:
Хочу я счастье знать, и въ полномъ зрѣть сіяньи
Цвѣтъ свѣжей юности моей!

Digitized by Google

Хочу я радостью обильно насладиться,
Осуществить души мечту . . . .
Потомъ, о мой Творецъ, туда дай возвратиться
Гдѣ ликъ нетлѣнный обрѣту;

Гдѣ не увяну я въ истомѣ сожалѣнья.
Гдѣ не состарюсь я отъ слёзъ! . . . .
Гдѣ преходящаго ужъ нѣтъ — и наслажденье
Всегда безъ крылъ и безъ угрозъ!! . . .

Село Вороново, Іюль, 1840 г.

Digitized by Google

VII.

ЧАСЫ УЕДИНЕНЬЯ.

Quand on est seul, on est plus que jamais avec ceux qu'on aime.

Saadi, — poète Persan.

О! какъ люблю я быть одною!
О! какъ одной дышать легко,
Когда и сердцемъ и душою
Я уношуся высоко! —
Когда вокругъ меня всё дремлетъ,
Живу и мыслю только я,
И слухъ обрадованный внемлетъ
Успокоенье бытія! . . . .

Заботы жизни мелочныя,
Нелѣпыхъ празднословій шумъ,
И разговоры заказные, —
Всё, въ чемъ вольнолюбивый умъ
Находитъ скуку и терзанье,
Всё стихло, смолкло, . . . я одна,
Безпечно сладкому мечтанью
И созерцанью предана!

Digitized by Google

Надъ изголовьемъ безмятежномъ
Младенцевъ спящихъ помолясь,
Улыбкой ихъ въ восторгѣ нѣжномъ
Налюбовавшись, насладясь, —
Я запираюсь. — Томной лѣни
Полна безмолвной ночи тѣнь,
Прошелъ день суетныхъ волненій,
И настаетъ духовный день.

Съ небесъ, осыпанныхъ звѣздами,
Мнѣ лучь поэзіи блеснулъ,
И убаюканный мечтами,
Въ ихъ нѣгѣ умъ мой отдохнулъ;
И вдохновенье свѣтлымъ токомъ
Струится на главу мою;
Въ благоговѣніи глубокомъ
Я пью живящую струю.

Воспоминаній говорящихъ,
Видѣній райскихъ, райскихъ сновъ,
И жаркихъ думъ, и грёзъ блестящихъ
Уединенный полонъ кровъ.
Невольно въ сердцѣ умиленномъ
Поется пѣснь и гимнъ звучитъ . . . .
И мнится, эхомъ отдаленнымъ
Природы вѣчный гимнъ гремитъ.

Мечтанья вызванныя силой, —
Мелькаютъ тихо предо мной
Всѣ тѣ, кто дороги и милы,
Всѣ тѣ, кого люблю душой.

Digitized by Google

Я слышу памятныя рѣчи, ...
Я узнаю ихъ голоса, ...
Какъ будто вымоленной встрѣчи
День ускорили небеса! . . . .

Такъ незамѣтно пролетаютъ
Часы досуга и мечты,
Давно за полночь! изчезаютъ
Ужъ звѣзды съ горней высоты.
Средь тишины, уединеньемъ
Душа моя освѣжена;
И забываетъ съ восхищеньемъ
Весь міръ существенный она.

Сѣло Вороново, Іюль. 1840 г.

Digitized by Google

VIII.

ЗВѢЗДЫ ПОЛУНОЧИ.

Ye stars, ... the poetry of Heaven! ....
Childe Harold.

Кому блестите вы, о звѣзды полуночи? ....
Чей взоръ прикованъ къ вамъ съ участьемъ и мечтой?
Кто вами восхищенъ? ... Кто къ вамъ подыметъ очи,
Незасоренныя землей!! ...

Не хладный астрономъ, упитанный наукой,
Не мистикъ-астрологъ васъ могутъ понимать! ....
Нѣтъ! ... для изящнаго ихъ дума близорука. —
Тотъ испытуетъ васъ, — тотъ хочетъ разгадать.

Поэтъ, одинъ поэтъ съ восторженной душою,
Съ воображеніемъ и страстнымъ и живымъ,
Пусть наслаждается безсмертной красотою,
И вдохновеніемъ пусть васъ почтитъ своимъ!! ....

Digitized by Google

Да женщина еще, — мятежное созданье,
Рожденное мечтать, сочувствовать, любить —
На небеса глядитъ, чтобъ свѣтъ и упованье
Въ душѣ пугливой пробудить.

Село Вороново, Августъ, 1840 г.

Digitized by Google

IX.

ПОСѢЩАЯ МОСКОВСКУЮ ОРУЖЕЙНУЮ ПАЛАТУ.

«Да нынѣ имемся во едино сердце,
и соблюдемъ Русскую землю.»
Несторъ, лѣт. 1034.

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ;
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость Государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу.
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій.
Владиміръ и Борисъ, Татары и Мстиславъ, —
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ;
. . . . . .
. . . . . .
Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позла-
щенныхъ

И кубковъ дѣдовскихъ, и чарокъ вѣковыхъ,
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгромож-
денныхъ, —
Мнѣ любъ здѣсь мечь одинъ, — мечь бѣдный
и простой.
Безъ пышнаго герба, .. мечь ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья міровыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей,
Побѣдой искупилъ честь родины своей: —
То мечь Пожарскаго, спасителя Россіи!!! ...
Смотри-же на него, Боярей русскихъ сынъ,
Смотри, отечества слуга и гражданинъ! —
Благоговѣй предъ нимъ, — и помни: — чистой
славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечь намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ! —
Склони главу предъ нимъ, — и удались, съ
обѣтомъ
За Русь не пощадитъ ни жизнь свою ни кровь!...

Москва, 27-го Августа, 1840 г.

X.

БЛАГОДАРЮ!

У Всенощной въ Симоновомъ Монастырѣ.

«La souffrance et la douleur m'ont enseigné
Dieu, le bonheur me l'a fait comprendre.»
X. Conversation intime.

Благодарю!! . . . Изъ глубины душевной
Исторгла я хвалу и пѣснь свою!
И съ тайнымъ трепетомъ, и въ полнотѣ сердечной
Благодарю. . . . . благодарю! . . . .

Благодарю за свѣтлую надежду!
Благодарю за ясную зарю!
За всё далекое, за день и часъ насущный
Благодарю. благодарю!

И никогда еще мнѣ не случалось
Такъ радостно припасть къ святому алтарю, . . .
И никогда еще съ такимъ живымъ восторгомъ
Не говорила я: благодарю! . . . .

Москва, 28-го Августа, 1840 г.

XI.

У ОКНА, ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

> Dieu a mis en l'homme la passion; la nature y met la rêverie: de la passion mêlée à la rêverie naît la poésie.
>
> *Victor Hugo.*

Свѣтло и ясно тамъ, вокругъ деревъ шумящихъ,
Свѣтло и ясно здѣсь, въ чуть дышущей груди;
И чудный лунный свѣтъ мирьядой искръ блестящихъ
Разсыпалъ предо мной всѣ волшебства свои.

Надъ сердцемъ дремлющимъ скрестя лѣниво руки,
Безъ мысли думаю, безъ грёзъ мечтаю я;
Теперь, мнѣ кажется что нѣтъ ни слёзъ, ни муки,
Ни треволненія, въ грядущемъ для меня.

Мнѣ весело, легко! Въ покоѣ безмятежномъ
Я сладко предаюсь воспоминаньямъ нѣжнымъ,
Я улыбаюся надѣждѣ молодой.

О! Боже ..... точно-ли теперь я существую,
Иль сонъ умчалъ меня въ страну и жизнь иную? ...
Ахъ! если это сонъ, — пусть онъ навѣкъ со мной! ..

Москва, 30-го Августа 1840.

Digitized by Google

XII.

НА ОБЛИКЪ СТРАЖДУЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ,

найденный въ альбомѣ.

Графу Алексѣю Алексѣевичу Бобринскому, въ память вечера, проведеннаго у Красныхъ Воротъ.

Aux coeurs blessés, l'ombre et le silence! ....
Balzac.

И молится она, и плачетъ, и страдаетъ;
И можетъ быть, въ холодной мглѣ земной
Небесное предчувствуетъ, и знаетъ
Что̀ ждетъ её за гробовой доской.
Въ глазахъ ея отчаянныхъ и страстныхъ
Утрата скорбная читается: она
Многолюбимаго конечно лишена,
И много дней пережила несчастныхъ,
И много бурь перенесла опасныхъ,
И много жизнію испытана была;
И слѣпо сердце ей на жертву отдала. . . . . .
Но кто? . . . и гдѣ? . . . . какимъ очарованьемъ,
И для кого горѣло сердце въ ней? . . . .
Какимъ событіемъ, иль смертью иль изгнаньемъ
Они разрознены во цвѣтѣ красныхъ дней? . . . .

Любила-ли она съ мятежнымъ увлеченьемъ,
Иль съ поростью нѣмой? . . . Была-ль любима
имъ? . . .
Томится-ли она напраснымъ сожалѣньемъ,
Иль бодро смотритъ въ даль съ довѣріемъ
святымъ, —
То не открыто намъ: — Мы только понимаемъ
Что по стезѣ страстей сквозь бурь прошла она,
И благодатію небесъ озарена;
И въ умиленіи, любуясь, мы мечтаемъ. . . . .

Москва, 16-го Сентября 1840 г.

Digitized by Google

XIII.

БОЮСЬ! . . . .

Who better loves, must greatly fear,
Who fears, must deeply feel.
Lady Stuart.

Боюсь, боюсь!! . . . . я не прувыкла къ счастью!
Всегда за радостью встрѣчала горе я;
Всегда средь яснаго, блистательнаго дня
Приготовлялась я къ ненастью.

Боюсь, боюсь! . . . Любимыхъ грезъ моихъ
Я недовѣрчиво увижу исполненье,
И буду трепетать чтобъ бури дуновенье
Не размѣтало мигомъ ихъ!

Боюсь, боюсь! . . . . Покуда думы были
Надеждой дальнею, я ихъ могла забыть:
Теперь, возможностью онѣ меня плѣнили, —
Теперь, мнѣ ихъ не пережить! . . . .

Москва, 19-го Сентября 1840 г.

Digitized by Google

XIV.

КАКЪ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЖЕНЩИНЫ.

..... de celles
Qui gardent dans leur sein leurs douces étincelles,
Qui cachent en marchant la trace de leurs pas,
Qui soupirent dans l'ombre, et que l'on n'entend pas.
Joseph Delorme.

Какъ я люблю читать стихи чужіе,
Въ нихъ за развитіемъ мечты пѣвца слѣдить,
То соглашаться съ нимъ, то разбирать, судить,
И отрицать его! .... Фантазіи живыя,
И думы смѣлыя, и знойный пылъ страстей,
Все вопрошаю я съ внимательнымъ участьемъ,
Все испытую я; и всей душой моей
Дѣлю восторгъ пѣвца, дружусь съ его несчастьемъ,
Любовію его люблю, и вѣрю ей.
Но женскіе стихи особенной усладой
Мнѣ привлекательны; но каждый женскій стихъ
Волнуетъ сердце мнѣ, и въ морѣ думъ моихъ
Онъ отражается тоскою и отрадой.
Но только я люблю чтобъ лучшихъ сновъ своихъ

Пѣвица робкая вполнѣ не выдавала,
Чтобъ имя призрака ея невольныхъ грёзъ,
Чтобъ повѣсть милую любви и сладкихъ слёзъ
Она, стыдливая, таила и скрывала;
Чтобъ только изрѣдка и въ проблескахъ она
Умѣла намѣкать о чувствахъ слишкомъ нѣжныхъ. . . . .
Чтобы туманная догадокъ пѣлена
Всегда надъ ропотомъ сомнѣній безнадежныхъ,
Всегда надъ пѣснію надежды золотой
Вилась таинственно; чтобъ эхо страсти томной
Звучало трепетно подъ ризой мысли скромной;
Чтобъ сердца жаръ и блескъ подернутъ былъ золой,
Какъ лавою волканъ, чтобъ глубью необятной
Ея завѣтная казалась намъ мечта;
И какъ для ней самой, для насъ была свята:
Чтобъ рѣчь не полная улыбкою понятной
Слезою теплою дополнена была;
Чтобъ внутренній порывъ былъ скованъ выраженьемъ,
Чтобы приличіе боролось съ увлеченьемъ,
И слово каждое чтобъ мудрость стерегла.
Да! женская душа должна въ тѣни свѣтиться,
Какъ въ урнѣ мраморной лампады скрытой лучь,
Какъ въ сумерки луна сквозь оболочку тучь,
И согрѣвая жизнь, незримая, теплиться.

Москва, 22-го Сентября 1840 г.

XV.

ОГОНЬ ВЪ СВѢТЛИЦѢ.

Дорожная дума.

Ахъ! ты душечка, красная-дѣвица,
Не сиди ты въ ночь подъ окошечкомъ,
Ты не жги свѣчи воску яраго. . . . .
. Баронъ Дельвигъ.

Дорогой, ночью, любо мнѣ
Проѣхать городъ неизвѣстный,
И при таинственной лунѣ
Окинуть взглядомъ видъ окрестный,
Дома, съ ихъ кровлею смѣшной,
Съ убранствомъ страннымъ, запоздалымъ,
И церкви съ маковкой златой
Въ богатствѣ нынѣ обвѣтшаломъ,
И хаты низкія мѣщанъ,
Архитектуры произвольной,
Гдѣ русской лѣни Богомъ данъ
Насущный хлѣбъ да сонъ привольный.
Но если вдругъ передо мной
Вдали блеснетъ, какъ лучь денницы,

Огонь ночной въ окнѣ свѣтлицы, —
Туда я взоръ вперяю свой;
И долго съ любопытной думой
Гляжу на свѣтлое окно,
И мнѣ сдается, — вотъ оно
Сей часъ отворится безъ шума. . . . .
И я увижу: тамъ сидитъ,
Склонившись томной головою,
Надъ тонкой прядью кружевною,
Съ румянцемъ пламенныхъ ланитъ,
И съ свѣтло-русою косою
Краса-дѣвица! — И она
Какъ незабвенная Свѣтлана,
Подъ простотою сарафана
Свѣжа и прелести полна.
И вѣрно заданнымъ урокомъ
Спѣшитъ бѣдняжка въ поздній часъ? . . . .
И вѣрно изъ прелестныхъ глазъ
Отъ скуки, въ бдѣньи одинокомъ,
Или, быть можетъ, отъ мечты, ...
Мечты завѣтной сокровенной, ...
Струятся слёзы? . . . . И смятенно
Она глядитъ: средь темноты
Не наблюдаетъ-ли за нею
Взоръ строгой матери тайкомъ? .
Съ улыбкой хитрою своею
Не спрятана-ли за угломъ
Ея коварная подруга,
Что-бы подмѣтить, что-бъ прочесть
Въ глазахъ ея что въ сердцѣ есть

Digitized by Google

У ней зазноба, ... что безъ друга
Она и плачетъ и груститъ? . . . .
Но тихо всё! . . . . но всё молчитъ! . . . .
Она одна, — и вотъ уныло
Она запѣла. Голосъ милый
И страхомъ и тоской дрожитъ;
И сердца нѣжнаго волненье,
И сердца томнаго печаль,
Находятъ въ пѣсни утоленье,
И съ пѣснью той стремятся въ даль.

«Потуши очей сіяніе. . . . .
Погаси огонь ланитъ. . . . .
Тщетно, тщетно упованіе
Счастье близкое сулитъ! . . . .»

«Тщетно смотришь ты въ два зеркала,
И на картахъ ворожишь;
Тщетно ходишь по обителямъ,
И постишься, и грустишь;»

«Нѣтъ, не скоро сны исполнятся,
Сны завѣтные твои,
И смѣнятся думы черныя
Сладкимъ трепетомъ любви!»

«Нѣтъ, не скоро рокъ обрадуетъ
Встрѣчей жданою тебя,
И настанетъ сердцу бѣдному,
Дней безоблачныхъ заря! . . . .»

Digitized by Google

«Но храни въ душѣ терпѣніе,
Вѣрь и жди . . . . . Люби и пой!
Знай, есть въ небѣ провидѣніе,
Здѣсь есть другъ . . . . и миръ съ тобой! . . .»

28-го Сентября 1840, подъѣзжая къ С. Петербургу.

Google

XVI.

АРАБСКОЕ ПРЕДАНІЕ О РОЗѢ.

«Le Rossignol était le mieux chantant des oiseaux, la Rose était la plus belle des fleurs; et le Rossignol aima la Rose.»

Conte Arabe.

Она по прежнему прекрасна и мила,
Она по прежнему какъ роза разцвѣтаетъ,
Ея румяная улыбка весела,
И свѣтлый взоръ горитъ, и насъ она плѣняетъ!

Она перенесла губительный ударъ,
Она пережила годину слёзъ и скуки;
Въ уединеніи, тоски завѣтной муки
Она лелѣяла, какъ замогильный даръ

Она почившаго воспоминаньемъ чтила. . . .
Она любившаго за прошлое любила, ...
Душевной тризною святила много дней. . . .

Digitized by Google

И вотъ по прежнему всѣхъ насъ она плѣняетъ,
И вотъ она опять какъ роза разцвѣтаетъ. . . . .
Но гдѣ-жъ пѣвецъ ея? . . . . гдѣ онъ, нашъ соловей? . . .

Петербургъ, 27-го Октября, 1840 г.

Digitized by Google

XVII.

МОЛИТВА АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ.

O bon ange, veillez sur moi!

«Неси меня! . . .» — я говорила прежде
Въ мольбахъ къ тебѣ, о стражъ небесный мой,
Когда я робко слухъ ввѣряла свой
Едва знакомой мнѣ надеждѣ.
«Неси меня, — взывала я тогда, —
«Къ любимымъ берегамъ, подъ небеса родныя! . . .»
Теперь, — свершилось всё! . . . . я здѣсь!! . . .
и завсегда
Въ слёзахъ твержу тебѣ слова другіе:
«Храни меня!! . . .»

«Храни меня, чтобъ радости сіяньемъ
Мой взоръ, мой слабый умъ вдругъ не былъ ослѣпленъ,
Чтобъ счастья новаго тревожно сладкій сонъ
Не обаялъ меня своимъ очарованьемъ!

Digitized by Google

Храни меня, чтобъ съ высоты небесъ
На землю въ забытьи я снова не упала! . . .
Будь мнѣ опорою! . . . Изъ области чудесъ
Не изгони меня: — мнѣ здѣсь привольно стало! . . .
Храни меня! . . . .

Храни меня, покуда сердцемъ жаднымъ
Я свѣтлую восторга пью струю,
Пока младая жизнь волнуетъ грудь мою
Мечтой, поэзіей, довѣріемъ отраднымъ!! . . . .
Но если счастье мнѣ на краткій мигъ дано,
Но если радости погаснетъ вдругъ свѣтило, ...
О! мимо бытія гдѣ горе суждено,
Тогда размахомъ крылъ въ отверстую могилу
Скорѣе сбросъ меня!! . . . .

Петербургъ, 8-го Ноября, 1840 г.

Digitized by Google

XVIII.

ТРИ ЛЮБВИ.

Tu naquis pour aimer, comme pour être aimé!
Millevoye.

Есть матери любовь: она хранитъ и грѣетъ,
И нѣжно бережетъ, и ласками щедра;
Ея святымъ огнемъ жизнь бурная свѣтлѣетъ;
Ея вліяніемъ гласъ долга и добра
И громче и звучнѣй взываетъ въ сердцѣ юномъ;
Ея молитвою небесной вѣры лучь
Нисходитъ иногда сквозь мракъ житейскихъ тучь
Въ разсудокъ, преданный мечтаньямъ вольно-
думнымъ;
И образомъ ея, и мыслію о ней
Усмирено порой волненіе страстей.

Есть сестрина любовь: она и состраданье
И соучастіе на поприщѣ земномъ;
Она средь неудачь, въ минуту испытанья,
Приходитъ, кроткая, съ догадливымъ умомъ
И съ сердцемъ преданнымъ, чтобъ безъ рѣчей,
безъ шума,

Digitized by Google

Унять и исцѣлить припадокъ злой тоски;
И взглядомъ дружескимъ, пожатіемъ руки
Умѣетъ разогнать порывъ хандры угрюмой;
И братомъ, гордости и нѣжности полна,
Всё восхищается въ мечтахъ своихъ она.

И есть еще любовь .... Но та! .... Гдѣ выраженья,
Гдѣ краски и слова чтобъ высказать её? ....
Чтобъ передать вполнѣ и цѣль и назначенье
Той страсти, той любви? ... Лишь ею бытіе
И міръ озарены! .. Она горитъ и блещетъ;
Всю душу женскую, весь тайный сердца жаръ
Блаженству милаго она приноситъ въ даръ,
И имъ однимъ живетъ, и имъ однимъ трепещетъ! ...
Она безцѣнный перлъ, она душистый цвѣтъ,
И ей межъ радостей земныхъ подобной нѣтъ! ....

Петербургъ, 10-го Ноября, 1840 г.

XIX.

НЕАПОЛИТАНСКОЙ ПСИХЕИ,

принадлежащей Графинѣ Лаваль.

Réalisant en marbre un rêve de beauté.
Théophile Gautier.

Прелестная! не сѣтуй понапрасну
О дальней родинѣ, о солнцѣ золотомъ,
О длинныхъ жаркихъ дняхъ Италіи прекрасной
О южномъ воздухѣ, о морѣ голубомъ! . . . .
И здѣсь, на Сѣверѣ, мы свято чтимъ искуства,
И здѣсь на Сѣверѣ, оцѣнимъ мы тебя;
И въ домѣ, гдѣ краса прославится твоя,
Живутъ изящный вкусъ, возвышенное чувство
И просвѣщенный умъ. Подъ сѣнью крова ихъ
Ты будешь забывать, бесѣдѣ ихъ внимая,
Что передъ окнами течетъ Нева льдяная,
И думать что въ кругу соотичей своихъ
Ты снова ожила, Психея молодая!

Петербургъ, 16-го Ноября, 1840 г.

Digitized by Google

XX.

ПОТЕРЯННОЕ КОЛЬЦО.

'T'was bright, t'was heavenly. ... but 't'is past! ....
Thomas Moore, Lalla Rookh.

Блестѣло. ... искрилось, ... сіяло, ...
И взорамъ нравилось оно, —
И вдругъ какъ сонъ оно пропало,
Богъ вѣсть куда занесено! ....

Рѣзвяся, фея-ль утащила
Его незримою рукой? ....
Ворожея-ль заговорила? ....
Иль спряталъ старый домовой? ....

Нечистой силы навожденье
Его, быть можетъ, унесло,
Въ знаменованье и значенье
Что въ будущемъ грозится зло?

Digitized by Google

Что также скроется и згинетъ
Та, кѣмъ кольцо подарено, ...
Что срокъ блаженства скоро минетъ,
И превратится въ прахъ оно?

Что всё, что̀ дорого и мило,
Что всё, что̀ свѣтитъ и горитъ,
Во мракъ ничтожности, въ могилу
Судьба безжалостно умчитъ? . . . .

Петербургъ, 26-го Ноября, 1840 г.

Digitized by Google

XXI.

ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ЗАСТРАХОВАТЬ.

Son mal fermi quaggiù tutti i legami! ...
Silvio Pellico.

Страхуютъ жизнь, пожитки, и имѣнье,
Страхуютъ всё что̀ тлѣетъ и горитъ,
Что̀ служитъ тамъ въ вседневномъ столкновеньи
Заботъ и нуждъ; — всё, чѣмъ земной нашъ бытъ
И отягченъ, и вмѣстѣ обезпеченъ: —
Застраховать не могутъ только намъ
Ни радости, ни счастья!! .... Скоротеченъ
По прежнему ихъ срокъ, и свѣтлымъ днямъ
По прежнему приходитъ скоро смѣна! ....
И мы глядимъ на небеса съ мольбой:
Лишь только тамъ упроченъ нашъ покой
Разлуки нѣтъ, и не грозитъ измѣна! ....

Петербургъ, 14-го Декабря, 1840 г.

Digitized by Google

XXII.

БЫЛЫЯ СЛЁЗЫ.

Слёзы былыя, слёзы чужія, ...
Въ душу вы льетесь жгучею лавой,
Въ сердце впились вы тайной отравой. . . .
Больно отъ васъ мнѣ, слёзы былыя! . . . .

Слѣдъ вашъ изглаженъ; . . . . даже забыта
Ваша причина, — рана живая,
Горькая дума: — рана закрыта, —
Думу смѣнила радость младая!

Я-же ревную! . . . . страсти порукой
Слёзы не льются, мнѣ дорогія. . . . .
Васъ я купила-бъ пыткой и мукой,
Васъ мнѣ завидно, слёзы былыя! . . . .

Петербургъ, 5-го Января, 1841 г.

Digitized by Google

XXIII.

Я НЕ ДЛЯ СЧАСТЬЯ РОЖДЕНА!

Mon Dieu, que voulez-vous donc faire de ces âmes de feu, qui se dévorent elles-mêmes? ....
Mme de Staël, Delphine.

Я не для радости безпечной,
Я не для счастья рождена, ...
Тоска во мнѣ затаена
Болѣзнью сердца вѣковѣчной! ....

Хоть солнце свѣтитъ надо мной,
Хоть жизнь отрадно улыбнется, —
Въ душѣ вопль страха раздается
Какъ эхо горести былой.

И въ часъ надеждъ, восторга полный,
И въ сладостный блаженства часъ,
Я мыслю: «дни текутъ какъ волны,
Утраты день придетъ для насъ! ....»

Невольно сердце замираетъ,
Невольно грудь боязнь тѣснитъ,
Мой взоръ съ вопросомъ въ даль глядитъ....
Мой умъ о будущемъ гадаетъ....

Digitized by Google

Какъ пёстрой розсыпью цвѣты
Мелькаютъ въ складкахъ черной ткани —
Такъ, межъ сомнѣній и страданій,
Блестятъ мнѣ свѣтлыя мечты.

И жизнь моя судьбы рукою
Изъ черныхъ нитей соткана;
Съ моей тревожною душою
Я не для счастья рождена! . . . .

Петербургъ, 19-го Января 1841 г.

Digitized by Google

XXIV

ЛЮБИТЬ И ЗНАТЬ.

«Savez-vous que vous êtes très-ignorante? . . . .»
X. X. Causerie d'amis.

. . . . . I have heard it said
The seraphs *love* most, cherubims most *know*.
Byron, Heaven and Earth.

Любить и знать! . . . Два въ жизни назначенья,
Два таинства возвышенной души, —
Два разныя, противныя стремленья
Къ борьбѣ страстей, иль къ пристани въ тиши . . . .
Любить и знать! . . . — лишь избраннымъ межъ многихъ
Дано вполнѣ свой жребій совершить;
Но цѣли двѣ для сильныхъ и убогихъ: —
Кто созданъ знать, . . . кто сотворенъ любить! . . . .

Всё знать умомъ и мыслью быстролётной,
Всё понимать, изслѣдовать, пытать,
Мущины цѣль; — и знаній кладъ несчётный
Онъ въ памяти умѣетъ сохранять.

Digitized by Google

А женщина? . . . въ ней нѣжности смиренной
Полна душа; ей сердцемъ только жить,
Ей чувствовать, — и свыше вдохновенной
Ей на землѣ молиться и любить!! . . . .

Разумникъ мой, вселенной созерцатель,
Рѣшитель всѣхъ вопросовъ міровыхъ, —
Пусть будешь ты мыслитель, наблюдатель,
Знатокъ искусствъ и всѣхъ наукъ земныхъ;
А я себѣ пойду своей дорогой:
Не возносясь до мудростей такихъ,
Не думая, не разбирая много, —
Любить пока я буду за двоихъ!

Петербургъ, 27-го Января, 1841 г.

Digitized by Google

XXV.

ЧТО́ ЛУЧШЕ?

Въ альбомъ Маріи А. Бартеневой.

«L'exaltation est-elle un bien ou un mal? ....»
Problème que deux femmes n'ont pas su résoudre.

Восторженность души, даръ чувствовать полнѣе
И мыслить глубоко, даръ плакать и мечтать,
И видѣть въ жизни сей всё ярче и свѣтлѣе, —
То кара-ль жребія? ... то неба-ль благодать? ...

Что́ лучше: — разуму спокойно повинуясь,
Судить какъ судитъ свѣтъ, всё взвѣшивать, цѣнить;
Съ условнымъ мнѣніемъ небрежно согласуясь,
Жизнь, сердце и судьбу расчету подчинить?

Или, давъ волю снамъ, и думамъ, и желаньямъ,
Преображать весь миръ своей живой мечтой,
Искать сочувствія, и вѣрить предвѣщаньямъ,
И ждать .... и счастье звать трепещущей душой? ....

Digitized by Google

Что̀ лучше, — знаетъ Богъ! .... что̀ лучше,
опытъ скажетъ,
Не намъ, не намъ рѣшить загадочный вопросъ!
Кто заблужденье намъ иль истину докажетъ,
Когда гласъ внутренній еще не произнесъ? ....

Но если втайнѣ намъ мечтается порою,
Иль сладко плачется, и рвется сердце въ насъ
На небо вознестись беззвучною мольбою,
Иль на землѣ вкусить восторга свѣтлый часъ: —

Зачѣмъ противиться? .... полны благоговенья,
На крыльяхъ радужныхъ умчимся высоко. ....
Какъ чисты, какъ теплы тѣ слёзы умиленья!
Какъ сердцу послѣ нихъ отрадно и легко! ....

Петербургъ, 5-го Марта 1841 г.

Digitized by Google

XXVI.

НА ДОРОГУ!

Михаилу Юрьевичу Лермантову.

. . . . . Tu lascerai ogni cosa diletta
Più caramente!
Dante, Divina Commedia.

Есть длинный, скучный, трудный путь. . . . .
Къ горамъ ведетъ онъ, . . . въ край далёкій, . . .
Тамъ сердцу къ скорби одинокой
Нѣтъ гдѣ пристать, гдѣ отдохнуть!

Тамъ къ жизни дикой, къ жизни странной
Поэтъ нашъ долженъ привыкать,
И пѣснь и думу забывать
Подъ шумъ войны, въ тревогѣ бранной!

Тамъ блескъ штыковъ и звукъ мечей
Ему замѣнятъ вдохновенье,
Любви и свѣта обольщенья,
И мирный кругъ его друзей.

Digitized by Google

Ему, — поклоннику живому
И богомольцу красоты, —
Тамъ нѣтъ кумира для мечты,
Въ отраду сердцу молодому! . . . .

Ни женскій взоръ, ни женскій умъ
Его лелѣять тамъ не станутъ;
Безъ счастья дни его увянутъ, ...
Онъ будетъ мраченъ и угрюмъ!

Но есть заступница родная
Съ заслугою преклонныхъ лѣтъ, —
Она ему конецъ всѣхъ бѣдъ
У неба вымолитъ рыдая!

Но заняты радушно имъ
Сердецъ пріязненныхъ желанья,
И минетъ срокъ его изгнанья,
И онъ вернется невредимъ!

Петербургъ, 27-го Марта, 1841 г.

Digitized by Google

XXVII.

МИЛѢЕ ПРЕЖНЯГО.

Больной красавицѣ.

Elle possédait au plus haut dégré l'interessante beauté de la souffrance rêveuse et de la grâce résignée; on ne pouvait la regarder sans éprouver une pitié pleine de prestiges, qui forçait à l'admiration quand elle ne tournait pas à l'amour.

D'Arlincourt, Ida.

Её видала я красавицей цвѣтущей,
Въ блестящей свѣжести, съ улыбкой на устахъ;
Её видала я царицей всемогущей
Среди поклонниковъ, на балахъ и пирахъ:

И рѣзвъ былъ смѣхъ ея, и умъ ея безпечный
Веселой остротой живилъ нашъ разговоръ,
И гордымъ счастіемъ, и радостью сердечной
Заманчиво горѣлъ ея опасный взоръ:

Но мнѣ не нравилась красавица живая. . . . . .
Воображенія ничто къ ней не влекло,
Не свѣтилась въ глазахъ чувствительность святая,
Не выражало думъ спокойное чело! —

Digitized by Google

Теперь, она не та!! .... Теперь, недугъ безвѣстный
Пересоздалъ её, открылъ міръ мысли ей;
Теперь, подъ томностью, подъ блѣдностью пре-
лестной
Приманка тайная обворожаетъ въ ней.

Теперь душа ея въ страданьяхъ окрилѣла
И сердце женское развилось въ ней вполнѣ,
И нѣжная мечта во взорахъ загорѣла, ...
Милѣе прежняго она явилась мнѣ!

Москва, 22-го Мая, 1841 г.

Digitized by Google

XXVIII.

ПОТЕРЯННАЯ ВЕСНА.

Oh! l'air, des parfums, des fleurs pour me nourrir!
Mme Desbordes Valmore.

Весна безъ соловья, весна безъ вдохновенья,
Весна безъ ландышей, . . . средь города, въ пыли,
Въ какомъ несносномъ заточеньи
Дни длинныя твои прошли! . . . .

Какъ ты скучна была! . . Въ какой тоскѣ безгласной
Я выжидала срокъ затвору своему,
Какъ думой въ даль рвалась напрасно,
Какъ душную кляла тюрьму!

Какъ жаждала цвѣтовъ, и солнца, и простора,
И воли средь степей! . . . какъ старая Москва
Пуста для сердца и для взора!
Какъ въ ней нѣма я и мертва! . . . .

Москва, на Басманной, 9-го Іюня 1841 г.

XXIX.

КАКЪ ЛЮБЯТЪ ЖЕНЩИНЫ.

Предсмертная дума Шарлоты Штиглицъ *).

He looked up
For fame, ambitious of no second place;
Hope grew from inward faith and promised fair,
And opened out before him many a path
Ascending, where the laurel highest waved
Her branch of endless green! . . . . . .

The Evergreen.

Умомъ возвышеннымъ, великою душою
И свѣтлой мыслію онъ небомъ одаренъ;
Онъ взросъ, успѣхами, надеждой окруженъ,
Всегда лелѣянный своей семьей родною,
Какъ славы будущей многообѣтный цвѣтъ:
Но что! . . . . — Его увлекъ, его испортилъ свѣтъ.

*) Шарлота Штиглицъ, жена Берлинскаго поэта Эдуарда Штиглица, лишила себя жизни, чтобъ возвратить духовное здравіе мужу, впавшему въ изнеможеніе, и которому доктора совѣтовали сильное потрясеніе души какъ единственное средство къ исцѣленью.

Въ вседневныхъ суетахъ, въ ихъ мѣлочномъ волненьи,
Какъ драгоцѣнный перлъ затерянный въ пескахъ,
Онъ цѣль свою забылъ. — Онъ глухъ для вдохновеній,
Онъ гордость юности съ мечтами бросилъ въ прахъ;
Онъ разнакомился съ духовнымъ созерцаньемъ,
И съ думой творческой, и съ умственнымъ трудомъ;
Онъ лѣни предался; въ бездѣйствіи своемъ
Душа его живетъ не жизнью, — прозябаньемъ! ....

И тщетно передъ нимъ даль жизни молодой
На разныхъ поприщахъ извѣстность обѣщаетъ,
И тщетно передъ нимъ блестящею звѣздой
Вся будущность его заманчиво мелькаетъ! ....
Небесный стражъ его, хранитель-ангелъ самъ
Съ упрекомъ горестнымъ печально кажетъ намъ
Пустую хартію дѣяній несвершенныхъ. ....
Какъ часто гласъ любви ему напоминалъ
Что сладокъ женщинѣ гремящій хоръ похвалъ
Заслугамъ милаго толпою принесенныхъ ....
Вотще!! .....

Разсѣянный не внемлетъ!! ....
Но, можетъ быть, душа его

Digitized by Google

Невольнымъ сномъ такъ крѣпко дремлетъ
Затѣмъ что рано для него? ....
Что не пробилъ тотъ часъ урочный
Когда, восторженный и мощный,
Онъ путь ко славѣ изберетъ
И подвигъ умственный начнетъ? ....
Быть можетъ, въ сердцѣ многострастномъ
Недостаетъ струны одной, —
И долженъ онъ созрѣть душой
Въ утраты день, въ бою напрасномъ
Съ холодной кельей гробовой? ....
Ему, быть можетъ, нужны слёзы
Чтобъ вдохновеньямъ дать истокъ, ...
Любви не радости а грозы
Должны его дополнить рокъ
Священнымъ таинствомъ страданья? ...
Надъ прахомъ милымъ преклоненъ,
Любимой тѣнью навѣщенъ,
Онъ совершитъ свое посланье;
Онъ удалится отъ людей
Онъ будетъ жить воспоминаньемъ,
Онъ въ глубинѣ души своей
Сдружится съ мыслью, съ дарованьемъ. —
И далеко, и высоко
Достигнетъ онъ!! .... — Ему легко!! ....

А мнѣ, счастливицѣ! — мнѣ тризною святою
Всю жизнь прекрасную онъ, вѣрный, принесетъ!
Своею славою меня онъ облечетъ,
Лучи вѣнца его зардятся надо мною! ....

Digitized by Google

Ахъ! мнѣ-ли не купить безсмертья для него,
Пожертвуя сей жизнью преходящей? . . . .
Живая, — я ему игрушкою блестящей,
Усопшая, — я вдохновлю его! . . . . .

Москва, 29-го Іюня, 1841 г.

Digitized by Google

XXX.

РЫЦАРСКІЙ ПИРЪ.

«.... c'était bien plus qu'il n'en aurait fallu jadis «pour me mettre complètement en joie, et me faire voir «en rose la vie, l'avenir, l'univers entier. Mais ces temps «sont passés, ... ce qui me réjouissait autrefois ne me «suffit plus! ....»

X. X.

Alors, ceux qui t'entouraient te regardaient avec étonnement. «Quel est donc celui-ci?» — disaient-ils. — «Nous l'avons pris par un des nôtres, mais c'est le transfuge, l'exilé de quelque autre monde plus triste et plus heureux. Il nous cherche, et vient s'asseoir à nos tables, mais il ne trouve pas dans l'ivresse les mêmes illusions que nous. D'où vient que par instants un nuage passe sur son front et fait pâlir son visage? .... A quoi songe-t-il? .... Pour quoi les *amours* et les *anges* passent-ils sans cesse dans ses rêves? ....»

Georges Sand, Lettres d'un Voyageur.

Шатры раскинуты на бархатныхъ холмахъ,
Обширный станъ возникъ надъ Рейномъ величавымъ:
Сошлися рыцари въ кольчугахъ и броняхъ
Подъ знамя общее, подъ Кесаремъ державнымъ.
Сѣдыя Курфирсты, Бароновъ шумный рой,
И сѣверной Ганзы граждане удалые, —

Всѣ здѣсь, всѣ боя ждутъ. Но медлитъ грозный бой,
И спятъ въ ножнахъ мечи стальные.

* * *

Чтобъ скуку праздную разсѣять и прогнать,
Затѣянъ свѣтлый пиръ. Издалека конвои
Везутъ припасовъ дань; гонцы спѣшатъ достать
Изъ замковъ и аббатствъ богатые оббои,
По-больше блюдъ златыхъ, по-больше старыхъ винъ. —
Въ завѣтныхъ погребахъ Епископовъ блаженныхъ
Изъ дикой Венгріи, изъ Рейнскихъ равнинъ
Напитковъ много есть безцѣнныхъ!

* * *

И вотъ ужъ пиръ готовъ. . . . И вотъ ужъ пиръ кипитъ . . .
Какимъ веселіемъ разгулъ военный дышетъ! . . . .
За кубкомъ кубокъ пустъ. за часомъ часъ летитъ, —
Никто, никто изъ нихъ не внемлетъ и не слышетъ!
Здѣсь бранный гимнъ поютъ; — тутъ рѣчь у стариковъ
Зашла о временахъ, дѣяньяхъ позабытыхъ, —
Тамъ споръ о скакунахъ, о мѣткости стрѣлковъ,
И о турнирахъ знаменитыхъ. —

* * *

И всѣхъ объялъ восторгъ, всѣ счастливы они,
Равно оживлены всѣ пѣнистою чашей.
И въ сладкомъ забытьи толкуютъ ужъ одни
Чья отрасть успѣшнѣе ... чья дама прочихъ
краше ...
Но кто-жъ одинъ межъ всѣхъ задумавшись си-
дитъ? ...
Кто не участвуетъ въ похмѣльи, въ разговорахъ,
Недвиженъ, холоденъ, въ пустую даль глядитъ,
Съ тоскоъ и скукой въ мрачныхъ взорахъ?....

* *
*

И латы черныя и черный шарфъ на немъ, —
Сердечныхъ трауровъ извѣстная примѣта!
Онъ молодъ и хорошъ. — Зачѣмъ въ кругу
такомъ
Всеобщей радостью душа въ немъ не согрѣта? ....
Или, красавицей далекою любимъ,
О милой онъ груститъ, о милой вспоминаетъ?
Или могущества желаніемъ томимъ,
О славѣ будущей мечтаетъ? ....

* *
*

Да! скучно рыцарю! — Онъ съ мощною душой
Рожденъ не для забавъ, не для пировъ безум-
ныхъ:
Иныя радости, восторгъ и міръ иной
Онъ, избранный, постигъ въ мышленьяхъ мно-
годумныхъ

Любви и счастія и пламенной мечты
Значенье тайное вполнѣ онъ понимаетъ;
И сборища людей постылы и пусты
Тому, чей выше духъ летаетъ! . . . .

* * *

Онъ шумнымъ торжествомъ друзей не увлеченъ,
Онъ не завидуетъ минутнымъ наслажденьямъ,
И на веселье ихъ, на смѣхъ и пѣсни, онъ
Не помѣняется души своей томленьемъ.
Вездѣ бѣсѣдуетъ съ нимъ голосъ дорогой,
Повсюду вмѣстѣ съ нимъ любимый образъ бродитъ, . . .
И если въ будущемъ онъ гонится мечтой, —
Тамъ слава яркимъ солнцемъ всходитъ! . . . .

Село Анна, Іюнь, 1841 г.

XXXI.

ОДИНОЧЕСТВО.

« J'ai besoin de vivre avec ceux que j'aime
et d'aimer ceux avec qui je vis. »
X.... X....

Есть одиночество среди уединенья,
Подъ сводомъ сумрачнымъ обителей святыхъ:
Тамъ дней расчитанныхъ заранѣй всѣ мгновенья
Назначены для службъ, моленій, думъ нѣмыхъ;
Тамъ въ мертвой тишинѣ, въ постѣ и послу-
шаньи
Подъ схимой много лѣтъ отшельникъ проведетъ;
Но свѣтлый рай вдали, но вѣра, упованье
Не разстаются съ нимъ, — и ими онъ живетъ.

Есть одиночество въ глуши степной и дикой: —
Но просвященному уму досужно тамъ
Вдали суетъ, молвы и городскаго крика,
Предаться отдыху, занятіямъ, мечтамъ.
Есть одиночество подъ кровомъ отдаленнымъ,
Гдѣ въ полночь скромная лампада зажжена:
Но тамъ ученый трудъ товарищемъ безцѣн-
нымъ, —
И жизнь мыслителя прекрасна и полна. —

Digitized by Google

Вотъ одиночество, когда въ толпѣ, средь свѣта,
Въ гостиныхъ золотыхъ, въ тревогѣ боевой,
Напрасно ищетъ взоръ сердечнаго привѣта,
Напрасно ждетъ душа взаимности святой . . .
Когда вблизи, въ глазахъ, кругомъ, лишь всё чужіе, . . .
Изъ цѣпи прерванной отпадшее звѣно,
Когда одинъ груститъ, и далеко другіе,
Вотъ одиночество!! . . . Какъ тягостно оно!

Село Анна, 24-го Іюля, 1841 г.

Digitized by Google

XXXII.

ВОСПОМИНАНІЕ О ДЖІЮДИТѢ ПАСТА.

. . . . Il cantar che nell' anima si sente . . . .
Petrarca.

О незабвенная! какъ часто въ тишинѣ
Вдругъ около меня твой голосъ раздается!
Какъ звучно, явственно, могущественно льется,
Какъ онъ волнуетъ сердце мнѣ! . . . .

То глышу стройный гимнъ, мольбу, благо-
говѣнье, ...
То страсти пламенной трепещущей порывъ, ...
(И какъ въ устахъ твоихъ онъ былъ краснорѣ-
чивъ!)
То праведной вражды проклятья и хуленья . . . .

О незабвенная! . . . отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Я до безумія гармонію любила:
Но ты мечты мои о ней осуществила,
Мнѣ въ музыкѣ открыла новый свѣтъ!

Я слышала другихъ, — прелестныхъ, сладкогласныхъ,
Младыхъ, талантливыхъ, ... но рѣдко кто изъ нихъ
Исторгли у меня дань чистыхъ слёзъ моихъ,
Мной были почтены восторгомъ чувствъ прекрасныхъ!

Я наслаждалася, — какъ наслаждаюсь я
Лѣсной малиновки игривымъ щебетаньемъ, —
Но не съ уныніемъ, не съ тайнымъ содроганьемъ,
Не такъ какъ пѣснью соловья ....

Тебѣ-жъ внимала я въ восторженномъ волненьи,
Съ живымъ сочувствіемъ, всемъ сердцемъ, всей душой,
Любила, ... плакала, ... томилася съ тобой,
Въ невыразимомъ упоеньи!

И знаю я теперь, зачѣмъ ты такъ чудна,
Зачѣмъ такъ царственно владѣешь ты сердцами,
Зачѣмъ соперницы съ поникшими главами
Молчать должны, гдѣ ты слышна:

О! какъ равняться имъ съ пѣвицей несравненной?
Пускай не молода она, не хороша, —
У нихъ искусство есть, — въ ней геній вдохновенный! ....
Въ нихъ кровь поетъ, — а въ ней горитъ душа! ....

Село Анна, 29-го Іюля, 1841 г.

XXXIII.

Я ЗНАЮ, НЕ ДОЛГО МНѢ ЖИТЬ ОСТАЕТСЯ.

Новыя слова на прежнюю музыку.

Quel coeur instruit du monde, hélas! ne porte envie
A qui voit la fin de sa vie
Avant la fin de son bonheur?
M-me Amable Tastu.

«Я знаю, не долго мнѣ жить остается —»*),
Я вѣрю, не минетъ ударъ роковой,
И рано и скоро душа соберется
Въ путь дальній, загробный, ... въ край думамъ родной!

И жизни цвѣтущей не жаль мнѣ, не жаль....
Здѣсь радость какъ сонъ скоротечна,
За радостью слѣдомъ здѣсь ходитъ печаль,
И горекъ плачъ скорби сердечной! ...

*) Такъ начинается извѣстный романсъ покойнаго К. Бахтурина.

Здѣсь гибнетъ, . . . здѣсь сохнетъ кто мыслью высокой
Надъ свѣтомъ враждебнымъ въ восторгѣ паритъ, ...
Здѣсь братья мои жертвы злобнаго рока,
Здѣсь имъ не счастливится. . . . міръ ихъ тѣснитъ! . . . .

И пусть я погасну, покуда свѣтло
Надъ мной солнце радости блещетъ,
Покуда цвѣты наряжаютъ чело,
И сердце надеждой трепещетъ! . . . .

Роптать я не стану, — лишь только-бъ свершилось
Всё тихо и мирно, не съ страшной борьбой, ...
Лишь въ вздохѣ предсмертномъ душа-бъ испарилась
Съ послѣдней улыбкой, съ послѣдней мольбой! . . . .

Село Анна, 21-го Августа, 1841.
(Въ тотъ день что я узнала о смерти Лермонтова).

XXXIV.

НАШИМЪ БУДУЩИМЪ ПОЭТАМЪ.

A quoi servent vos vers de flamme et de lumière?
A faire quelque jour reluire vos tombeaux?
M-me Anaïs Ségalas.

Не трогайте её, — зловѣщей сей цѣвницы! .... —
Она губительна, ... Она вамъ смерть даетъ! ....
Какъ семимужняя библейская вдовица,
На избранныхъ своихъ она грозу зоветъ! ....
Не просто, не въ тиши, не мирною кончиной, —
Но преждевременно, противника рукой —
Поэты русскіе свершаютъ жребій свой, ...
Не кончивъ пѣсни лебяжиной! ....

Есть гдѣ-то дерево*), на дальнихъ островахъ,
За океанами, гдѣ вѣчнымъ зноемъ пышетъ
Экваторъ пламенный — гдѣ въ вѣковыхъ лѣсахъ,
Въ растеньяхъ, въ воздухѣ, и въ безсловесныхъ дышетъ

*) Манцинило, убивающее того кто заснетъ подъ его тѣнью.

Всесильный, острый ядъ: — и горе пришлецу,
Когда подъ деревомъ онъ ищетъ, утомленный,
И отдыхъ и покой!! — Сномъ смерти усыпленный,
Онъ близокъ къ своему концу . . . .

Онъ не отторгнется отъ мѣста роковаго,
Не встанетъ, . . . не уйдетъ. . . . ему спасенья нѣтъ! . . .
Убійца-дерево не выпуститъ живаго
Изъ-подъ вѣтвей своихъ! . . . Такъ точно, о поэтъ,
И слава хищная невѣрнымъ упоеньемъ
Тебя предательски издалека манитъ!
Но ты не соблазнись, — бѣги!! . . . она даритъ
Однимъ кровавымъ разрушеньемъ!

Смотри: — существенный, торгующій нашъ вѣкъ,
Столь положительный, насмѣшливый, холодный,
Поэзіи, пѣвцамъ и пѣснямъ ихъ изрѣкъ,
Зѣвая, приговоръ вражды неблагородной.
Онъ безъ вниманія къ разсказамъ и мечтамъ,
Онъ не сочувствуетъ высокимъ вдохновеньямъ, —
Но зависть знаетъ онъ, . . . и мститъ своимъ гоненьемъ
Вѣнчаннымъ лавромъ головамъ! . . .

Село Анна, 21-го Августа, 1841 г.

XXXV.

ЗАПРЕТНЫЙ КУБОКЪ.

. . . . . Je veux une jeunesse, —
N'eût-elle qu'un seul jour!! . . . . .
Théophile Gautier.

«Не пей!» — они сказали, —
«Отравленъ кубокъ сей:
«Въ немъ радость пѣной блещетъ, —
«На днѣ лежитъ печаль! . . . .» —

«Бѣги», — они сказали, —
«Восторга и мечты!
«Восторгъ, — огонь болотный,
«Мечта, — предатель злой!» —

Но я душою смѣлой
Отвергла ихъ совѣтъ,
Влеченью повинуюсь,
И предаюсь судьбѣ.

Digitized by Google

Пью въ кубкѣ заповѣдномъ
Волшебную струю,
Съ восторгомъ и мечтою
Не разлучаюсь я.

За каплю влаги дивной
Не жалко жизнь отдать ....
А жизнь, что̀ намъ согрѣетъ,
Какъ не восторгъ святой? ....

Село Анна, Сентября, 1841 г.

Digitized by Google

XXXVI.

ВѢРУЮ!

..... Der Glaube,
Der die Vernunft des Herzens ist.
Tiedge.

Вѣрую на небѣ въ щитъ Провидѣнія,
Вѣчно хранящаго тварей своихъ,
Ихъ посѣтившаго долей лишенія,
Имъ низославшаго на утѣшеніе
Дружбу, молитву, даръ пѣсней живыхъ! ....

Вѣрую въ чистую Дѣву Небесную, —
Сирыхъ прибѣжище, слабыхъ покровъ! —
Ей, — исцѣляющей властью чудесною
Рану незримую, скорбь неизвѣстную, —
Женское сердце ей внятно безъ словъ! ....

Вѣрую въ ангеловъ, нашихъ блюстителей,
Полныхъ участья къ намъ, полныхъ любви ....
Промысла Божьяго кроткихъ свершителей,
Демонскихъ замысловъ зоркихъ рушителей,
Коимъ ввѣряемъ мы тайны свои! ....

Здѣсь, — на землѣ, — вѣрю сердцу высокому,
Чувству горячему, нѣжнымъ душамъ;
Вѣрю друзей поминанью далекому, ...
Генію, въ мірѣ всегда одинокому,
И вдохновеньямъ его и мечтамъ! . . . .

Вѣрую въ счастіе, — въ это видѣніе
Рѣдкое, дивное, споръ всѣхъ временъ!! . . . .
Да! если двое сошлись, и въ сближеніи
Душъ и сердецъ обрѣли упоеніе, —
Счастье возможно имъ, счастье не сонъ! . . . .

Село Анна, Сентябрь, 1841 г.

XXXVII.

ДОМАШНІЙ ДРУГЪ.

Joyeux, il chantait toujours.
Charles Nodier, Trilby.

Есть въ глуши далекой,
Въ сельской сторонѣ, —
Словно у царевны
Дѣдовскихъ временъ, —
У меня потѣшникъ,
Сказочникъ — пѣвецъ.

У царевенъ тоже
Были завсегда
Карлы выписные
Изъ заморскихъ странъ,
Птицы — щебетуньи
Въ клѣткахъ золотыхъ.

Чѣмъ былъ карло меньше,
Тѣмъ дороже онъ
При дворѣ цѣнился;
Птицъ любили тѣхъ,
Что всѣхъ чаще пѣли,
Лѣтомъ и зимой.

Мой потѣшникъ крошка, —
Хоть и даровой, —
Просто невидимка,
Такъ онъ чудко малъ. —
Даже и съ очками
Не сыскать его!

А поетъ онъ, бастъ,
Тѣшитъ здѣсь меня
Въ всякую погоду
И во всякій часъ;
Онъ всегда радушенъ,
Веселъ, говорливъ.

Солнце ли сіяетъ
Въ красный, вешній день, —
Въ вечеръ-ли осенній
Буря загудитъ, —
Я знакомый голосъ
Слышу за угломъ!

Были-небылицы,
Сказки о чертяхъ,
Сплѣтни о раздорахъ
Вѣдьмъ и домовыхъ, —
Вотъ чѣмъ зимній вечеръ
Сокращаетъ онъ. —

Жизнеописанья
Розъ и мотыльковъ,
Свадебныя пѣсни
Джиновъ, рѣзвыхъ фей, —
Вотъ что̀ въ лѣтній полдень
Мнѣ лепечетъ онъ. —

Всё на свѣтѣ знаетъ
Постоялецъ мой;
Знаетъ какъ мнѣ вторить,
Чѣмъ развлечь меня,
Въ часъ воспоминанья,
Грусти, иль хандры . . . .

Онъ наперсникъ вѣрный
Думъ и грёзъ моихъ,
И слезы невольной,
И мечты святой . . . .
Онъ сьидѣтель жизни
И души моей! . . . .

Я къ нему привыкла
И люблю его;
Но у насъ на свѣтѣ
Всѣмъ кто угодитъ? —
Такъ и онъ, бѣдняжка,
Въ домѣ милъ не всѣмъ . . . .

Отъ враговъ домашнихъ,
Отъ бѣды и зла,
Я ему защитой,
Берегу его;
Въ немъ примѣту счастья
Вижу и храню!

Кто-же мой любимецъ,
Баловень и другъ? ....
Ахъ, смѣяться станутъ, —
Я боюсь сказать ....
Онъ ... кто угадаетъ? ....
Онъ — простой сверчокъ!!

Село Анна, 11-го Сентября, 1841 г.

Digitized by Google

XXXVIII.

ПУСТОЙ АЛЬБОМЪ.

Посвящается Софьѣ Николаевнѣ Карамзиной *).

«. . . . . Съ собой
«Въ могилу онъ унесъ летучій рой
«Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
«Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.»
М. Лермонтовъ.

Среди листовъ, и бѣлыхъ и порожнихъ,
Даренаго, завѣтнаго альбома,
Есть листъ одинъ: — одинъ лишь носитъ онъ
Слѣды пера, слова и начертанья
Знакомой мнѣ и дружеской руки . . . .
И дорогъ мнѣ сей листъ краснорѣчивый, ...
И памятенъ и святъ его залогъ,
Его языкъ!!! . . . — Но гдѣ-жъ, но гдѣ-жъ она,

*) Этотъ альбомъ былъ мнѣ подаренъ М. Ю. Лермонтовымъ, передъ отъѣздомъ его на Кавказъ, въ Маѣ 1841 года, стало быть, не задолго передъ его смертью. Въ немъ написалъ онъ свое стихотворенье ко мнѣ: «Я знаю, подъ одной звѣздою Мы были съ вами рождены.» —

Та юная, та мощная рука,
Что лишь едва за пол-года назадъ
Дарила мнѣ съ пожатьемъ задушевнымъ
Пустой альбомъ, ... что начертала въ немъ
Прощанья пѣснь, — слитую во едино
Съ привѣтной пѣснію души поэта
Душѣ-Сестрѣ при первой встрѣчѣ ихъ? . . . .

* * *

Увы! . . . увы! . . . Та жаркая рука, —
Она въ гробу! . . . она на вѣкъ остыла
Тамъ, . . . далеко, . . . подъ небомъ безпощаднымъ
Гдѣ столько ихъ увяло и легло
Блестящихъ юношей, умовъ высокихъ,
Поэтовъ на молву не посягнувшихъ,
Невѣдомыхъ, знакомыхъ лишь немногимъ! . . .
Увы! . . . увы! . . . Та юная душа, —
Она съ землей расталась противъ воли, ...
Она оторвана въ пылу страстей,
Во всемъ ея цвѣтущемъ вдохновеньи,
Отъ жизни, милой ей, отъ томныхъ пѣсней,
И отъ друзей, къ кому всегда, вездѣ
Влекло её желанье и стремленье! . . . .

* * *

Да! Онъ погибъ, — поэтъ-надёжа нашъ,
Единый лучь на небосклонѣ русскомъ,
Единая отрадная заря

Межъ рѣдкими, закатными звѣздами, —
Межъ тѣхъ свѣтилъ, что̀ наконцѣ пути
Сіяютъ намъ въ просоньѣ утомленномъ,
Едва горя, и скупо грѣя насъ
Поэзіи огнемъ животворящимъ, ...
Да! Онъ погибъ, . . . и кто намъ замѣнитъ,
Кто намъ отдастъ его изъ современныхъ,
Изъ сверстниковъ? . . . Въ чьихъ пѣсняхъ мы найдемъ
Отваги жаръ, и мысли сильной блескъ,
И вопль болѣзненный, звучащій глухо
Подъ праздничнымъ, восторженнымъ напѣвомъ,
Какъ тайный стонъ измученнаго сердца,
Какъ вѣчная, невольная молитва,
Слѣдъ дѣтскихъ лѣтъ, . . . священный отголосокъ
Другой мольбы, — всечасно вопіющей
То надъ его сиротской колыбелью,
То надъ его воинскимъ изголовьемъ . . . .
Ахъ! та мольба, . . . она еще теперь
Надъ раннею и дальнею могилой
Немолчныя поминки совершаетъ! . . . . *)

* * *

О жаль Его!! . . . О! трижды жаль Его, —
Какъ юношу, — какъ друга, — какъ поэта!!!....
Какъ юношу: — онъ мало, скоро жилъ,
И не насытился дарами жизни;

*) Бабушка поэта, воспитавшая его, и служившая ему матерью.

И всё рвался впередъ, . . . всё ждалъ, искалъ. . . . .
Всё спрашивалъ загадки вѣчной слова
О счастіи земномъ, . . . о цѣли сердца
Столь полнаго восторга и огня, ...
Но не ему загадка объяснится . . . .
И можетъ быть въ послѣдній смертный часъ,
Смущенный духъ, взволнованная грудь
Снѣдающимъ горѣли любопытствомъ? . . . .

* * *

Какъ друга жаль Его!! . . . Онъ насъ любилъ
Ребячески, невольно, безъ расчета,
Влекомый къ намъ сочувствіемъ глубокимъ,
Довѣріемъ прямымъ и простодушнымъ.
Среди толпы, на балахъ и въ гостинныхъ,
Онъ понималъ отрады просвѣщенья,
Столичный шумъ; и чары красоты . . .
Вниманіемъ прелестныхъ женскихъ глазъ,
Улыбкою блестящихъ фей довольный, —
И славою младою упоенъ, —
Онъ свѣтъ любилъ, — и сознавался въ томъ:
Но лишъ для насъ, лишъ въ тѣсномъ кругѣ нашемъ
Самимъ-собой, веселымъ, остроумнымъ,
Мечтательнымъ и искреннымъ онъ былъ.
Лишь намъ однимъ онъ рѣчью, чувства полной,
Передавалъ всю бѣшенную повѣсть
Младыхъ годовъ, рядъ пестрыхъ приключеній
Бывалыхъ дней, и зрѣющія думы

Текущія поры . . . Но лишь межъ насъ, —
На ужинахъ завѣтныхъ, при зарѣ,
(Въ пріютѣ томъ, гдѣ лишь немногимъ радъ
Разборчиво-привѣтливый хозяинъ.) —
Онъ отдыхалъ въ бесѣдѣ не притворной,
Онъ находилъ свободу и просторъ,
И кровъ какъ будто свой, и бытъ семейный....
О! живо помню я тотъ грустный вечеръ
Когда его мы вмѣстѣ провожали,
Когда ему желали дружно мы
Счастливый путь, счастливѣйщій возвратъ:
Какъ онъ тогда предчувствіемъ невольнымъ
Насъ испугалъ! Какъ нехотя, какъ скорбно
Прощался онъ!... Какъ вѣрно сердце въ немъ
Недоброе, тоскуя, предвѣщало!

* * *

И жаль Его, какъ соловья весною,
Когда стрѣлокъ нещадною рукою
Пѣвца любви разсѣянно сразитъ! ....
Какъ путнику жаль пѣсни недопѣтой,
Подслушанной украдкой подъ окномъ
Красавицы! ... Какъ въ дѣтскіе года
Намъ было жаль вечерняго расказа,
Несконченнаго намъ неумолимой,
Полсонной нянею! ... Какъ жаль бываетъ
Въ семнадцать лѣтъ дрожащей внучкѣ Евы,
Когда изъ рукъ ея поспѣшно вырветъ
Мать строгая письмо съ признаньемъ робкимъ

Поклонника, невѣдомаго ей! . . . .
Такъ жаль Его! — такъ жаль его творений
Неполныхъ, прерванныхъ, . . . его мечты
Погасшей съ нимъ, . . . и думъ и сновъ его,
Невылитыхъ въ могущественный стихъ,
Иль въ сладкозвучный гимнъ, въ живое слово
Правдиваго на вѣкъ негодованья! . . . .
Онъ неуспѣлъ для юнаго чела
Собрать, доплесть, скрѣпить вѣнецъ лавровый, —
И сей вѣнецъ . . . . Увы! . . . полу-готовый
Упалъ на гробъ!! . . . О! жаль, о! жаль пѣвца!! . . . .

Петербургъ, Ноябрь, 1841 г.

XXXIX.

НА КАНУНѢ НОВАГО ГОДА.

L'année en s'enfuyant par l'année est suivie,
Encore une qui meurt, encor un pas du temps, ...
Encore une limite atteinte dans la vie!
Victor Hugo.

Еще одинъ, еще одинъ
Годъ цѣлый прожитъ нами!! . . . .
Какъ дѣти пестрый рядъ картинъ
Проворными руками, —

Такъ дни его перелистать
Мы бѣгло поспѣшили . . . .
Взглянуть-бы въ книгу намъ опять, —
Но книгу ужъ закрыли!! . . . .

Годъ минулъ, промчался! — Объ немъ разногласно
Мы, люди, толкуемъ, съ упрекомъ, съ хвалой;
Кому онъ казался годиной прекрасной,
Кому былъ онъ мрачной страданья чредой. —

Digitized by Google

Иные весельемъ его провожаютъ,
Въ собраньяхъ семейныхъ, на шумныхъ пирахъ;
Другіе разлукой иль горемъ страдаютъ; —
Всѣхъ равно волнуютъ надежда и страхъ. —

Я помню, — встрѣчала сей годъ проходящій
Я въ дружескомъ кругѣ, думъ свѣтлыхъ полна —
Тѣ думы и нынѣ свѣтлы и блестящи,
И сердце питаютъ, хоть здѣсь я одна!

Я помню, — безъ словъ, но душой я молилась
При боѣ полночномъ . . . Богъ принялъ мольбу,
Моихъ Онъ сберетъ мнѣ, и всё совершилось,
О чемъ я съ боязнью просила судьбу!

И нынѣ опять и молюсь и прошу я:
За прошлое славлю я милость небесъ
Слезой благодарной, въ грядущемъ съ нихъ жду я
И новой опоры и новыхъ чудесъ. —

О Боже мой, . . . пусть на былой
Годъ новый сей походитъ!
Пусть надъ моею головой
Лучь счастья не заходитъ!
Пусть не измѣнится оно,
Мое существованье,
Пусть сердце будетъ спазено
Отъ слезъ, отъ расставанья!

Пусть всё любимое со мной
    И близь меня здѣсь дышетъ!! . . . .
Пусть скорбныхъ взоръ не видитъ мой,
    Пусть ухо злыхъ не слышетъ! —
И если мнѣ подобныхъ дней
    Назначено немного, —
Пошли мнѣ смерть! . . . Душѣ моей
    Дай миръ, и судъ нестрогій!! . . . .

Петербургъ, 31-го Декабря 1841 г.
Въ полночъ.

XL.

КТО ЗДѢСЬ БЛАЖЕНЪ.

И счастье было-бъ такъ возможно,
Такъ близко!! . . . . . .
Евгеній Онѣгинъ.

Блаженъ, кто въ жизни сей, средь вѣчнаго волненья,
Средь мелочныхъ заботъ вседневной суеты,
Себѣ духовное воздвигъ уединенье,
И освѣжаетъ въ немъ и сердце и мечты!

Блаженъ, кто къ умственнымъ занятіямъ привыкнулъ,
Кто созерцаніе и думу полюбилъ;
Въ комъ самобытный жаръ, въ комъ мысли лучь возникнулъ,
Кто ими даль и тьму и міръ весь озарилъ!

Блаженъ, кто сердцемъ жить умѣетъ и желаетъ,
Кто живо чувствуетъ, въ комъ благодать сильна,
Кто пѣснь, мольбу, восторгъ и слёзы понимаетъ,
Кому къ прекрасному святая страсть дана!

Digitized by Google

Блаженъ! . . . . О! какъ блаженъ кто любитъ безмятежно
Немногихъ, дорогихъ, ... и съ ними дѣлитъ день,
И ими окруженъ, . . . чей взоръ встрѣчаетъ нѣжно
Всегда, вездѣ, во всёмъ, ихъ отблескъ или тѣнь!!...

Блаженъ, стократъ блаженъ, чей мирный кровъ вмѣщаетъ
Всѣхъ сердца избранныхъ въ счастливой тѣснотѣ,
Кто милыхъ имена всѣ вмѣстѣ поминаетъ
Единою мольбой, безгрѣшно, въ правотѣ!! . . .

Но больно той душѣ, но горе тѣмъ созданьямъ
Кто по стезямъ мірскимъ вдали должны ловить
Слѣды завѣтные, — кто съ страхомъ и страданьемъ
Въ разлукѣ суждены пол-жизни проводить! —

Чье сердце на клочки изорвано судьбою,
Разбросано порознь, — кто любитъ здѣсь и тамъ!....
Неполно счастье ихъ, . . . не знать имъ вѣкъ покоя, . . .
Волненье ихъ удѣлъ, . . . о! горе тѣмъ душамъ!! . . . .

Петербургъ, 2-го Февраля, 1842 г.

XLI.

НЕ СКУЧНО, А ГРУСТНО.

«Ce n'est pas de ce qui est, que je suis tourmenté,
«mais de ce qui aurait pu être.»

X... X...

Есть въ жизни дни безъ солнца, безъ веселья,
Туманные, какъ въ осень небосклонъ,
Когда досугъ нашъ грустный посвященъ
Раздумію, въ уединенной кельѣ;

Когда въ виду и въ мысли цѣли нѣтъ,
И мы не тамъ гдѣ быть-бы намъ хотѣлось,
И трауромъ душа съ тоски одѣлась,
Какъ свернутый въ ненастье вешній цвѣтъ.

Въ такіе дни всѣмъ встрѣчнымъ развлеченьямъ
Безспорно мы мгновенья отдаемъ;
Въ такіе дни мы для другихъ живемъ,
Не для себя, — простившись съ наслажденьемъ.

Digitized by Google

И можетъ быть, увлечены порой
Занятіемъ какимъ иль разговоромъ, —
Мы вкругъ себя посмотримъ свѣтлымъ взоромъ,
И въ смѣхъ друзей мы смѣхъ вмѣшаемъ свой.

Не скучно намъ, не тяготитъ насъ время,
Часы летятъ, ... и сердце лишь одно,
Неясною тоскою стѣснено,
Не сотряхнетъ воспоминаній бремя.

Не скучно намъ, . . . а грустно!! . . . Мы таимъ
Напрасныя, нѣмыя сожалѣнья,
И всё вдали рисуютъ намъ видѣнья
Что̀-бъ быть могло, . . . чего не возвратимъ!! . . . .

Петербургъ, 18-го Февраля, 1842 г.

XLII.

ПОСЛѢ ЧТЕНІЯ . . . .

. . . . . .
Ecoutant vivre et souffrir
Mon âme, — ce malade étrange
Qui n'a peur que de guérir.
Lamartine.

Благодарю тебя, святое Провидѣнье!
Еще въ глазахъ моихъ есть слёзы умиленья,
Еще не оскудѣлъ во мнѣ небесный жаръ,
И сохранила я твой первый, лучшій даръ, —
Годовъ младенческихъ чувствительность живую,
И думъ восторженность! . . . Еще я существую
Всей юностью души, всей сердца полнотой;
Ихъ свѣтъ не истребилъ своею суетой, —
Разобольщеніе въ цвѣту ихъ не убило, —
Ихъ даже опытность сама не охладила.
Еще по прежнему читая, плачу я;
Еще по прежнему есть свѣжая струя
И состраданія во мнѣ, и умиленья;
Благодарю тебя, святое Провидѣнье!

Благодарю!! . . . Онѣ прекрасны и полны,
Минуты рѣдкія подобной тишины,
Онѣ земную пыль съ души моей смываютъ,
Онѣ земную тварь до неба возвышаютъ!! . . . .

Петербургъ, 20-го Февраля, 1842 г.

Digitized by Google

XLIII.

ПОСЛѢ КОНЦЕРТА.

Toi, dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon, —
Qui que tu sois, *ô Liszt*, bon ou fatal génie,
J'aime de tes concerts la sauvage harmonie!
Des Méditations de Lamartine.

Ему шлютъ лавры и цвѣты, ...
Его возносятъ, прославляютъ, ...
Въ чаду восторга, красоты
Сердца къ ногамъ его бросаютъ . . . .

Вокругъ него почетъ, привѣтъ,
И льстивый говоръ искушенья, ...
При немъ нашъ хладный, чинный свѣтъ
Растаялъ, ... понялъ увлеченье.

Межъ дилетантовъ, только я
Смирна, безмолвна, недвижима, —
Нѣтъ выраженій у меня
Для бури чувствъ невыразимой! . . . .

Безъ словъ, безъ гласа, безъ похвалъ,
Я слушаю, . . . благоговѣю, ...
Мнѣ въ душу чудный гимнъ запалъ,
Его душой я разумѣю!

Digitized by Google

Поетъ-ли пѣснь страстей земныхъ. —
О небѣ-ль ангеломъ тоскуетъ, —
Онъ былью мукъ и грёзъ своихъ
Мнѣ сердце чуткое волнуетъ. —

Пророковъ огненный языкъ
Незримо на него слетаетъ . . . .
Но взглядъ мой таинство проникъ
Что вѣщій лучь надъ нимъ мерцаетъ.

Мнѣ вѣдомо, — онъ озаренъ
Знакомымъ свыше навожденьемъ
И вдохновенный, — понятъ онъ
Роднымъ высокимъ вдохновеньемъ! . . . .

Слеза дрожитъ въ моихъ глазахъ, —
Слеза, дороже розъ мгновенныхъ!
Въ ней больше правды чѣмъ въ рѣчахъ,
Въ рукоплесканьяхъ иступленныхъ!

Уѣдетъ онъ . . . . . чрезъ день-другой
О немъ забудетъ городъ шумный, ...
Но пѣснь его слилась съ душой
Многотревожной, многодумной!

Петербургъ, 12-го Апрѣля; послѣ вечера
у К. Одоевскаго.

XLIV.

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Cela fait tant de bien quand un ami regarde dans notre âme!

Châteaubriand, Atala.

Въ пріютъ поэта дорогаго
Я весело вчера вошла,
И дань хозяину несла
Участья искренно-живаго.

Не любопытство мной владѣло
Когда такъ жадно я при немъ
Пытливымъ взоромъ и умомъ
Всё разбирала, всё смотрѣла:

Что̀ жизнью съ нимъ слилось единой,
Въ чёмъ слѣдъ и признакъ бытія,
Всё оглянуть спѣшила я,
Статуйки, книги и картины.

Гдѣ мыслитъ онъ, и гдѣ мечтаетъ,
Спросила я; — извѣстно мнѣ
Чѣмъ дышетъ онъ наединѣ,
Чѣмъ окруженъ, куда взираетъ. —

Его души, его занятій
Хотѣлось тайну угадать,
Его постигнуть и понять,
Всё знать о немъ, о миломъ братѣ;

Чтобъ полное унесть съ собою
Воспоминаніе о немъ,
Чтобъ вѣдать какъ, и гдѣ, потомъ
Его искать родной мечтою!

17-го Апрѣля, 1842 г.

Digitized by Google

XLV.

БЛИЗКА ВЕСНА.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна, пора любви! . . . .
Онѣгинъ.

Близка, близка весна! Все радуется ей,
И птичка въ воздухѣ, и ландыши подъ снѣгомъ,
И волны Невскія, готовыя скорѣй,
Разбивъ ледяный гробъ, могучимъ, грознымъ бѣгомъ
Разлитыя, вольныя . . . Весна, весна идетъ!
Усталый труженикъ, отъ службы, отъ науки
Урвется за̀-городъ; отъ милой бальной муки
Въ чужбину, на воды, красавица вспорхнетъ;
И рады, рады всѣ. — Но я, . . . я вѣсть разлуки
Отъ солнца вешняго внимаю . . . . Для меня
Видъ розы молодой одно напоминанье
Всеобщихъ сборовъ въ путь, всеобщаго прощанья
Отъѣзда скучнаго, томительнаго дня . . . . .

Мнѣ жаль что рушатся привычки, отношенья,
Весь бытъ общественный; жаль чайнаго стола,
Бесѣдъ за-полночныхъ, съ друзьями сообщенья
Ежеминутнаго!.... Мнѣ жаль, что какъ видѣнье
Изъ теплыхъ жизни зимъ еще одна прошла!

Петербургъ, 30-го Апрѣля, 1842 г.

Digitized by Google

XLVI.

ОТПЛЫВАЮЩІЙ ПАРАХОДЪ.

. . . . . and fair the light winds blew,
As glad to waft him from his native shore.
Byron.

Къ дальнему берегу древней, мудрой Германіи, — моремъ,
Славнымъ войной и торговлей въ исторіи міра, и страшнымъ
Повѣстью бурь знаменитыхъ въ преданьяхъ старинныхъ и новыхъ,
Завтра, прядая по волнамъ спокойнымъ, безъ помощи вѣтра,
Собственной тайною силой кипя и стремяся, пойдешъ ты,
Стройная диво-громада, вымыслъ и честь предъ вѣками
Нашего вѣка! . . . Пойдешъ ты, мѣрно и быстро шагая
Шагомъ гиганта, — не зная препоны ни устали, развѣ

Въ нѣдрахъ твоихъ невидимо вспыхнетъ врагъ лютый, — пожаръ,
И междоусобною бранью огонь на огонь устремится ....
Но Боже спаси и помилуй отъ бѣдствія рѣдкаго путь твой!! ....
Ахъ! безъ того, отплывая, ты много сердецъ здѣсь взволнуешь
Грустной тревожной заботой! ... Отъ Невскихъ бреговъ горделивыхъ
Много умчишь ты скитальцевъ, — и много разлучишь любящихъ,
Коимъ во вѣки, быть можетъ, не свидѣться вновь на землѣ! ....
Кто развлеченій, веселья ѣдетъ искать по Европѣ, —
Кто за здоровьемъ отправленъ, — кто по дѣламъ увлеченъ; —
Всѣ они завтра толпою на палубу ступятъ, прощаясь
Съ сѣверной нашей столицей, — но всѣ-ли вернутся опять? ....

Петербургъ, 7-го Мая, 1842 г.

XLVII.

ТАЙНА ВСЕГО.

A subtle and tender sympathy seemed to reveal secrets before unknown, — secrets, whose key was love!... love, which is the animating spirit of the universe!

Miss Landon.

Зачѣмъ, зачѣмъ, когда душистый Май
Холмы и долъ и лѣсъ озелѣнитъ, —
И обновленъ, и свѣжъ какъ юный рай,
Нашъ старый міръ цвѣтетъ, журчитъ, блеститъ, —
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ сладостна она,
И въ душу намъ впивается весна? ....

Зачѣмъ сирень и розы облеклись
Въ цвѣтной уборъ, въ роскожный фиміамъ,
Въ красѣ своей такъ гордо разрослись,
И нѣгою и зноемъ вѣютъ намъ? ....
Зачѣмъ луны сребристо-томный лучь
Призывно намъ мелькаетъ изъ-за тучь? ....

Зачѣмъ, зачѣмъ унылый соловей,
Недолгій гость дубравы молодой,
Подъемлетъ вдругъ въ тиши и мглѣ ночей
Свой страстный гимнъ и звучный ропотъ свой?
Что̀ пѣснь его такъ душу шевелитъ?
Что̀ сердцу въ ней такъ внятно говоритъ? ....

Затѣмъ, затѣмъ что тайною одной
Одушевленъ весь міръ оживший вновь,
Что благодать сошла святой росой,
Что кроется во всемъ сама любовь!
Весна, ... цвѣты, ... свѣтъ лунный, ... соловьи, ...
Всё празднуетъ любовь, всё ждетъ любви! ....

Каменный-Островъ, 25-го Мая, 1842 г.

XLVIII.

ПОДАРЕННЫЙ БУКЕТЪ.

Que j'admirais ces belles fleurs
Quand sa main les avait cueillies! . . .
Romance de Gonzalve de Cordove.

Въ день праздника сердца, любимой рукою,
Душистый букетъ, ты ко мнѣ принесенъ,
И принятъ въ восторгѣ, съ улыбкой, съ слезою,
И нѣжной заботой моей охраненъ,
Цвѣтешъ, украшая пріютъ мой завѣтный,
Мнѣ тѣша и чувства, и душу и взглядъ!
Какъ радуга, листья твои разноцвѣтны,
Какъ люди, живутъ они, дышатъ, дрожатъ;
И вѣдаютъ радость, когда ихъ лелѣетъ
Лучь солнца златаго, — и страждутъ, когда
Ихъ стужа коснется . . . . . Но день вечерѣетъ, —
А завтра для нихъ разрушенья чреда
Придетъ роковая! . . . Поблёкнутъ, . . . увянутъ!....
Но прежде, въ безсмертной душѣ, въ краткій часъ,
О! сколько напрасныхъ стремленій устанутъ!
И сколько надеждъ отцвѣтутъ, совершась! . . . .

26-го Мая, 1842 г.

XLIX.

НОТТУРНО.

Veiller pour souffrir est triste, mais veiller pour rêver est doux.

M-me de Staël, Delphine.

Какъ не любить тебя, таинственная ночь? . . . .
Ты шумъ и зной дневной такъ сладостно смѣняешь
Прохладой тихою! . . . Ты отгоняешь прочь
Всё что не чувствуетъ, не мыслитъ; — ты смыкаешь
Ихъ очи крѣпкимъ сномъ, чтобъ недостойный взоръ
Твоею дивною красой не любовался,
Чтобъ только избранный, найдя покой, просторъ,
Въ благоговѣніи тобою наслаждался.
Пусть солнце красное для всѣхъ горитъ равно,
И будни суетныхъ волненій озаряетъ; —
Тобою бдѣніе души осѣнено,
И жизнь духовную твой сумракъ охраняетъ. —
Сіяньемъ радостнымъ пусть свѣтлый день богатъ, —

Мила ты, томная, покровъ накинувъ черный!
Какъ не любить тебя? — Ты влажный ароматъ
Мнѣ въ грудь уставшую вливаешь благотворно!
Какъ не любить тебя? — Ты лучшихъ думъ
пора;
Ты освѣжительна; ты вѣешь мнѣ мечтами,
Святой поэзіей; — ты часто до утра
Въ дремотѣ, на яву, мнѣ сердце тѣшишь снами
Невыразимыми!! . . . . . .

Гельсингфорсъ, Ульрикасъ-боргъ, Іюль, 1842.

Digitized by Google

L.

НА ВЗМОРЬѢ.

Das Wasser rauscht' . . . das Wasser schwoll . .
Goethe.

Солнце на небѣ сіяетъ,
  Полдень дышетъ на землѣ;
Море блескъ ихъ отражаетъ,
  И къ гранитовой скалѣ
Катитъ волны голубыя,
  Пѣну бѣлую несетъ,
Сыплетъ искры дорогія,
  Токи искръ алмазныхъ льетъ.

Какъ божественно-прекрасно
  Это море въ свѣтлый мигъ!
Какъ мой умъ подъ пѣгой страстной
  Силы тайну въ немъ постигъ!
Какъ бездонною пучиной
  Безпредѣльный духъ прельщенъ!
Какъ сребрящейся равниной
  Женской взоръ мой привлеченъ!

Въ упоенномъ созерцаньи,
  На граниты опершись,
Я недвижна; всѣ мечтанья,
  Всѣ желанія слились
Съ дивной зыбью волнъ шумящихъ;
  Мнится мнѣ, — онѣ зовутъ
Въ гротъ изъ раковинъ блестящихъ,
  Въ нѣдра мягкія влекутъ .....

Тамъ свѣтло, свѣжо, привольно!
  Тамъ такъ звонокъ говоръ струй!
Тамъ забота жизни дольной
  Прочь, — и сердца не волнуй!
Тамъ раздолье съ лѣнью сладкой
  Убаюкаютъ меня, ...
Можетъ быть, во снѣ, украдкой,
  Брегъ иной увижу я .....

О! завидую Ундинамъ,
  Тайной, чудной жизни ихъ!!
Что̀-жъ? ... движеніемъ единымъ
  Вмигъ могу я быть у нихъ .....
Море душу соблазнило,
  Море голову кружитъ;
Неизвѣданное мило,
  Незнакомое манитъ!

Гельсингфорсъ, Іюль, 1842 г.

LI.

БАЛЪ НА ФРЕГАТѢ.

Командиру и офицерамъ Мельпомены.

Oh! who can tell, save he, whose heart hath tried,
And danced in triumph o'er the waters wide,
The exulting sense, — the pulse's maddening play,
That thrill the wanderer of that trackless way.
Byron, the Corsar.

Залива Финскаго лѣниво дремлятъ волны,
Ужъ вечеръ догорѣлъ, ужъ чайки улеглись;
Лѣсъ, скалы, берега молчаньемъ томнымъ полны,
И звѣзды раннія на небесахъ зажглись.
Здѣсь сѣверная ночь среди погоды ясной
Какъ ночи южныя отрадна и прекрасна,
И чудной нѣгою плѣнительно блеститъ;
А море синее и плещетъ и шумитъ.

Фрегатъ воинственный, на якорѣ качаясь,
Средь зеркальныхъ зыбей красуется царемъ,
И флаги пестрыя, роскошно развѣваясь,
Надъ палубой его сошлись, сплелись шатромъ.
Онъ убранъ, онъ горитъ радушными огнями;
Дека унизаны веселыми гостями,
Живая музыка призывно намъ гремитъ;
А море синее и плещетъ и шумитъ. —

На Мельпоменѣ балъ! — Наряды дамъ блистаютъ
Межъ эполетами, предъ строемъ моряковъ;
Ихъ ножки легкія свободно попираютъ
Жилище бранныхъ смутъ, опасностей, трудовъ.
Лафеты креслами имъ служатъ; завоеванъ
Безъ боя весь фрегатъ, — и вмигъ, преобразованъ,
Не вихръ морской по немъ, а быстрый вальсъ летитъ;
А море синее и плещетъ и шумитъ.

Но женскій умъ пытливъ: по переходамъ длиннымъ,
По узкимъ лѣстницамъ, по декамъ, по жильямъ
По-парно балъ идетъ, и Польскій тактомъ чиннымъ,
Вдали сопутствуетъ гуляющимъ четамъ.
Вотъ тѣсныхъ келій рядъ вкругъ офицерской залы, —
Гдѣ много жизни лѣтъ у каждаго пропало, —
Гдѣ въ вѣчныхъ странствіяхъ далекій свѣтъ забытъ ....
А море синее и плещетъ и шумитъ! —

Вотъ въ дальней комнатѣ двѣ пушки, — и межъ ними
Диванъ, часы и столъ: — здѣсь капитанъ живетъ,
Одинъ, съ заботами и думами своими, —
И блага общаго отвѣтственность несетъ.

Здѣсь судъ, законъ и власть! Здѣсь участь подчиненныхъ,
Ихъ жизнь, ихъ смерть, ихъ честь въ рукахъ отягощенныхъ,
Владыка на-море, онъ держитъ и хранитъ,
И съ нимъ бѣсѣдуя, волна подъ нимъ шумитъ.

О! кто, кто здѣсь изъ насъ, танцующихъ безпечно,
Постигнетъ подвиги и долю моряка? . .
Какъ въ одиночествѣ, безъ радости сердечной,
Томить его должна по родинѣ тоска!
Какъ скучны дни его! какъ однозвучны годы!
Какъ онъ всегда лишенъ простора и свободы!
Какъ вѣчно гибелью въ глаза ему грозитъ
То море синее что плещетъ и шумитъ! . . . .

И здѣсь, на палубѣ, гдѣ мы танцуемъ нынѣ,
Здѣсь былъ, иль можетъ быть, кровопролитный бой,
Когда, метая громъ по трепетной пучинѣ,
И сыпля молньями, фрегатъ летитъ грозой
На вражескій корабль; — и вдругъ они сойдутся,
И двухъ противныхъ силъ напоры размахнутся,
И битва жаркая межъ ними закипитъ, ...
А море синее всё плещетъ и шумитъ.

И много, можетъ быть, здѣсь ляжетъ братьевъ нашихъ,
И много женскихъ слёзъ вдали прольютъ по нимъ!! . . .

Танцуйте! . . . Радуйтесь! . . . Но я въ забавахъ вашихъ
Ужъ не участница! . . . Къ картинамъ роковымъ
Воображеніе влекло меня невольно, ...
И содрогнулась мысль,... и сердцу стало больно,....
Съ участьемъ горестнымъ мой взоръ на всё глядитъ, —
А море синее и плещетъ и шумитъ!

Гельсингфорсъ, въ память праздникъ на море,
въ субботу 20-го Іюля 1842 г.

Digitized by Google

LII.

УЛЬРИКАС-БОРГЪ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА.

Mond, — Aether-Diamant, — o du stille Mitternacht-Sonne! Du schimmerst, und der Mensch ruht; deine Strahlen besänftigen das irdische Leben; und der Schlaf bedeckt wie eine Grab-Erde das ruhende Herz, das trocknende Auge, und das ruhige Angesicht!

Jean-Paul.

Потухли огни озарявшіе балъ . . . . .
  Полнолунія блещетъ сіянье;
Веселый оркестръ, отгудѣвъ, замолчалъ . . . .
  Моря вѣчнаго слышно плесканье.
Нѣтъ въ залѣ гостей, . . . пересталъ пиръ людей, . . .
Природа ликуетъ въ гордынѣ своей.

  О чуденъ твой видъ, полнъ услады и чаръ,
Взморье, спящее въ волнахъ залива!
Восторгъ благодатный, небесъ чудный даръ,
  Жжетъ мнѣ сердце, . . . дышу торопливо, ...
Предъ ночью такой, — передъ дивной красой
Дрожу и нѣмѣю, поникнувъ главой.

Поэзія вѣетъ и блещетъ во всемъ, —
Въ гулѣ волнъ, въ пѣньѣ птицъ, въ лунномъ свѣтѣ;
Поэзія дышетъ и въ сердцѣ моемъ,
Въ страстномъ плачѣ, въ безмолвномъ привѣтѣ ....
Хотѣлось-бы мнѣ мой восторгъ передать, —
Но нѣкому слушать меня и понять! ....

Одна, я не сплю въ спящемъ царствѣ моемъ, —
Я одна чудной ночью любуюсь;
Всѣ виллы объяты безжизненнымъ сномъ,
Словно въ сказкѣ! ... и вотъ, знаменуюсь
Крестомъ, чтобъ разсѣять страхъ внутренній мой,
Чтобъ рушить морокъ колдовства надъ собой!

Ульрикас-боргъ, 9-го Августа, 1842 г.

LIII.

ПОТЕРЯННЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Le parfum survit a la fleur,
Et c'est le parfum de la vie
Que le souvenir du bonheur!
Romance du Siècle passé.

Въ рукахъ моихъ ты не увянулъ,
На жаркомъ сердцѣ не засохъ ....
Нѣтъ! — межъ попутныхъ суматохъ
Ты вдругъ изчезъ, .. въ забвенье канулъ ...

На память сладостныхъ мгновеній,
Залогомъ вѣчно-дорогимъ
Ты былъ назначенъ и хранимъ,
Предметъ невинныхъ сожалѣній!

Но иначе судьба рѣшила, —
Но навсегда утраченъ ты ....
И будутъ мнѣ однѣ мечты
Напоминать день сердцу милый!

Возвращаясь изъ Фаля,
Четвергъ 20 Августа 1842 г.

LIV.

IN-PACE.

И скрыта заживо подъ спудъ, ...
И ждетъ её кровавый судъ.
Жуковскій.

Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, — похороненной дѣвы,
Обряда строгаго сей жертвы роковой,
Зарытой заживо въ склѣпъ тѣсный и сырой,
Подъ шумъ анаѳемы, церковнаго напѣва,
И гулъ колоколовъ, и крикъ толпы густой . . . .
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея!! . . . Не въ скорби одинокой, —
Съ участникомъ вины сюда сошла она, —
И надъ главами ихъ какъ выросла стѣна,
Ей гроба ужасы, темницы мракъ глубокій
Онъ вѣрно озарилъ присутствіемъ своимъ!
Для нихъ ужъ не было разлуки, раставанья, ...
Для нихъ послѣднее, недолгое прощанье
Лишь было переходъ къ «селеніямъ инымъ»
Къ предѣламъ вѣчности! . . . Тамъ Богъ судилъ, — не люди, —
И мука передъ нимъ грѣхъ выкупить могла . . . .

Digitized by Google

И слабость, можетъ быть, прощеніе нашла ....
— Пусть строгъ былъ приговоръ немилосердыхъ судій,
— Пусть карою небесъ былъ названъ ихъ законъ,
— Пусть фарисейскій сонмъ на падшихъ бросилъ камень, —
Тѣмъ легче грѣшникамъ: они преступный пламень
Въ слезахъ раскаенья омыли, — и смягченъ
Надеждой вѣчною былъ ихъ предсмертный стонъ!
Легендѣ древнихъ лѣтъ безъ ужаса внимая,
Я жалость спутниковъ вотще хочу дѣлить, —
«Не страшно умереть, ... а страшно пережить!»
Мнѣ говоритъ душа, — и смолкла я, мечтая ...

Катбринталь, Воскресенье, 30-го Августа.

LV.

ПАХИТОСЪ.

Fûmer, . . . rêver . . . et puis . . . on va si loin alors! . . .

X. . . *X*. . .

Пахитосъ, — отрада лѣни,
Европейскій наргилэ, —
Страсть новѣйшихъ поколѣній,
Поводъ дѣдушкамъ къ хулѣ, —
Пахитосъ! . . . предметъ раздора
И въ гостинныхъ и въ семьяхъ, —
Соучастникъ разговора,
И наперсникъ нашъ въ мечтахъ, —
Дымъ твой полонъ откровеній,
Много тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, отрада лѣни,
Европейскій наргилэ!

Львицъ причудливое знамя,
Ты безгрѣшно тѣшишь ихъ,
Ты игрушка имъ, — и пламя
На замѣнъ огней другихъ!
Другъ Испанки черноокой,

Ты при счастьи, средь скорбей,
Жизни праздной, одинокой
Сокращаешь скуку ей!
Ты присталъ и ручкѣ нѣжной,
И коралловымъ устамъ,
Думѣ грустной и мятежной
И смѣющимся глазамъ!

Я не львица удалая, —
Не Испанка подъ фатой, —
Но блаженствую, вдыхая,
Пахитосъ, чадъ легкій твой!
Мнѣ сдается, суеверной,
Что разрозненнымъ друзьямъ
Ты символъ въ дали безмѣрной,
Связь двумъ мыслямъ, двумъ мечтамъ....
Дымъ твой полонъ откровеній.
Много тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, отрада лѣни,
Европейскій наргилэ!....

Село Анна, Сентябрь, 1842 г.

LVI.

НОТТУРНО.

Ты назови своей звѣздой
Что съ думою глядитъ . . . . . .
Баратынскій.

О! любо на васъ засмотрѣться, — свѣтлыя, яркія звѣзды,
Когда въ многочисленныхъ хорахъ, тѣсно, безъ счёта, безъ мѣры,
На небѣ ночномъ вы горите, — зыблясь, — мерцая, — и сыпля
Сверкающихъ искръ милліоны! . . . Любо васъ видѣть, о, блёстки
Покрова царицы природы, въ сумракъ и тайну одѣтой!
Но мнѣ и милѣй и отраднѣй, если случится, какъ нынѣ,
Что послѣ ненастья, межъ тучь, гостьей нежданой возникнетъ
Звѣзда одинокая въ полночь . . . явится, словно улыбка

Смѣняя прискорбія слёзы, ... мглу небосклона разсѣетъ, ...
И средь облаковъ перелётныхъ свѣтитъ одна и недвижна,
И взоры манитъ такъ привѣтно, сердце влечетъ такъ всесильно!
Да! любо и сладко мнѣ грустной молча звѣздой восхищатья,
И долго, и томно, и нѣжно взглядъ посылать къ ней, прекрасной.
Души полной тайнъ и тревоги исповѣдь ей повѣряя! ...
Мнѣ кажется, въ часъ сей безмолвный общаго сна и покоя, —
Когда всё почило, и только я лишь одна ей любуюсь,
Звѣздой моей одинокой, — кажется, мнѣ она блещетъ
Условнымъ, таинственнымъ знакомъ, чудной пророческой вѣстью ...
Не такъ-ли она загорѣлась въ небѣ туманномъ и грозномъ —
Какъ радостъ зажжется когда-то, послѣ страданій и муки? ...
Не такъ-ли она въ мракѣ ночи свѣтлою точкой сіяетъ,
Какъ въ сердцѣ моемъ вѣковѣчно свѣтитъ завѣтная мысль? ....

Село Анна, 26-го Сентября, 1842 г.

LVII.

АНДРЕ ШЕНЬЕ.

Comme un dernier rayon, comme un dernier sourire
Anime la fin d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaye encore ma lyre, . . .
Peut-être est-ce bientôt mon tour? . . . .
André Chénier, le jour de sa mort,
7 Thermidor 1794.

Есть имя: — Отъ него издавна сердце билось, ...
Когда ребенкомъ я несвѣдущимъ была,
Однажды, межъ большихъ, рѣчь грустная зашла
Объ юномъ узникѣ; . . . я въ страхѣ притаилась,
Вникала всей душой въ несвязный ихъ расказъ, —
Столь темный для меня, жилицѣ новой свѣта, —
Была растрогана страданьями поэта,
Темницей, смертію . . . Рѣкой изъ дѣтскихъ глазъ
Впервые полились возвышенныя слёзы . . . .
Я только поняла что мученикъ младой,
Невиненъ и великъ, палъ гордо подъ враждой,
Презрѣвъ гонителей, ихъ злобу и угрозы . . . .
Я только поняла что онъ прекрасенъ былъ,
Что плакали о немъ, . . . что страстно онъ любилъ . . . .
И возгорѣлося мое воображенье,

И въ память свѣжую, онъ врѣзался навѣкъ,
И для мечты моей онъ былъ не человѣкъ,
А идеалъ, герой, предметъ благоговѣнья!

Потомъ, — ужъ въ дѣвушку ребенокъ превращался, —
Стиховъ его при мнѣ читали невзначай
Отрывки бѣглые; — и мнилось, свѣтлый рай
Давно-обѣщенный предъ мною разверзался! . . .
Волшебно-сладостной гармоніей его
Плѣнялся юный слухъ; весь жаръ, весь пылъ кипучій
Его высокихъ чувствъ, и мысли блескъ могучій
Легко открыли путь до сердца моего,
Легко отвѣтное въ немъ эхо пробудили.
Но скоро чтеніе и чадъ мой прекратили,
Напрасно раздразнивъ мой любопытный умъ . . . . .
И тщетно, жажлущій, онъ рвался утолиться,
Дослышать чудные напѣвы, допроситься
Ключа въ понятію пѣвца тревожныхъ думъ, —
Мнѣ книги не дали! . . . .

Годовъ потокъ бѣжалъ, ...
Срокъ минулъ наконецъ завистливыхъ запретовъ, —
Шенье любимецъ мой межъ всѣхъ другихъ поэтовъ,
Межъ прежнихъ, нынѣшнихъ! . . . Сужденью онъ сдержалъ
Что̀ нетерпѣнію, догадкамъ обѣщалъ!

Предубѣжденіе въ пристрастье превратилось.
Его судьбы, любви, плѣнительный расказъ
Какъ друга исповѣдь читая много разъ,
Я съ чувствами его и съ мыслями сдружилась.
Камиллы вѣтреной измѣны я кляну,
И вѣрность Авеля пріемлю съ умиленьемъ,
Какъ будто-бы онъ мнѣ былъ вѣренъ! — Съ восхищеньемъ
Мечту моей души нашла я не одну
Въ мечтахъ восторженныхъ лѣнивца молодаго.
Да! я люблю его какъ брата дорогаго,
О комъ-бы мать въ слёзахъ расказывала мнѣ,
Чтобъ съ памятью его, въ сердечной глубинѣ
Моей, сокрыть навѣкъ завѣтные преданья!
Да, я люблю его, какъ будто-бъ мы должны
Съ нимъ гдѣ-то встрѣтиться, ... и оба суждены
На дружбу долгую! ... Его существованье
Неизсякаемый предметъ моей мечты.
Такъ молодъ! ... такъ хорошъ! ... Такъ жизнь и міръ любившій,
Онъ утро дней воспѣлъ, до полдня не доживши!....
Онъ съ древа жизни снялъ лишь ранніе цвѣты!...
Онъ чувствовалъ въ себѣ избытокъ свѣжей силы,
Невысказанныхъ думъ, священнаго огня, ...
Звалъ славу какъ вѣнецъ трудовъ и бытія ....
А слава лишь ему блеснула за-могилой!! ....

Село Анна, Октябрь, 1842 г.

LVIII.

«ОНА ВСЁ ДУМАЕТЪ!»

«Plus rêver que penser!»
Devise de femme.

«Она всё думаетъ!» — Такъ говорятъ о мнѣ, —
И важной мудрости, приличной сѣдинѣ,
Хотятъ отъ головы моей черноволосой . . .
«Она всё думаетъ!» — Неправда!! . . . Разумъ мой
Не увлекается мышленія тщетой,
Не углубляется въ всемірные вопросы. —

Нѣтъ, я не думаю, — мечтаю! . . . . Жизнь моя
Заботы, помыслы тревожные тая, —
Для безпристрастныхъ думъ досуга не имѣетъ.
Въ слезахъ-ли, . . . въ радости-ль, . . . собою занята,
Я знаю лишь себя, — и вѣрная мечта
Лишь сердцу милое ласкаетъ и лелѣетъ. —

Нѣтъ, я не думаю! я грежу на яву,
Воспоминаньями, догадками живу,
О завтра, о вчера въ безсмѣнномъ попеченьи.
Пока, волнуяся, душа моя кипитъ,
Пока надежда мнѣ такъ сладко говоритъ,
Я думать не хочу!...зачѣмъ мнѣ размышленья?....

Что̀ дума? — Судъ, . . . расчётъ, . . . внимательный разборъ
Того что̀ чуждо намъ; . . . духовный, вѣщій взоръ, . .
Крыло, плекущее въ пространство разумъ смѣлый . . . .
Придетъ для думъ пора, въ разувѣренья дни,
Когда разсѣятся какъ прахъ мечты мои
Предъ строгой правдою, предъ хладомъ жизни зрѣлой! . .

Дорогою, Ноябрь, 1842 г.

LIX.

МАГНЕТИЧЕСКІЙ СОНЪ.

To sleep! . . . perchance to dream! . . . .
Hamlet.

Тяжело и легко . . . и въ волненьи душа
Оторваться желаетъ отъ тѣла . . . .
Бьетъ крылами она, всё куда-то спѣша, ...
Волю-бъ дать ей, — она-бъ улетѣла!

Грёзы ходятъ кругомъ, ... и манятъ и зовутъ, ...
И зовутъ за предѣлы земнаго.
Такъ не ясны онѣ, — а такъ много даютъ
Сладко-томнаго, грустно-святаго! . . . .

И вотъ зеркало вдругъ показалося мнѣ,
И мнѣ голосъ шепнулъ безсловесный:
«Посмотри, посмотри! въ вѣщей той глубинѣ
«Жребій твой отразится чудесно!» —

И послушна ему, въ роковое стекло
И душою и окомъ вникаю:
Но прозрѣнье мое не довольно свѣтло, —
Бѣглыхъ призраковъ смысла незнаю!

Digitized by Google

И чѣмъ больше смотрю, — и чѣмъ больше мой взоръ
Углубляется въ рамѣ блестящей, —
Тѣмъ сильнѣй мой порывъ, тѣмъ смѣлѣй мой просторъ,
И забытъ ужъ весь міръ настоящій!

Но тѣлѣсныя цѣпи всё держатъ меня,
Но оковы земли не пускаютъ ....
Еще мигъ, — и я вновь чую грузъ бытія,
А туманы міръ сновъ застилаютъ .....

Среда 6-го Января, послѣ магнетическаго сеанса.

Digitized by Google

LX.

ПОСЛѢ МОЛИТВЫ.

Въ младенческіе дни слѣпаго безсознанья,
Мятежной юности въ томительные дни,
Грядущемъ заняты, въ тревожномъ ожиданьи,
Когда мы молимся, — и помыслы свои,
Желанья смутныя на небо возсылаемъ, —
Мы просимъ счастія, . . . о счастіи мечтаемъ.
Невѣдомо, таинственно оно, . . .
Неясно намъ, какъ призракъ отдаленный,
Но манитъ насъ, — и умъ, имъ обольщенный,
О жизни и о немъ гадаетъ за-одно. —

И вотъ своей чредой года идутъ, минуютъ, . . .
То радостью дарятъ, то бросятъ намъ обманъ,
То учатъ уповать, то вновь разочаруютъ,
Намъ въ сердце врѣзавшись слѣдами тайныхъ ранъ, ...
И вотъ, мы съ счастіемъ знакомимся желаннымъ, —

И что̀-жъ? . . . Предъ торжествомъ давно обѣтованнымъ,
Непрочностью земной поражены,
Боимся мы печальной перемѣны, —
И просимъ ужъ покоя, . . . тишины, ...
И мирной пристани душѣ изнеможенной!

Воскресенье, 17-го Января 1842 г.

LXI.

ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕНЬ.

L'âme contemplative se fait à elle-même une solitude.

St.-Augustin.

Онъ миренъ былъ, онъ свѣтелъ былъ,
Мой день уединенный;
Онъ благодатно освѣжилъ
Мой духъ изнеможенный.

Я дома провела его,
Вдали людскаго шума,
И мнѣ не было безъ него
Ни пусто, ни угрюмо.

Сначала заняли меня
Минувшаго преданья, —
Дневникъ дней лучшихъ бытія,
Мои воспоминанья . . . . . .

Digitized by Google

Потомъ былъ гость, — но не чужой,
Желанный, сердцу милый;
Правдивъ, какъ духовникъ святой,
Онъ вѣренъ, какъ могила!

И наконецъ, осталась я
Одна, предъ книгой новой.
О эта книга! . . . для меня
Какъ много въ ней роднаго!

Усопшій другъ её сложилъ, *)
Её пѣвалъ въ изгнаньи,
И тайну ей препоручилъ
Таланта и страданья . . . . .

Дивяся, восхищалась я
Блестящимъ вдохновеньемъ,
И провела остатокъ дня
Съ высокимъ наслажденьемъ.

Я тихо плакала надъ ней,
Надъ пѣснію унылой, —
Но слёзы тѣ, — отъ нихъ свѣтлѣй!
Въ нихъ страсть, въ нихъ мощь, въ нихъ сила! . . . .

*) Стихотворенья М. Лермонтова.

И вотъ, пора идти ко сну:
    Прильнувши къ изголовью,
Молясь о милыхъ, я засну
    Съ молитвой и любовью.

Но прежде, горнихъ думъ полна,
    За этотъ день блаженный
Благотворить творца должна
    Душою умиленной!

Петербургъ, 9-го Марта 1843 г.

Digitized by Google

LXII.

ВЪ АЛЬБОМЪ СОФЬѢ Н..Ѣ КАРАМЗИНОЙ.

Que j'aime le coeur des gens d'esprit!
Alphonse Karr.

Что̀ въ милой женщинѣ милѣе и дороже, —
Умъ, или сердце? ... что̀ сильнѣе къ ней влечетъ,
И рай вокругъ нея ей близкимъ создаетъ,
И вѣчно ново въ ней, хоть всё несмѣнно тоже?

Блестящій умъ живитъ, одушевляетъ свѣтъ,
И превращаетъ въ пѣснь шумъ жизни однозвучной;
А сердце нѣжное, съ любовью неразлучно,
Въ терновый нашъ вѣнецъ вплѣтаетъ чувства цвѣтъ.

И оба любы намъ; и оба ей пристали;
Созданья полнаго условія они:
Намъ нуженъ свѣтлый умъ въ златые счастьи дни,
А къ сердцу прибѣгать мы будемъ дни печали!

Петербургъ, Апрѣль, 1843 г.

LXIII.

БЫЛЬ.

«Il ne faut pas plaindre ceux qui sont tristes: «la tristesse est un sentiment doux, et qui n'a «pas les retours amers de la joie, les soucis dé«vorants de l'inquiétude, le stérile affadissement «de l'ennui. Quant à l'ennui, — c'est l'état dou«loureux du coeur qui a froid tout seul.»

X. X. Письмо съ деревню.

«Нѣтъ, — я не сѣтую на скорбь мою, друзья!
«Святая скорбь небесъ посланье!
«Въ ней благотворное для насъ есть назиданье,
«Цѣлительна суровость намъ ея.
«Мы слишкомъ вѣтрены, . . . мы мелочны, безпечны,
«Когда легко живется намъ,
«И въ нашихъ замыслахъ удача пополамъ;
«Намъ мнится что она намъ спутникъ вѣковѣчный,
«Мы вѣримъ ей, себѣ . . . лѣнивъ нашъ праздный умъ, —
«Въ немъ мѣста нѣтъ для вдохновенныхъ думъ;
«Всё на распашку, — мысль и воля! . . . .

«Въ насъ внутреннюю жизнь жизнь внѣшняя мертвитъ;
«Пресытившизь, нѣмое сердце спитъ ....
«Прочь отъ меня такая доля!! ....
«Хочу страдать, ... любить! ... хочу чтобы порой
«Уединеніе смѣняло шумъ тревожный,
«Чтобъ грустью удаленъ отъ суеты ничтожной
«Мирился-бъ я, сближался-бъ самъ съ собой! ....
«И только больно мнѣ, и только нестерпимо
«Когда разлукой я отъ милыхъ увлеченъ,
«И сердцемъ одинокъ, душою отчужденъ,
«Ихъ ласковыхъ рѣчей не слышу звукъ любимый,
«Радушныхъ свѣтлыхъ лицъ не вижу вкругъ себя.
«Тогда, ни жизни шумъ, ни свѣта блескъ не властны
«Мнѣ сердца утолить тревогою напрасной;
«И пусто мнѣ вездѣ, ... и всюду скученъ я! ....» —

Такъ онъ писалъ, — задумавшись невольно
Надъ ласковымъ письмомъ, несущимъ скоро въ даль
Отъ сердца къ сердцу вѣсть ... И грустныхъ строкъ печаль
Была въ глазахъ, въ душѣ .... Вдругъ идутъ! .... — Недовольный
Онъ вздрогнулъ .... Въ дверь его вломился рѣзвый смѣхъ
И праздный разговоръ товарищей .... Онъ руку
Имъ жметъ привѣтливо, ... съ чела свѣваетъ скуку ....

Одинъ, онъ могъ грустить, онъ могъ мечтать ... —
При всѣхъ,
Онъ долженъ, какъ они, быть веселъ, — иль казаться
Такимъ! ... И вотъ письмо лежитъ ужъ за-замкомъ,
Гдѣ исповѣдь свою довѣрчивымъ перомъ
Онъ высказалъ за мигъ. — Теперь, пора сбираться
На ежедневное, безцѣльное житье,
Назначить, учредить часовъ распредѣленье.
И вотъ, разгульныя внимая предложенья,
Онъ споритъ, ... слушаетъ, ... рѣшеніе свое
Готовитъ медленно .... Вся буйная ватага
Шумя, волнуется, собравшись вкругъ него;
Зоветъ, влечетъ съ собой, торопитъ лѣнь его, —
И съ ними онъ идетъ, согрѣтый ихъ отвагой .....

Москва, Августѣ 1843 г.

Digitized by Google

LXIV.

СПОРЪ НА НЕБѢ.

Man, . . . thou pendulum betwixt a smile and tear!
Byron.

Въ сумракѣ вечера свѣтло-таинственномъ
Глубь необъятная неба лазурнаго
Блещетъ, прозрачная, ясностью чудною,
Будто сафиръ, раскаленный огнемъ,
Въ перстнѣ сверкающемъ Мага восточнаго.

Плавно качаяся въ мягкой упругости
Моря эѳирнаго, — мѣсяцъ купается,
Мѣсяцъ ныраетъ въ немъ, — нѣжась, красуется,
Словно надъ озеромъ, въ быстрыхъ волнахъ
Съ статною гордостью лебедь играющій.

Тихо и трепетно, — вся созерцаніе, —
Молча гляжу я на небо далёкое,
Молча любуюсь сіяющимъ мѣсяцомъ:
Вѣкъ не растался бы съ ними мой взоръ!
Не нагляжуся я, не налюбуюся! . . . .

Вдругъ, — вотъ несется ... и вотъ ужъ на-
хлынуло
Богъ вѣсть откуда — пролётное облако ....
Быстро задернуло ризой нетлѣнною
Мѣсяца яснаго радостный ликъ, —
И не видать ужъ его, золотистаго!

Сердится, неба краса лучезарная,
Мѣсяцъ, владыко и царь звѣздъ безчислен-
ныхъ,
Сердится, видя себя вдругъ окутаннымъ
Будто-бы саваномъ, — хочетъ сорвать,
Хочетъ расторгнуть враждебное облако ....

Борется съ тѣнію ... съ мглою летающей ....
Сброситъ покровъ свой, — и трепетно выгля-
нетъ,
Отблескъ серебряный сыплетъ привѣтливо ....
Но не на-долго! туча бѣжитъ, —
Туча настигнула ... снова нѣтъ мѣсяца! ....

Кто-же, кто будетъ изъ нихъ побѣдителемъ? ...
Туча-ль угрюмая, мимо, досадуя,
Путь свой направитъ, въ даль вихремъ влеко-
мая? ....
Мѣсяцъ-ли въ тайный чертогъ свой уй-
детъ? ....
Мракомъ-ли, ... свѣтомъ-ли небо одѣнется? ...

Взоромъ и мыслію къ выси прикована, —
Жду я рѣшенія: — я, суевѣрная,
Думой пытливою въ споръ ихъ вмѣшалася; —
Я загадала, . . . и участь свою
Чуднымъ противникамъ робко повѣрила . . . .

Жизни духовной, судьбы человѣческой
Образъ здѣсь вижу я: въ сердцѣ волнуемомъ
Также встрѣчаются, спорятъ и ратуютъ
Съ радостью свѣтлою туча — печаль.
Кто одолѣетъ, . . . ахъ! . . . Богу лишь вѣдомо! . . . .

Москва, Августъ 1843 г.

LXV.

НАПУТНАЯ МОЛЬБА.

I only feel· Farewell! . . . farewell! . . .
Byron.

Я ѣду! . . . Я должна въ полуденныхъ странахъ
Искать здоровья. — Мнѣ иное небо нужно,
И солнца болѣе; мнѣ нуженъ воздухъ южный,
И свѣжихъ силъ родникъ въ морскихъ волнахъ.
Я ѣду! . . . Всё прости, что̀ дорого и мило! . . . .
Мой одинокій путь не радуетъ меня.
Жаръ любознанія болѣзнь во мнѣ убила;
Увы! Италію теперь увижу я
Безъ трепета, безъ слёзъ, безъ восхищенья . . . .
Не до нее теперь, — и сердца нѣтъ для ней! . . . .
Но, Боже! . . . Безъ меня, десницею Твоей
Храни моихъ!! . . . Услышь напутное моленье,
Моленіе больной! . . . Чтобъ дома, безъ меня,
Всё улыбалось мнѣ, и мирно процвѣтало, ...
Чтобъ всё старинное меня-бы ожидало
Пока я обновлюсь вдали для бытія, ...

Чтобъ прерванная цѣпь знакомаго, роднаго
И скоро и легко связалась-бы опять, ...
И лишь прошедшее одно мнѣ дай обнять
Въ желанный день свиданья дорогаго! . . . .
Когда порога я домашняго коснусь, —
Когда вокругъ себя съ волненьемъ оглянусь, —
Чтобъ всѣ-бы были тутъ, . . . о! всѣ безъ недочёта! . . . .
Позволь, чтобы для насъ срокъ мѣрнаго полёта
Любовно ускорилъ разлуки тяжкій годъ!
Храни меня въ дали отъ мрачнаго сомнѣнья,
Отъ тайнаго въ душѣ змѣинаго шипѣнья
Боязней мнительныхъ, томительныхъ заботъ!
Изъ сердца изжѣни всѣхъ демоновъ лукавыхъ!
Чтобъ въ чуждой сторонѣ сберечь мнѣ мой покой,
Не дай мнѣ встрѣтиться съ веселой клеветой,
И слухъ мой отврати отъ словъ ея неправыхъ!
А имъ, — о Боже! — имъ, оставшимся, молю,
Защиту низпошли всесильную твою,
И благодать надежнаго покрова!
Пусть жизнь лелѣетъ ихъ, привѣтна и свѣтла!
О! дай имъ здравіе, чтобъ я была здорова,
И счастье, — чтобъ я счастлива была!

Москва, 2-го Сентября 1843 г.

LXVI.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ АРТИСТУ.

Въ альбомъ молодаго Антона Рубинштейна.

Cette musique qui t'anime
Est un instinct qui monte à Dieu!
Lamartine, Harmonies.

Благословенъ, кто въ дѣтствѣ избранъ свыше
Глашатаемъ искуствъ, прекраснаго жрецомъ!
Тому жизнь стелется заманчивымъ путемъ,
И цѣль ея полнѣй, и въ бурю волны тише!
Тотъ гостемъ дорогимъ вселенную пройдетъ,
Нося, какъ талисманъ, съ собою вдохновенье,
И всюду встрѣтитъ онъ привѣтъ и одобренье,
И всюду онъ друзей и братьевъ обрѣтетъ.
Глаголъ данъ генію отъ неба повсемѣстный:
Блаженъ, кому знакомъ духовныхъ силъ языкъ,
Кто тайну творчества постигнулъ и проникъ,
Кто счастливъ и богатъ своей мечтой чудесной,

Кто словомъ, кистію, струнами иль рѣзцомъ
Владѣетъ, — какъ небесъ наслѣдіемъ безцѣнным,
Кто можетъ оживить толпу огнемъ священнымъ,
И небо избраннымъ отверзть въ быту земномъ!

Петербургъ, 7-го Мая, 1844 г.

ИЗДАЛЕКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

«De loin comme de près, toujours
même pensée . . . .»

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

МОЛИТВА ВЪ ГРУСТНЫЙ ЧАСЪ.

«. . . . . Да будетъ воля Твоя! . . . .»

Опять, опять я слышу гласъ знакомый:
«Въ дорогу, въ путь! . . . Сбирайся, ... и покинь
«Всё чѣмъ живешь! . . . .» — И жребіемъ влекома,
Оглушена, — я говорю: «Аминь!» —
Я выхожу на жизни путь широкій . . .
Ахъ, эта жизнь . . . какъ часто ужъ она
Была судьбой враждебно прервана. . . .
Устала я!! . . . А ѣхать такъ далеко!! . . .
О Боже мой! въ десницу я Твою
Скитальческій шатеръ мой предаю!

Расторгнуты, разрознены, разбиты
Всѣхъ дружескихъ цѣпей всѣ звѣна вдругъ . . .
Очамъ земнымъ игры судебъ сокрыты:
Кто знаетъ, можетъ быть, бывалый другъ
Врагомъ предстанетъ мнѣ, или, быть можетъ,

Кому нибудь невѣдомо, шутя,
Послѣднее прости, сказала я. . . .
И тайный страхъ томитъ меня, тревожитъ. . . .
О Боже мой! . . . въ десницу я Твою
Всё, что́ люблю, смиренно предаю!

Но будущность, но даль, но жизни годы, . . .
Что̀ для меня должно наполнить ихъ? . . . .
Опять мечты, догадки? . . . . Нѣтъ, — свободы
Я имъ не дамъ! . . . За тщетность сновъ своихъ
Впредь сердце ужъ не хочетъ быть въ отвѣтѣ, —
Не можетъ прежнихъ мукъ и слёзъ забыть, —
Не знаетъ что̀ желать, чего просить. . . .
И стоитъ-ли желать чего на свѣтѣ!! . . .
О Боже мой! въ десницу я Твою
И будущность и сердце предаю! . . . .

Дорогою, 16-го Сентября 1845.

II.

КРЕСТЪ У ДОРОГИ.

Est-il une heure, ô Dieu, dans la nature entière,
Où le coeur soit las de prier? . . .
Lamartine, Harmonies.

На перепутьѣ, ты зачѣмъ
Воздвигнутъ здѣсь, символъ священный? . . .
Или чтобъ всякому и всѣмъ
Быть вѣстью выкупа вселенной?

Или, на мѣстѣ проклятомъ,
Въ борьбѣ съ отчаяньемъ напрасной, —
Самоубійствомъ и грѣхомъ
Безумецъ кончилъ вѣкъ несчастный;

И ты, взамѣнъ псалмовъ святыхъ,
Взамѣнъ обрядовъ, пѣсней клира,
Поставленъ милостью надъ нимъ,
Залогъ прощенія и мира? . . . .

Или здѣсь странникъ жертвой палъ
Подъ алчной хищника рукою? . . . .
Иль былъ въ него вонзенъ кинжалъ
Любовью тщетной, местью злою? . . .

Иль просто сердце чьё нибудь,
Молитвѣ съ горя научившись,
Хотѣло, чтобъ чужая грудь
Здѣсь облегчилась, помолившись?

Хотѣло свѣтлый дать пріютъ
Душѣ, печалью удрученной,
Чтобъ вѣчный крестъ увидя тутъ,
Она забыла крестъ свой тлѣнный? . . . .

18-го Сентября 1845 г.

Digitized by Google

III.

ПРОШЕНІЕ СВЯТОМУ АНТОНІЮ ПАДУАНСКОМУ.

Une chronique populaire de Lombardie prétend que St.-Antoine de Padoue fait retrouver les objets perdus.

Святой Антоній, — говорятъ
Что ты утраты замѣняешь,
Что всё, — потерю, или кладъ,
Иль кражу, — видишь ты и знаешь:
И если предъ тобой мольба
Твоихъ просителей угодна, —
Должна враждебная судьба,
Смирясь предъ властью превосходной,
Отдать, что́ отняла у нихъ,
Свершить ихъ волю и желанье. . . .
За то, у алтарей твоихъ
Обѣты, гимны, подаянья
Не переводятся; за то
Гласитъ тебѣ сдоръ христіанскій:
«Святой Антоній Падуанскій,
«Будь милостивъ! отдай намъ то,
«Что́ злобнымъ духомъ отнято!»

Digitized by Google

И молитъ набожный старикъ
О деньгахъ, гдѣ-то позабытыхъ,
И матери взываетъ крикъ
О дѣтяхъ подъ землею скрытыхъ;
Красавица, склонивши взоръ,
Скрестивши бѣленькія руки
Жалѣетъ, что пропалъ уборъ,
Ей подаренный при разлукѣ. . . .
И я, свидѣтель ихъ нѣмой,
И я, пришлица изъ-далёка, —
Смотрю на сей обрядъ чужой
Съ вѣро-терпимостью Востока,
И молвлю съ ними невзначай,
Съ ихъ простотою итальянской.
«Святой Антоній Падуанской,
«Отдай мнѣ мой родимый край,
«Былое счастье мнѣ отдай! . . . .

Падуа, $\frac{\text{11-го Ноября}}{\text{30-го Октября}}$ 1845 г.

IV.

ЛЮБОВНИКЪ И МОРЯКЪ.

«Souvent femme varie,
Bien foi est qui s'y fie.»
François I.

Морякъ.

Товарищъ, посмотри какъ волны голубыя
Съ привѣтнымъ ропотомъ ласкаются ко мнѣ,
И какъ заманчиво меня зовутъ онѣ
Вмѣшаться съ ладіей въ ихъ игрища живыя!
Пойду, — не вытерплю, — пойду сегодня въ море,
И душу освѣжу на радостномъ просторѣ!

Любовникъ.

Товарищъ, ты видалъ красавицу мою,
Франческу милую съ очами огневыми,
Съ косою шелковой, съ плечами снѣговыми?
Какъ хороша она! Какъ я её люблю!!
Пойду, . . . у ногъ ея день цѣлый я пробуду,
Улыбки допрошусь, — и міръ для ней забуду!

Морякъ.

Вотъ волны клубятся, сверкая серебромъ,
Вотъ пѣною въ меня жемчужною бросаютъ, . . .
Даль моря, солнечнымъ озарена лучемъ,
Синѣетъ бирюзой, сафирами сіяетъ. . . .
Пучина дивная, плѣняешь ты меня!
Я твой, — красой твоей вблизи натѣшусь я!

Любовникъ.

Какъ только вспомнится звукъ голоса любимый,
Какъ вдругъ причудится мнѣ свѣтлый взоръ ея, —
Дрожу, то страстію, то ревностью палимый;
И мнится, — если бы царемъ проснулся я, —
За этотъ взоръ одинъ, за ласковое слово,
И тронъ и власть отдать душа была-бъ готова!

Старикъ.

Безумцы оба вы, — любовникъ и морякъ!
Видъ моря тихаго мракъ, бурю, смерть скрываетъ;
А женщины любовь, хоть блещетъ какъ свѣтлякъ,
Но юношей сердца какъ тайный червь снѣдаетъ.
Любуйтеся вдали, не приближайтесь къ нимъ,
Ни сердца, ни судьбы не довѣряйте имъ! . . . .

Digitized by Google

Смѣются, . . . ластятся, . . . манятъ къ себѣ и волны
И женскіе глаза, . . . но закачаютъ васъ
Объятья зыбкія пучины злой! . . . но полны
Отравы медленной лучи прелестныхъ гласъ! . . .
Волна что женщина, — а женщина что море! —
Улыбкѣ ихъ повѣрь, — бѣда тебѣ и горе!! . . .

Ниццл, $^{27}/_{15}$-го Ноября 1845.

V.

СОСНА НА КОРНИШѢ.

Ты-ль это, сѣвера холоднаго жилецъ,
Ты-ль это, вѣчныхъ зимъ и бурныхъ вьюгъ подруга, —
Зеленая сосна? . . . О нежданный пришлецъ,
Межъ вѣтвистыхъ маслинъ и лозъ кудрявыхъ юга! . . . .
Сосна, — привыкшая корни свои вцѣплять
Въ сугробы снѣжные, и въ ризѣ льдинъ кристальныхъ,
Въ пушистомъ инѣѣ, полгода щеголять,
Среди лѣсовъ нагихъ, облистанныхъ, печальныхъ, —
Ты здѣсь, — на берегу полуденныхъ морей,
Подъ небомъ голубымъ Италіи счастливой,
Одна, какъ-бы въ гостяхъ, . . . прохожему на диво,
И Русскимъ странникамъ какъ вѣсть съ родныхъ степей! . . . .
Стоишь, задумчиво поникнувъ головою, —
Въ волнахъ купаешься, на Божій міръ глядишь,

Довольная судьбой, довольная собою. —
Но знаешь-ли, скажи, но помнишь-ли зачѣмъ,
Откуда, и когда, и какъ сюда попала? . . .
Гдѣ родина твоя? . . . или о ней совсѣмъ
Уже забыла ты? . . . Иль ввѣкъ ты не скучала
О брошенныхъ сестрахъ, и о краю родномъ, —
Не видѣла во снѣ сосновый лѣсъ шумящій? . . . .
Скажи: издалека бушующимъ крыломъ
Удушный Широкко или Мистралъ полящій
Зародышъ твой занесъ? . . . Скажи, какъ ты росла
Въ семьѣ деревъ чужихъ, пріёмышъ одинокій,
И хочется-ль тебѣ увидѣть край далекій
Гдѣ столько-бы своихъ, дивяся, ты нашла? . . .
Быть можетъ, ты меня издавна здѣсь ждала? . . . .
Ты чуяла во мнѣ тоскующую душу,
Ты знала, что привѣтъ на языкѣ родномъ
Я вымолвлю тебѣ, и для тебя нарушу
Молчанье странниковъ въ краю для нихъ чужомъ? . . . .

На Корнишѣ, дорогою изъ Ниццы въ Геную,
$^{28}/_{16}$-го Ноября 1845 г.

VI.

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ МУЗЫКУ.

«Quare tristis es, anima mea, et quare conturbas me?»
Introït.

Когда тоска, какъ воронъ чернокрылый,
Впивалась въ грудь Еврейскаго Царя,
И бѣдный Царь, томяся и горя,
Изнемогалъ, терялъ разсудокъ, силы;

Когда злой духъ преслѣдовалъ его,
Опутывалъ враждебными сѣтями,
Тогда Давидъ бряцалъ предъ нимъ струнами
И врачевалъ владыку своего.

И тихій сонъ, благихъ небесъ посланье,
Смыкалъ слегка больнаго очеса,
И видя дивныхъ пѣсней чудеса,
Благословлялъ народъ пѣвца дѣянья.

Когда мнѣ свѣтъ напомнитъ о себѣ
Какой нибудь отравленной стрѣлою,
Иль Богъ пытать меня велитъ судьбѣ,
Иль вспомнится душѣ про все былое; . . . .

Когда и мракъ и холодъ давятъ грудь,
И пусто мнѣ въ изгнаньѣ одинокомъ,
И крылъ нѣтъ у мечты, въ краю далекомъ,
Въ краю родномъ, хоть мигъ лишь отдохнуть;...

Когда страдать и думать я устану,
Докучны мнѣ и праздный разговоръ,
И въ книгахъ бѣглыхъ словъ невнятный сборъ,
И мелкія тщеславія обманы:

Тогда, грозой проснется страсть во мнѣ
Къ гармоніи, къ напѣвамъ, къ звукамъ, къ тонамъ;
И цѣлый день клавира томнымъ звономъ
Я тѣшу слухъ и душу въ тишинѣ.

Какъ мать дитя баюкаетъ больное,
Такъ музыкой баюкаю себя, —
И горе спитъ, ... и скоро зло земное
Лишь свысока, вдали, чуть вижу я! ....

Римъ, Воскресенье, $\frac{\text{1 Февраля}}{\text{20 Января}}$ 1846 г.

Digitized by Google

VII.

ПРЕДВѢЩАНЬЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКУ.

«Benedictus qui venit in nomine Domini! . . .»

По древнимъ храминамъ, среди развалинъ Рима,
Межъ дикихъ прелестей обломковъ вѣковыхъ,
Что̀ ищетъ юноша, восторгомъ думъ младыхъ,
И любознаніемъ водимый?

Пришелъ-ли онъ искать исторіи преданья,
Иль страсть къ изящному сюда его влечетъ?...
И сердце новое какой мечтой живетъ
Въ святой странѣ воспоминанья?

Что̀ говоритъ ему, въ столицѣ бывшей міра,
Прославленныхъ вѣковъ краснорѣчивый прахъ?
Что̀ грезится ему: воители въ вѣнцахъ,
Иль гордыхъ Кесарей порфира? . . . . .

Иль первыхъ христіанъ торжественныя муки
Въ пещерахъ вспомнилъ онъ, — и вдругъ ихъ блѣдный ликъ
Предсталъ, крестя его, — и ихъ услыша кликъ
Онъ къ жертвамъ простираетъ руки?....

И соименникомъ великимъ вдохновенный,
Постигъ защитника для вѣры онъ зъ себѣ,
И внемлетъ трепетно таинственной судьбѣ, . . .
Судьбѣ, издавна предрѣченной? . . . .

Не здѣсь исполнятся народовъ предсказанья, . . .
Не здѣсь звѣзда его взойдетъ!! . . . Заранѣй онъ
Иной странѣ чудесъ чудесно возвѣщаетъ, —
И онъ свершитъ обѣтованья!! . . . .

Въ немъ всѣ исполнились пророчества примѣты:
Рожденъ на Сѣверѣ, . . . сынъ царскій, свѣтлоокъ
И свѣтлорусъ, ... его, его зоветъ Востокъ
Свѣтиломъ радостнаго свѣта!

Римъ, 5/17 Марта, 1846 г.

Digitized by Google

VIII.

ХРАМУ СВЯТАГО ПЕТРА.

Въ вечеръ Страстной Пятницы.

Я видѣла тебя, о дивный храмъ,
Въ торжественные дни, когда Владыка Рима
Царемъ богослужилъ, — и ты, неизмѣримый,
Былъ весь сіяніе, . . . молитва, . . . фиміамъ! . . .

Я видѣла тебя, когда передъ Небесной
Смирялась власть земли, колѣна преклоня, . . .
И праздникъ былъ такъ свѣтлъ, великъ, — что, мнилая,
Онъ міра лучшаго прообразъ намъ чудесный! . . .

Но нынче, . . . я вхожу, — и туауръ алтарей,
И надпрестольный крестъ въ крѣпъ черный облеченный
И храмъ торжественно въ потемки погрушенный,
Безъ пѣнья, безъ кадилъ, безъ таинствъ, безъ огней, —

Молчанье, ужасъ, мракъ, — всё о борьбѣ Христовой, —
Всё о Распятомъ здѣсь такъ сильно говоритъ,
Что духъ трепещетъ мой, душа моя скорбитъ,
И ты священный мнѣ, святѣе, сѣнь Петрова!!...

Римъ, $\frac{\text{29 Марта}}{\text{10 Апрѣля}}$ 1846 г.

Digitized by Google

IX.

НА ЛАВРОВЫЙ ВѢНЕЦЪ,

Поднесенный мнѣ земляками въ саду Виллы д'Эстэ, въ Тиволи.

Посвящается Сергію Егоровичу Кушелеву, и прочимъ Русскимъ, спутникамъ моимъ въ этотъ день.

Не мнѣ, друзья, не мнѣ вѣнецъ лавровый.....
Такая честь не подобаетъ мнѣ! .....
Даръ вашей дружбы я принять готова, —
Имъ радуюсь въ душевной глубинѣ, —
Но, какъ символъ таинственно-высокій,
Мнѣ чуждъ сей лавръ! . . . мнѣ до него далеко! . . . .

Смотрите, гдѣ мы!! . . . . Вотъ стоятъ палаты
Старинныя, чудесныя, ... и въ нихъ
Когда-то дворъ державный и богатый
Торжествовалъ пиры Князей своихъ, —
Родъ д'Эстэ угощалъ своихъ клевретовъ, —
Воителей, художниковъ, поэтовъ.

И вспомните, чіи стопы ходили
По симъ аллеямъ! . . . . . чей здѣсь гласъ звучалъ, ...
Чьи пѣсни здѣсь Элеонору чтили. . . . . .
Здѣсь страстный Тассо жилъ, ... любилъ, ... мечталъ! . . . .
Не мнится-ль вамъ, что подъ лавровой сѣнью
Мы встрѣтимся съ его туманной тѣнью? . . . . .

Скажите: тамъ, межъ тополей шумящихъ,
Какъ будто шорохъ, не слыхали вы? . . . .
Межъ мраморныхъ Фонтановъ, здѣсь блестящихъ,
Вы не видали обликъ головы? . . . .
О! тише!! . . . . Воздадимте въ умиленьи
Страдальцу и пѣвцу благоговѣнье!

Что̀ я предъ нимъ? . . . . Что̀ я въ странѣ сей славной? . . . .
Дитя суетъ, и баловень мечты, —
Поэтъ полу-пустой, и легконравный,
Любящій балъ, наряды и цвѣты, ...
Лишь женщина, . . . во всемъ значеньи слова! . . . .
Не мнѣ, друзья, не мнѣ вѣнецъ лавровый! . . . .

Римъ, $\frac{\text{29 Марта}}{\text{10 Апрѣля}}$ 1846 г.

X.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА НЕАПОЛЬ.

Да, вотъ оно вблизи, то море голубое
Что̀ долго грезилось восторженной мечтѣ,
Вотъ яркій небосклонъ, вотъ солнце огневое....
Неаполь предо мной! И въ полной красотѣ,
Въ весенній свѣтлый день, въ убранствѣ розъ душистыхъ,
Предсталъ взыскательнымъ онъ путницы глазамъ.
Какъ горные хребты, встаютъ изъ волнъ серебристыхъ
Громады островов разметанныхъ, — а тамъ
Дымится и гразитъ Везувій безпокойный,
Какъ вѣчной бурею, кипящей лавой полнъ.
Межъ тѣмъ купаются, бѣжа отъ нѣги знойной,
Красивыхъ виллъ сады въ прозрачномъ лонѣ волнъ ....
Да, всё вокругъ меня достойно удивленья ....
Но удивленія въ душѣ печадьной нѣтъ!
Но я не чувствую всесильнаго влеченья
Въ странѣ и новой мнѣ и чуждой... Этотъ свѣтъ

И этотъ блескъ меня тревожитъ и пугаетъ;
Ужъ мнѣ привыченъ сталъ тотъ Римскій полумракъ,
Что̀ такъ таинственно градъ вѣчный обвиваетъ, —
Здѣсь день какъ мечъ разитъ, здѣсь ослѣпленъ мой зракъ . . . .
Мнѣ дико, тяжело, . . . Тревожное дыханье
Съ усильемъ изъ груди стремится на просторъ,
И въ сердцѣ и въ умѣ я чую замиранье, ...
Какъ будто надо мной небесный приговоръ
Здѣсь тайно высказанъ, . . . какъ будто злое горе
Мнѣ возвѣщается въ предчувствіи моемъ . . . ..
Нѣтъ, мнѣ не любы вы, Неаполь, солнце, море, —
Ни даже ты, волканъ, съ дымящимся вѣнцомъ! —

Неаполь, $^{2}/_{12}$-го Апрѣля, 1846 г.

XI.

СЛОВА НА СЕРЕНАДУ ШУБЕРТА.

«Leise fliehen meine Lieder
«Nach der Heimath hin. . . . . .»

Замолчи, не пой напрасно
Сладкій соловей!
Мнѣ тревожна, мнѣ опасна
Пѣснь любви твоей!
Ахъ! была весна другая . . . .
Были прежде дни . . . .
Я жила, тебѣ внимая
Въ томномъ забытьи.

Лишь твой забьются трели
Въ дремлющихъ лѣсахъ, —
Выйду я, . . . въ глазахъ веселье,
Въ сердцѣ дрожь и страхъ . . . .
Звѣздный хоръ ярчѣй сіяетъ
Въ синевѣ небесъ;
Бѣлый ландышь разцвѣтаетъ
Въ этотъ часъ чудесъ.

И покуда не проснется
Рдѣющій Востокъ,
И на долы не прольется
День, какъ свѣтлый токъ, —
Прелесть ночи съ жадной страстью
Пью душей моей, ...
И поётъ мнѣ пѣсни счастья
Сладкій соловей!

Но волшебныя мгновенья
Згинули какъ сонъ, —
Рай мой былъ одно видѣнье, —
Быстро скрылся онъ! . . . .
Ужъ не милъ мнѣ ландышь бѣлый,
Звѣздъ я не люблю . . . .
Мнѣ теперь какое дѣло
Слушать пѣснь твою! . . . .

Во время одинокой прогулки въ королевскомъ
саду Каподимонте, Понедѣльникъ,
$^{29}/_{17}$-го Апрѣля, 1846 г.

Digitized by Google

XII.

ДВА СЧАСТЛИВЦА.

These two, — a woman and a youth were there,
And both were young, and one was beautiful.
Byron.

Въ сосѣдствѣ, за ближней стѣною,
И говоръ, и шорохъ, и смѣхъ ....
Ни днемъ, ни ночною порою
Тотъ шумъ не даетъ мнѣ покоя,
И, — будь мнѣ признанье не въ грѣхъ!
Къ сосѣдямъ стремлюсь я украдкой
Моей любопытной догадкой.

Какъ пара голубокъ влюбленныхъ,
Какъ милыхъ двойнишекъ чета, —
Тамъ двое счастливцевъ блаженныхъ,
Медовой порой упоенныхъ, ...
И мало-ли чѣмъ мнѣ мечта
Несвязную рѣчь дополняетъ,
Не конченный смѣхъ объясняетъ!

Я слышу, какъ долги, какъ звучны
Любви поцѣлуи горятъ . . . .
Я вижу, — всегда неразлучны
Къ рѣшеткѣ балкона подручной
Прильнутъ они вмѣстѣ, . . . стоятъ . . . .
На небо, на море, на волны
Любуются, радости полны . . . .

Неаполя роскошью чудной,
Залива его синевой,
И зеленью виллъ изумрудной,
И горъ живописною грудой,
И далью прозрачно-златой
Любуются баловни счастья, —
И дума имъ отдыхъ отъ страсти!

Вчера, на Везувій горящій
Взбирались они въ поздній часъ,
Ни путь, близкой смертью грозящій,
Ни вѣтеръ, въ лицо имъ палящій,
Не тронули ихъ: всё рѣзвясь,
Они на волканъ не смотрѣли,
Другъ другу всё съ-очи глядѣли!

Подъ сумерки, только прохлада
Замѣнитъ удушливый зной,
Ужъ лодка готова, — имъ надо
Понѣжиться новой отрадой, —
И вотъ ужъ по зыби морской
Послушный гребецъ ихъ качаетъ,
Волна ихъ лелѣетъ, лобзаетъ. . . .

И свѣтятъ имъ звѣзды златыя,
И мѣсяцъ сіяетъ для нихъ;
И пѣсни полудня простыя,
Напѣвы любви огневые,
Заразой роптаній своихъ
Вливаютъ во грудь имъ волненье,
На сердце наводятъ томленье. . . .

Счастливцы!! . . . Спѣшите, спѣшите
Пить сладкую чашу до дна! . . . .
Блаженствуйте, ... нѣжьтесь, ... живите, ...
И крѣпко, и страстно любите, —
Любовь не на вѣкъ вамъ дана! . .
Съ улыбкою тихой участья
Слѣжу и люблю ваше счастье! . . . .

Вамъ миръ и согласье желаю. —
Хоть чужды вы жизни моей! . . .
Про васъ, только то лишь я знаю,
Что вы изъ далекаго края, —
Что свѣтлыя кудри у ней . . . .
Но видѣть мнѣ любо и мило
Какъ счастье возможно-бъ здѣсь было! ...

Неаполь, Albergo della Vittoria, Апрѣль 1846 г.

XIII.

ЕЩЕ О НЕАПОЛѢ.

Нѣтъ! не хвалите мнѣ страны неосвѣщенной
И безхарактерной! . . . . страны перерожденной, —
Которая, стыдясь почтенной старины,
Стремится перенять личину новизны,
Присвоить роскоши чужой нововведенья,
Несродныя ея привычкамъ и правленью, —
И видъ условленный иныхъ новѣйшихъ странъ
Принять изъ лести къ нимъ . . . . Неловокъ ей обманъ, . . .
Нейдетъ ей глупое ея соревнованье,
Столицамъ Запада плохое подражанье, —
Какъ старческій парикъ младенческимъ чертамъ, . . .
Какъ дѣвичій нарядъ безумнымъ сѣдинамъ! . . . .
На Лондонъ и Парижъ Неаполь не походитъ!
Но въ немъ Италіи ужъ путникъ не находитъ!
И чинно передъ нимъ на улицахъ торчитъ
Наёмныхъ домиковъ мѣщанскій, бѣдный видъ,

Да безконечный рядъ однѣхъ гостинницъ грязныхъ,
Пристроекъ скаредныхъ, громадъ однообразныхъ,
Гдѣ всё прилажено для пришлыхъ, для гостей, . . .
По вѣсу ихъ казны, въ угодность ихъ затѣй! . . .
Имъ все здѣсь продано, . . . и море голубое,
И небо южное, — и солнце золотое,
И даже, даже самъ Везувій великанъ, —
Краса и вмѣстѣ бичь ему подвластныхъ странъ,
Ихъ слава, ихъ кумиръ, . . . ихъ недругъ, ихъ тиранъ . . .
Опустошающій, губительный, опасный, . . .
Но бѣчно-огненный, дымящейся, прекрасный, . . .
Подобіе Еврейскаго столба,
Ведущаго сыновъ Израиля какъ знамя,
Днемъ облако, — а ночью пламя, —
Своихъ племенъ маякъ, свѣтило и судьба! . . .

* * *

Вотще, вдоль берега, вездѣ смотрю, ищу я, —
Нѣтъ мраморныхъ дворцовъ, . . . нѣтъ храмовъ вѣковыхъ. . . .
Вотще у пристани веселыхъ пѣсней жду я, —
Народъ ужъ позабылъ напѣвъ отцевъ своихъ! . . .
Народъ ужъ не поётъ, не пляшетъ тарантеллы, —
На платье промѣнялъ лохмотьевъ пестроту! . . . .
Ужъ здѣсь не сыщется другой живой Фенеллы,
Чтобъ намъ осуществить художника мечту! . . .

Служанка, нищая, рыбачка и торговка,
По модѣ чуждыхъ дамъ, всё хочетъ щеголять;
И всѣ, отъ рыжей Миссъ, — кто лестью, кто уловкой,
Уродливый нарядъ сумѣвъ себѣ достать, —
Надѣли шляпу, шаль . . . и варварской обновкой
Свой типъ классическій испортили онѣ! . . . .
Карикатурами являются вполнѣ
Съ карикатурныхъ Англичанокъ. . . .
Гдѣ юпка алая? . . . Гдѣ ленты, гдѣ корсетъ? . . .
Гдѣ стрѣлка въ волосахъ? . . . Пропала! . . . слѣду нѣтъ! . . . .
Обезображенныхъ Неаполя мѣщанокъ
Признать-ли внучками божественныхъ Гречанокъ, —
Дивившихъ нѣкогда красою здѣшній край,
И Римскимъ Цезарямъ, въ чертогахъ позлащенныхъ,
Являвшихъ образы ихъ миѳовъ воплощенныхъ,—
Чтобъ дать богамъ земнымъ вкусить Олимпа рай? . . . .
Отъ дивныхъ тѣхъ временъ, здѣсь только уцѣлѣли
Обломки, статуи, развалины, — да то,
Что̀ Тацитъ написалъ, . . . что̀ пѣснопѣвцы пѣли . . . .
Для жалкихъ дикарей, міръ древній ни-во-что̀! . .
Не помнятъ ужъ они торжественныхъ преданій,
Ни чудныхъ вымысловъ, ни былей вѣковыхъ! . . .
Своимъ сокровищамъ не знаютъ и названій, —

Забыли даже звукъ рѣчей отцовъ своихъ! . . . .
Чтобъ Лорду угодить, — болтаетъ Ладзароне
Ужъ съ нимъ по-англійски, — смѣкнувши власть гиней, —
И промѣнять готовъ родное макарони
На портеръ и ростбифъ. . . Въ умѣ здѣсь у людей
Лишь мелочной барышъ, да «picola moneta!» —
Спѣсь тароватая британскихъ богачей
Избаловала ихъ, унизила. . . . Съ разсвѣта
Бродяги праздные подъ окнами кричатъ, . . .
Толпятся у крыльца, . . . шумятъ, . . . надоѣдаютъ. . . .
А джентлеменъ съ семьёй надмѣнно въ нихъ бросаютъ
Своимъ излишествомъ. . . И Ладзароне радъ, —
Туриста гордаго смиренно прославляетъ, —
И пивовара дочь Альтеццей величаетъ. . . .
Картина жалкая!! . . . Бѣги отъ ней, . . бѣги, —
Художникъ и поэтъ, мечтатель и мыслитель! . . . .
Отъ глупости людей всесильный утѣшитель,
Природа, ждетъ тебя! . . . Направъ свои шаги
Туда, гдѣ высится, увѣнчанный садами,
Холмъ Монте-Вомеро . . . Тамъ, въ кущѣ майскихъ розъ,
Подъ лавромъ пріютясь, межъ виноградныхъ розъ,
Могила тихо спитъ, хранимая вѣками,
А больше, — именемъ безсмертнаго жильца:
Виргилій въ ней почилъ, . . . вблизи благословенныхъ

Залива береговъ, — имъ часто восхвалей-
ныхъ! . . . .
Ты сладко отдохнешь у сладкаго пѣвца! . . . .
Потомъ, спускайся внизъ по берегу крутому,
До пѣнистой волны, до разноцвѣтныхъ скалъ:
Здѣсь, въ средніе вѣка, изъ лона водъ возсталъ
Готическій дворецъ, — въ угодность молодому
Самодержавію Джіованны. — Здѣсь она,
Межъ башенъ и террассъ, въ оградѣ стѣнъ
зубчатыхъ,
Въ убранныхъ прихотью и роскошью палатахъ,
Прибоемъ вѣчныхъ волнъ жила окружена.
Здѣсь, на любовное свиданье приглашенный,
По выбору ея безчисленныхъ затѣй,
Являлся за-полночь къ владычицѣ своей
То рыцарь пламенный, то трубадуръ смирен-
ный, —
И начинался пиръ! . . . И долго длился онъ, —
То поцѣлуями, то ласками прерванный . . . .
И море слышало изъ тайныхъ залъ Джіованны
Отрывки пѣсней, словъ, . . . и полныхъ кубковъ
звонъ.
Потомъ, когда заря румяно загаралась,
И легкій вѣтерокъ скользилъ по лону водъ,
Взвивался чаекъ строй, и близокъ былъ во-
сходъ, —
Стрѣльчатое окно безъ шума отворялось
Средь башни угловой, — и что-то изъ окна
Вдругъ въ море падало . . . Потомъ, два-три
плесканья, ...

Глухихъ проклятій звукъ, иль вопль негодованья, ...
И погружалось всё во глубь морскаго дна ....
На утро, ... въ городѣ жильца недоставало, —
И только! ... Но о немъ никто не поминалъ ....
Въ Джіованниномъ дворцѣ другой его смѣнялъ,—
И пропадалъ, какъ онъ! ... И про того молчала
Покорная молва! ... — Минуло много лѣтъ, —
Не стало молодой коварной королевы, ...
Въ покинутомъ дворцѣ замолкли всѣ напѣвы,
Затихли всѣ пиры ... Пропалъ въ немъ жизни слѣдъ. ...
Дворецъ обрушился ... Очнулося преданье, —
И ходитъ по устамъ: — рыбакъ и пѣшеходъ
Не приближаются заржавленныхъ воротъ, —
И божутся, что въ ночь, зловѣщее сіянье
Огня нездѣшняго мелькаетъ изъ окна
Той башни угловой, ... что адскія видѣнья
Свершаютъ тризны тамъ, творятъ поминовенья
По грѣшной красотѣ, ... что и сама она
Уныло голоситъ въ часъ темной полуночи ....
Разсказъ для путника заманчивъ; — онъ идетъ
Смотрѣть развалины, покои, мрачный сводъ, ...
Чего-то по угламъ его всё ищутъ очи, —
Вотще, — Джіованны нѣтъ!! .....

* * *

Пойдетъ-ли дальше онъ, всё берегомъ морскимъ, —
То садъ тѣнистый тамъ, то вилла передъ нимъ,

И каждая изъ нихъ, изящно, прихотливо,
По вкусу новому, устроена на-диво. —
Чѣмъ ближе къ пустырямъ, чѣмъ дальше отъ людей,
Тѣмъ краше здѣсь страна, плѣнительнѣй, милѣй.
И вотъ, — раскинулась Виргиліева Бая,
Залива тихаго окраины лобзая . . . .
Но пусть онъ древности созданій здѣсь не ждётъ:
Обломки только онъ, да мѣстность лишь найдетъ,
Да прелесть имени волшебнаго, . . да виды
Любимые пѣвцомъ безсмертной Энеиды . . . .
— Чего-же болѣе, когда дано мечтамъ,
Забывъ людей и вѣкъ, и всё что̀ въ тягость намъ,
Въ уединеніи, природой наслаждаться,
Картиной дивною на волѣ восхищаться,
Нырять въ безбрежьи волнъ, . . . витать вблизи небесъ,
Ловить волкана дымъ, . . . везь этотъ край чудесъ
Восторгомъ обнимать, . . . весною упиваться, —
И въ полу-снѣ души, теряться, . . . забываться? . . . .

Неаполь, Май, 1846 г.

XIV.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Давно невиданный, незримый,
О бѣлый снѣгъ, о снѣгъ родимый,
Тебѣ какъ рада я! . . . .
Какъ земляка землякъ въ чужбинѣ
Душой привѣтствуетъ, такъ нынѣ
Привѣтствую тебя!

Блестящей, свѣжей пеленою
Надъ обнаженною землею
Ты легъ, — и въ мигъ она
Видъ измѣнила безобразный:
Сырая осень въ ризѣ грязной
Тобой замѣнена.

На маковку деревъ печальныхъ
Вѣнецъ изъ инеевъ кристальныхъ
Набросилъ ты слегка;
Гульбище сонное проснулось;
Свѣтлѣе солнце улыбнулось,
Взирая свысока.

Digitized by Google

Опустошенья непогоды,
Дождь, мракъ, туманы, скорбь природы,
Всё подъ фатой своей
Ты превратить иль скрыть умѣешь;
Жезломъ волшебнымъ ты владѣешь,
Могучій чародѣй!

А мнѣ, — мнѣ міръ воспоминаній,
Былаго много мнѣ преданій
Принесъ, навѣялъ ты ....
Минувшей жизни впечатлѣнья. ....
Далекой родины видѣнья, ...
Вы здѣсь, мои мечты! ....

Вы здѣсь, — знакомыя картины
Зимъ русскихъ, — вѣчныя равнины
Нетающихъ снѣговъ,
Рядъ бѣлыхъ кровлей надъ домами,
И бѣлыхъ башень, съ головами
До бѣлыхъ облаковъ!

Вы здѣсь, плѣнительныя ночи,
Съ блистающей отрадно въ очи
Серебряной луной ....
Съ милльономъ звѣздъ свѣтлогорящихъ,
Лучей, безсмѣнно проходящихъ
Межъ небомъ и землей! ....

Я видѣла зиму иную
Подъ небомъ южнымъ, — и тоскуя
Въ ненастливые дни, —
Дрожа отъ стужи, я смотрѣла
Какъ томная природа млѣла
Безъ снѣжной простыни.

И становилась мнѣ понятна
Съ твоею цѣлью благодатной
Поэзія твоя;
О милый гость, давно незримый, ...
О бѣлый снѣгъ, о снѣгъ родимый,
Тебѣ какъ рада я! ....

Парижъ, avenue Gabrielle, Декабрь, 1846 г.

Digitized by Google

XV.

КНЯГИНѢ ЛЮБОВИ ПЕТРОВНѢ ГОЛИЦЫНОЙ,

посылая ей подсвѣчникъ въ день ея рожденья.

Среди снѣговъ Руси далекой, —
На кочевьяхъ страны чужой, —
Свѣти княгинѣ черноокой,
Служи ей вѣрно, свѣточъ мой!

Напоминай ей ежечасно,
Что гдѣ-то сердце, ей сродни,
Признавъ въ ней свѣтъ души прекрасной,
Её любило въ оны-дни, —

Когда забавы, свѣтъ, веселье
Нашъ женскій волновали умъ, —
И тихая внимала келья
Довѣрчивой бесѣды шумъ . . . .

Свѣти ей средь семьи родимой,
Средь возрастающихъ дѣтей,
И ей, любовью всѣхъ хранимой,
Будь отблескомъ минувшихъ дней! . . . .

Чтобъ никогда часъ томной скуки
Не смѣлъ взоръ чудный омрачать,
Чтобъ даже тѣнь душевной муки
Къ ней не дерзнула-бъ налетать! . . . .

Парижъ, 13/25 Марта 1847 г.
avenue-Gabrielle, N. 36.

XVI.

ВЪ АЛЬБОМЪ ГРАФИНИ СКЛАФАНИ.

«Блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся!»

Смилуйся, Господи, надъ сиротливыми
Тѣми скитальцами, грустно бродящими
Вдоль по лицу земли!

Нѣтъ у нихъ родины, крова домашняго,
Нѣтъ у нихъ пристани въ церкви родительской,
Близъ могилъ дѣдовскихъ!

О! воззови Ты ихъ, странниковъ горестныхъ!
Ты собери ихъ, въ чужбинѣ разсѣянныхъ!
Долгій ихъ плачъ внемли! . . . .

О! возврати Ты имъ родину мирную.
Домъ благоденственный, братьевъ возлюбленныхъ,
Полный сіянья храмъ! . . . .

Пусть да взойдетъ имъ денница желанная
Ясной годины и жизни утѣшенной,
Счастья, надежды, любви!

Пусть благодарственно взмолятся сонмы ихъ,
Единогласною, единодушною
Пѣснью возврата къ Тебѣ! . . . .

Баденъ-Баденъ, 1847 г.

Digitized by Google

XVII.

ПѢСНЬ ВОЗВРАТА.

Оконченъ путь извилистый и длинный, —
Я дома, . . . здѣсь, . . . и снова предо мной
Картины жизни прежней и старинной,
Знакомое, былое, край родной . . . .
Вотъ Петербургъ величественный, чинный,
Съ широкою, холодною Невой . . . .
По прежнему, всё здѣзь шумитъ и блещетъ, —
Да сердце ужъ во мнѣ не затрепещетъ! . . . .

И трепетать къ чему? . . . Кто здѣсь мнѣ радъ? . . . .
Кто встрѣтитъ мой пріѣздъ благословеньемъ? . . . .
Кому нужна я? . . . . Чей тоскливый взглядъ
Меня искалъ съ желаньемъ и томленьемъ? . . . .
И безъ меня, обычной жизни ладъ
Всѣхъ веселилъ вседневнымъ треволненьемъ, ...
И безъ меня, вращался модный свѣтъ
Въ чаду пировъ, и баловъ, и суетъ!

И гдѣ оно, любимое бывало,
Мое жильё, завѣтный уголъ мой, ...
Гдѣ столько я въ тѣ дни перемечтала,
Гдѣ я жила и мыслью и душой, . . .
Гдѣ около себя я собирала
Всѣхъ избранныхъ и всѣхъ любимыхъ мной? . . . .
Увы! Оно теперь чужихъ вмѣщаетъ,
Иль, пусто и темно, по мнѣ скучаетъ! —

И гдѣ они, ... тогдашніе друзья,
Чей вѣрный шагъ такъ часто раздавался
Въ жилищѣ томъ, — минутная семья, —
Гдѣ мной одной союзъ родства держался, ...
Гдѣ, свыкнувшись, освоясь близъ меня,
Артистъ съ красою свѣтскою встрѣчался? . . . .
Они, онѣ, разсѣяны давно,
И здѣсь-ли я, иль нѣтъ, — имъ всё равно!!

Прошло два года безъ меня . . . и что̀-же?
Минувшаго забытъ и самый слѣдъ! . . . . .
Два года . . . для людей! для свѣтскихъ! . . . Боже!
То болѣе, чѣмъ сотни сотней лѣтъ
Для вѣчности Твоей! . . . И для чего-же
Пѣнять я буду имъ, забывшимъ? . . . Нѣтъ! . . . .
Житейское и жизнь я понимаю, —
Всему и всѣмъ презрительно прощаю! . . . .

Благодарю тебя, моя звѣзда,
Небесная сопутница, . . . Свѣтило
Спасенья и любви! Ты мнѣ всегда
И всюду вѣрнымъ, благосклоннымъ было;
Въ туманахъ не терялось никогда;
Вело меня безвредно, и хранило,
И вдохновляло; властью неземной
Цвѣтами путь усѣявало мой!

Благодарю тебя, незримый Геній
Блуждающихъ и странниковъ! . . . Ты былъ
Привѣтливъ мнѣ; отъ многихъ слёзъ, борений,
Измученную душу излечилъ;
Для новыхъ, высшихъ, лучшихъ наслажденій
Сберегъ меня, мнѣ взоръ и умъ открылъ;
Явилъ мнѣ жизнь въ служеніи искусству,
И дѣтскому училъ смѣяться чувству! . . . . —

Я видѣла, постигла и прошла
Италію, — любимую издавна
Заочною любовью; и нашла
Её во всёмъ и вѣрною и равной
Ноей мечтѣ о ней. Она была
Сіяющей, цвѣтущею и славной
На зло врагамъ, — и подъ цѣпями ихъ
Царицею межъ царствъ и странъ другихъ.

Былое для неё такъ чудно было,
И такъ велико, — что позоръ и плѣнъ
Теперешній она почти забыла,
Гордясь наслѣдіемъ иныхъ временъ;
Лишь солнце-бы развалины златило,
Лишь розы-бы вились вкругъ ветхихъ стѣнъ, —
Лишь мраморы, картины были-бъ цѣлы, —
До міра и до вѣка нѣтъ ей дѣла!

Италія! прелестный, дивный край!
Кто можетъ безъ восторга, безъ участья
Узрѣть тебя? . . . Кто не поститнетъ рай,
Кто не пойметъ сжигающаго счастья
Въ твоихъ садахъ? . . . . Чье сердце невзначай
Не дрогнетъ, . . . пробудясь въ тоскѣ безстрастья
У береговъ полуденныхъ морей,
Подъ сѣнью упоительныхъ ночей? . . . .

И край другой потомъ я посѣтила, —
Край мысли, рѣчи, дѣйствія, пера, —
Гдѣ пору смутъ кровавыхъ замѣнила
Усобицы умовъ и душъ пора; —
Гдѣ зла кипятъ неистовыя силы,
Предшествуя, какъ мракъ, разсвѣтъ добра, —
Гдѣ всё, шумя, — мятется въ лихорадкѣ,
Болѣзни къ росту чувствуя припадки . . . .

Digitized by Google

И всюду мнѣ пріемъ радушный былъ,
И всюду мнѣ привиты расточались!
Племенъ чужихъ рядъ пестрый проходилъ
Вблизи меня, — и дружно мы мѣнялись
Поклономъ, добрымъ словомъ. — Нравъ мой былъ
Всѣмъ по-душѣ, — и всѣ съ нимъ уживались,
И смѣло сохраняли предо мной
Свой духъ народный, свой языкъ родной . . . .

Я съ гордостью свой путь припоминаю, —
Его съ восторгомъ дѣтскимъ соверша:
Въ странѣ красотъ классическихъ была я, —
И тамъ сказали мнѣ: «Ты хороша!»
Въ отчизну мысли и ума пришла я, —
И тамъ, поэта пылкая душа
Нашла друзей, цѣнителей, хваленья, ...
И поняла, что въ славѣ есть значенье! . . . .

Довольна я!! . . . Да! женщина, поэтъ,
Равно своей поѣздкой насладились;
Обоихъ угостилъ широкій свѣтъ,
Обоихъ ожиданья совершились!
Воспоминанья двухъ прожитыхъ лѣтъ
Мнѣ дороги, . . . съ душой моей сдружились,
Какъ сладкій, чудный, незабвенный сонъ;
Лишь жаль, что слишкомъ скоро прерванъ онъ!!....

Теперь, — я дома . . . въ городѣ, бывало,
Любимымъ мной, и полномъ для меня, . . .
Гдѣ пусто мнѣ, и непріютно стало, —
Гдѣ, какъ пришлица оглянулась я
Боязненно и робко, . . . и узнала
Что я чужая!! . . Родина моя, —
Я лаской избалована всесвѣтной, —
Одна-ль ко мнѣ ты будешь не привѣтна? . . . .

Петербургъ, Сентябрь, 1847 г.

Digitized by Google

XVIII.

ПРИХОТЬ КРЕОЛКИ.

Посвящается Пл. Ал. Чи . . . ву.

«Мнѣ скучно, мой отецъ!!... Невѣдомой тоскою
«Душа исполнена . . . Когда же корабли
«Придутъ изъ-за морей? . . . Ахъ! если-бъ принесли
«Они диковинку мнѣ чудную съ собою, ...
«Новинку-ль, вѣсть ли издали! . . . .
«Смотри: цвѣты мои, любимые бывало,
«Ужъ надоѣли мнѣ; . . . стоцвѣтныхъ птицъ моихъ
«Мнѣ пѣнье вѣчное ужъ ненавистно стало; . . . .
«Противенъ черный строй невольницъ молодыхъ! . . . .»

— Дитя, они пришли, на парусахъ могучихъ,
Мои хожатые гиганты, — и вчера
До поздней я зари отъ ранняго утра
Искалъ, для прихотей твоихъ мимолетучихъ, —
(Которыхъ такъ кратка пора,) —

Искалъ, межъ всѣхъ богатствъ волною подвезенныхъ
Подарка дивнаго, достойнаго тебя ....
Обновокъ много тамъ, и рѣдкостей безцѣнныхъ: —
Алмазы, шали, цѣпь, — о всёмъ подумалъ я!»

«И есть еще одно, что̀ стоитъ мнѣ,—Ей-Богу!—
Дороже въ десять разъ трехъ Каффровъ выписныхъ!
Чему нѣтъ равнаго у королевъ иныхъ! ....
Забудь, мое дитя, тоскливую тревогу,
Разсѣй хандру причудъ младыхъ!....
Подарку улыбнись!!» — На бархатной подушкѣ
Собачку-крошечку отецъ подноситъ ей,
И ростомъ и красой подобную игрушкѣ,
Какой не видано дотоль у дикарей. —

Взоръ любопытный свой она бросаетъ жадно
На рѣдкость дивную ... Иснѣженной рукой
Головку треплетъ ей, ... смѣется съ простотой
Младенческой ... Но вдругъ, — вновь скукой томнохладной
Затмился взоръ ея живой ....
Вновь равнодушія безжизненной дремотой
Чело подернулось, и очи облеклись ....
Межъ тѣмъ, — отецъ твердитъ съ сердечною заботой:
«Ну что̀-жъ, — причудница?... Подарку улыбнись! ...»

Причудница молчитъ, потупя черны очи.... —
«Нѣтъ! это всё не то!... Къ чему игрушки мнѣ?....
«Собачка мнѣ зачѣмъ?... Здѣсь, въ нашей сторонѣ,
«По дебрямъ и лѣсамъ, въ часъ ужасовъ полночи,
«Таятся, въ грозной тишинѣ,
«Съ ихъ хищнымъ мужествомъ, съ ихъ красотою дикой,
«Непобѣдимый тигръ, сердитый ягуаръ, ...
«Ихъ укротить хочу!... имъ лестно быть владыкой! ....
«Ихъ отыщите мнѣ, ... ихъ приведите въ даръ!

«Собачка, слабое, тщедушное созданье —
«Ласкается къ своимъ, къ чужимъ, къ тому, кто бьётъ,
«Къ тому, кто кормъ ей дастъ ... Но грозный тигръ живётъ
«Въ привольѣ, средь пустынь, не зная послушанья,
«И власть его всё признаетъ!
«Его у ногъ моихъ хочу я зрѣть смиреннымъ,....
«Хочу щетинистый хребетъ его ласкать,
«И жизнію шутя, во взорѣ пригвожденномъ
«Прославленную власть очей моихъ читать!

«Такъ точно, мой отецъ, ты выборъ мой свободный
«Къ ничтожнымъ юношамъ гостинныхъ не клони, ...

«И въ безсердечіи меня ты не вини,
«Когда я не могу любить, что̀ мнѣ не сродно, —
«И не по-сердцу мнѣ они! . . . .
«Гдѣ тотъ, кто съ-мо̀лоду отваги смѣлой полный,
«Въ трудахъ и на бою лишеньемъ строгимъ жилъ, . . .
«Кто смерть вблизи видалъ, — чрезъ степи и чрезъ волны
«И сквозь огонь прошелъ, — и всюду твердымъ былъ? . .

«Гдѣ тотъ, — кто цѣлію высокой вдохновенный,
«Всё въ жертву ей принесъ, — и даже самъ себя, ...
«Кто лучшіе года промаялъ, не любя, —
«Для блага общаго, для пользы отдаленной
«И жизнь и молодость губя? . . . .
«Того найдите мнѣ! . . . Того любить хочу я, ...
«Тому хочу служить подругой и рабой! . . . .
«Кто духомъ выше всѣхъ, лишь въ томъ признать могу я
«Себя достойнаго! . . . Лишь тотъ властитель мой! . . .»

Дорогою изъ Петербурга въ Москву,
Октябрь, 1847 г.

Digitized by Google

XIX.

ЦЫГАНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Посвящается сестрѣ и брату, Княгинѣ Голицыной, Графу Апраксину.

Полночь звучитъ . . . Сюда несите чашу,
Благоуханный дайте ромъ, ...
Всѣ свѣчи вонъ! ... Пусть жжёнка прихоть нашу
Потѣшитъ радужнымъ огнемъ! . . . .
Зовите таборъ къ намъ! . . . . Чтобъ пѣснью чудношумной
Насъ встрѣтилъ иступленный хоръ,
Чтобъ дикой радостью, чтобъ удалью безумной
Былъ пороженъ и слухъ и взоръ! . . . . .

Велите пѣть цыганкѣ чернокой
Про страсть, про ревность, про любовь, —
Про всё, про всё, что̀ въ жизни одинокой
Волнуетъ умъ, сжигаетъ кровь! . . . .
И мы послушаемъ тотъ вѣчный сердца ропотъ, —
И оживится хладный прахъ
Забытыхъ нами сновъ, — проснётся страстный шопотъ
Въ давно заглохнувшихъ сердцахъ! . . . .

Давно, — мои друзья, — любимыхъ пѣсенъ звуки
Давно не тѣшили меня;
Но русской рѣчи складъ въ чужбинѣ, въ дни разлуки,
Припоминала часто я.
О! какъ хотѣлось мнѣ любимое веселье
Лѣтъ свѣжей юности вкусить,
И послѣ странствія, возврата новоселье
Подобнымъ пиромъ огласить!

Оно исполнилось, тоскливое желанье, —
Поютъ мнѣ пѣсни старины! . . . .
Простонародныхъ словъ и ладовъ сочетанье
Кипучей жизнью какъ полны! . . . .
Въ восторженной душѣ очнулося былое
Съ минувшей радостью, тоской, —
И сердце, какъ тогда безумно молодое,
Забилось съ прежней быстротой . . . .

Внимаю жадно имъ, знакомцамъ незабытымъ,
Люблю радушный ихъ привѣтъ,
И предпочту его поклонамъ знаменитымъ,
Въ которыхъ правды, смысла нѣтъ! . . . .
Здѣсь есть поэзія, . . . здѣсь въ лицахъ сей картины,
Есть страсть, есть воля, есть порывъ;
Разнообразный хоръ таинственъ, какъ судьбина, —
Какъ беззаботность, онъ гульливъ —

Для чувства робкаго, для тайныхъ упованій
Поетъ онъ сладкій гимнъ любви;
Для сердца грустнаго въ немъ откликъ есть страданья;
Что̀ хочешь, каждый назови! . . . .
И насъ не много здѣсь, — но каждый понимаетъ
По своему отвѣтный гласъ;
И вѣрно, углубясь въ мечту, припоминаетъ
Какой-нибудь завѣтный часъ . . . .

Предаться можемъ мы свободно увлеченью
Очаровательныхъ минутъ:
Ни взоръ завистливый, ни злость, ни осужденье,
Въ нашъ тѣсный кругъ не попадутъ.
И мы довѣрчиво другъ другу смотримъ въ очи,
Безъ опасенья, безъ препонъ . . . .
Жаль! быстрые часы блаженной этой ночи
Промчатся какъ чудесный сонъ! . . . .

Москва, 4-го Декабря, 1847 г.

XX.

ПІЮ IX-му,

Посылая Ему образъ Иверской Богоматери.

«На аспида и Василиска наступиши
«и попереши льва и змія.»

«Super aspidem et basiliscum ambulabis: et
«conculcabis leonem et draconem.»
Пс. 90.

Святой Отецъ! . . . Когда передъ Тобой
Колѣна и главу я робко преклоняла, —
Когда, съ глубоко-тронутой душой,
Я, православная, смиренно лобызала
Надъ обувью Твоей священный знакъ Креста,
И возгоржалася Твоимъ благословеньемъ, —
Не Папу Римскаго я чтила поклоненьемъ,
И не тіарою была я занята:
Нѣтъ! до меня дошла молва любви народной,
И расказала мнѣ всѣ подвиги Твои,
Всѣ тайны чудныя души богоугодной! . . . . —
Восторгъ Италіи зажегъ мечты мои:
Я знала жизнь Твою . . . Твое долготерпѣнье,

Digitized by Google

Заботой Пастыря исполненные дни,
Примѣры милости, любви, поста, смиренья;
Терпимость кроткую святаго снисхожденья,
Святое рвеніе къ наукѣ и добру,
Ко благу общему, къ спасительной свободѣ, —
И строгость къ алчному порочному Двору,
И попеченіе о бѣдственномъ народѣ;
Съ неправдой, съ лестію непримиримый споръ,
Всечасную борьбу съ слѣпымъ предубежденьемъ,
Съ толпою лицемѣръ, съ безчестнымъ ихъ прав-
леньемъ;
Ханжей и хищниковъ карающій укоръ;
Власть взора зоркаго, живительнаго слова,
Твой мудрый, тестный судъ, — всё, всё ужъ
знала я:
Дивяся, видѣла въ Тебѣ душа моя
Священника по образу Христову, —
Великаго и добраго Царя! . . . .
Святой Отецъ! На поприщѣ широкомъ
Тяжелый, вѣчный трудъ готовится Тебѣ!
Какъ мученикъ любви, Ты обрѣченъ судьбѣ, —
И жертвою стоишь въ величьи одинокомъ! . . . .
Ужъ руку на Тебя подъемлетъ Езуитъ,
Ужъ налитъ ядъ Тебѣ, . . . уже второй Іуда
Готовъ продать Тебя, . . . а Твой конклавъ мол-
читъ
И ждетъ предательски. — Тебя спасетъ-ли
чудо . . . .
Измѣной окруженъ, — Ты межъ враговъ жи-
вешь . . . .

Digitized by Google

И мнимые рабы терзать Теба готовы . . . .
Ты крестъ на раменахъ кровавый понесешь,....
Ты подъ тройнымъ вѣнцомъ найдешь вѣнецъ терновый, ...
Ты слабости чужой пресрѣнные оковы
Рукою мощною едва-ли разобьёшь! . . . .
Ты родинѣ своей, Ты вѣрѣ охлажденной
Забытый, давный блескъ хотѣлъ-бы возвратить, —
Горѣ взираешь ты, . . . но взглядъ Свой вдохновенный
Вдругъ долженъ долу опустить, —
Чтобъ змѣй, у ногъ твоихъ ползущихъ, сокрушить!
Чтобъ съ мелкой злобою, съ враждою потаенной
Въ всечасный, тщетный бой вступить! . . . .
Помазанникъ Христовъ, избранный ненарокомъ,
И чуднымъ промысломъ ведомый искони, —
Въ Цари отмѣченъ Ты, и родился Пророкомъ,
Самъ Богъ ныталъ въ борьбѣ Твои земные дни! . . . .
И тщетно вкругъ тебя умовъ бушуетъ битва,
И ветхихъ предразсудковъ міръ
Возсталъ противъ Тебя . . . . Впередъ! . . . Небесный клиръ
Христовыхъ воиновъ хранитъ Тебя молитвой,
Сопутствуетъ Тебѣ съ хоругвью неземной! . . . .
Впередъ!! . . . Нашъ хладный вѣкъ, Тобою удивленный,

И вдругъ величіемъ Твоимъ воспламененный
Слѣдитъ съ любовію, съ восторгомъ за Тобой.
Впередъ!! . . . Не утомись, не дрогни, не
убойся! . . . .
Господней силы Ты мечемъ вооружись,
Господней истины бронею облекись,
Щитомъ премудрости Всевышняго укройся, —
И смѣло въ бранный путь иди, боецъ не-
бесъ! . . . .
Какъ новый Моисей, сорви съ одноплеменныхъ
Гнётъ ига вражьяго! веди Тобой спасенныхъ
Въ обѣтованный край чудесъ! . . . .
Смотри: незримое случилось, — оба свѣта
Въ благоговѣніи сошлись у ногъ Твоихъ:
Тебѣ дары прислалъ преемникъ Магомета,
Тебѣ Америка готовитъ дань привѣта,
Тебѣ хвалу гремятъ изъ-за морей своихъ
Упрямой ереси ревнители . . . . Народы
Забывъ на мигъ вражду, слѣдъ распрей вѣко-
выхъ,
Уважили въ Тебѣ апостола свободы,
Любви, терпимости, всѣхъ доблестей святыхъ,
И Римскій Папа вновь предметъ почтенья
ихъ! . . . .

А мнѣ, Святый Отецъ, — мнѣ помнится ви-
дѣнье, ...
Минута свѣтлая свиданія съ Тобой, —
И сладко за Тебя вседневною мольбой
Мнѣ возносится къ Провидѣнью! . . . .

Смиренной грѣшницы смиренная любовь
Тебя, Великаго, вдали благословляетъ, —
И старости своей чрезъ много лѣтъ желаетъ
Намѣстникомъ Петра Тебя увидѣть вновь!

Москва, Январь, 1848 г.

Digitized by Google

XXI.

КНЯЗЮ К... Д.....

Не пой, соловушко! ты молодъ,
Не истощи душевныхъ силъ,
Чтобъ юный жаръ не замѣнилъ
До время пресыщенья холодъ!

Не пой, чтобъ въ пѣснѣ мимолетной
Не высказать души младой,
Чтобъ высшій даръ тоски святой
Не выплакать-бы безотчётно! ....

Таи въ груди свой голосъ страстный
Храни въ душѣ завѣтный лучь,
Чтобъ вдохновененъ и могучь
Ты долго пѣлъ намъ, сладкогласный! ....

Москва, Январь, 1848.

Digitized by Google

XXII.

ДВѢ ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

написанныя по просьбѣ Доргомыжскаго.

1.

Я СКАЗАЛА, ЗАЧѢМЪ?

Говорятъ мнѣ: «Зачѣмъ ужъ не вьются онѣ,
«Кудри черныя, кудри длинныя? . . . .
«Зачѣмъ въ косу безъ лентъ, какъ вдова, заплѣла
«Ты душистыя кольца змѣиныя? . . . .»
Говорятъ мнѣ: «Зачѣмъ?»

Ахъ! затѣмъ, ахъ! затѣмъ ужъ не вьются онѣ, —
Кудри черныя, кудри длинныя, ...
Что ужъ некому ихъ миловать и ласкать,
И расчесывать кольца змѣиныя . . . .
Я сказала, зачѣмъ! . . . .

Говорятъ мнѣ: «Зачѣмъ не горятъ, не блестятъ
«Очи свѣтлыя, очи ясныя?
«И зачѣмъ не звучитъ серебристый твой смѣхъ,
«И безъ рѣчи уста сладкогласныя? . . . .»
Говорятъ мнѣ: «Зачѣмъ? . . . .»

Digitized by Google

Ахъ затѣмъ, ахъ! затѣмъ не горятъ, не блестятъ
Очи свѣтлыя, очи ясныя, —
Что никто не глядитъ взоромъ сердца на нихъ,....
Не слагаетъ для нихъ пѣсни страстныя . . .
Я сказала, зачѣмъ!

И затѣмъ не слыхать моихъ звонкихъ рѣчей,
Ни веселаго, рѣзваго смѣха,
Что никто не зоветъ и не любитъ меня, —
А что̀ жизнь безъ любви за утѣха? . . . .
Безъ любви, жизнь зачѣмъ? . . . .

Digitized by Google

XXIII.

2.

ОБМАНЪ.

Есть очи . . . на нихъ не гляжу я! —
Мнѣ страшенъ ихъ пламень живой,
Но если невольно, порой,
Приснятся они, — я тоскую, ...
И рушенъ въ тотъ день мой покой!

Есть рѣчи . . . я имъ не внимаю, —
Ихъ ласка угрозой полна!
Есть тоже улыбка одна,
Свѣтла, какъ преддверіе рая, —
Но дышетъ соблазномъ она!

Блистательнѣй дня молодаго,
Полночнаго мрака чернѣй
Тѣ очи! — но взглядъ ихъ, какъ змѣй,
Опасенъ для сердца чужаго, ...
И сыплетъ вамъ ядъ межъ лучей.

Тѣ рѣчи знакомы съ измѣной,
Коварны и лживы онѣ,
Твердили о счастіи мнѣ,
А горе лишь дали въ замѣну . . . .
Тѣ рѣчи теперь въ сторонѣ! —

Digitized by Google

Бѣгу я плѣнительной встрѣчи,
И встрѣчусь, — съумѣю молчать! . . . .
И буду молитву держать,
Чтобъ только тѣ очи, тѣ рѣчи,
Вовѣкъ не видать, не слыхать! . . . .

Москва, Декабрь, 1847 г.

Google

XXIV.

МОЯ ИГРУШКА.

«Son jouet, — c'est une tête qui tourne; . . .
une tête au lieu de breloque . . . .»

Нѣтъ, не шутите! . . . Мнѣ игрушка
Не для забавъ подарена, —
Недоброе сулитъ она, —
Въ ней будто кроется ловушка . . . .

Игрушки этой я боюсь,
И съ нею сладить не умѣю:
Ея пружиной не владѣю,
И тайнъ ея не доищусь.

Неловко мнѣ, — и не до смѣха;
Съ моимъ богатствомъ какъ мнѣ быть?
Какъ мнѣ беречь его, хранить? . . . .
Забота, право, не утѣха!

Хотѣла-бъ я порой играть
Съ моей игрушкою безпечно, —
Но тщетно! съ думою сердечной
О ней случается мечтать!

Москва, Декабрь, 1847 г.

XXV.

ТЫ НЕ ЛЮБИ ЕГО! . . . .

Va, prends garde à l'amour, il menace ta vie! . .
M-me Desbordes-Valmore.

Ты не люби его, когда, среди веселыхъ,
Онъ веселъ и шумливъ, какъ рѣзвое дитя;
Когда, надъ жизнію и надъ собой шутя,
Не понимаетъ онъ въ другихъ ни думъ тяжелыхъ,
Ни тайнъ болезненныхъ; когда смѣется онъ
Усмѣшкой хладною бездушнаго сомнѣнья;
Когда ребяческимъ разгуломъ увлеченъ
Онъ въ мелкихъ суетахъ находитъ упоенье, —
Нѣтъ, не люби его! . . . .

Когда-жъ онъ явится съ уныло-долгимъ взоромъ,
И грустной блѣдностью чело облечено,
И въ свѣтѣ вдругъ ему и пусто и темно: —
Когда довѣрчивымъ, сердечнымъ разговоромъ
Души измученной разскажетъ онъ любовь,
И отъ души-сестры онъ молитъ лишь участья, —
Когда, то стынетъ въ немъ, то вдругъ пылаетъ кровь
Въ безумномъ трепетѣ мечтаемаго счастья, ...
Тогда люби его!!

Москва, Декабрь, 1847 г.

На дворѣ морозъ и стужа,
Буря воетъ, снѣгъ валитъ ....
Птичекъ божьихъ вереница
Съ грустнымъ крикомъ прочь летитъ;
Холодно имъ въ лѣтнихъ гнѣздахъ, —
Имъ пора на свѣтлый Югъ!
Полетятъ онѣ, — Богъ съ ними, —
Солнце ихъ согрѣетъ тамъ! ....
Но у бѣднаго въ избушкѣ
Нѣтъ огня и солнця нѣтъ!
Кто ему дастъ жизнь и свѣтъ? ....
Кто младенцу и старушкѣ
Помощь щедрую несетъ! ...
Эго съ нею онъ идетъ! ....
Рука въ руку, очи въ-очи, —
На-смѣхъ бурѣ, стужѣ, ночи, —
Имъ тепло! ....

Имъ тепло ... затѣмъ что вмѣстѣ
Имъ защитою любовь, ...
Что краснѣющей невѣстѣ
Сердца жаръ согрѣетъ кровь!
Имъ свѣтло ... затѣмъ что счастье
Лучезарно имъ блеститъ, —
Что восторгомъ первой страсти
У обоихъ взоръ горитъ! ....
Пусть-же буря волкомъ воетъ,
На дворѣ морозъ трещитъ,
И весь міръ во мракѣ скрытъ ....
Ихъ ничто не безпокоитъ:

Всё вдвоёмъ они сидятъ,
Тихо, близко говорятъ . . . .
Дѣла нѣтъ имъ до полночи, —
Душа въ душу, . . . очи въ очи, ...
Имъ свѣтло!
Имъ тепло! . . . .

Москва, Февраль, 1848 г.

Digitized by Google

XXVII.

МОЛИТВА НЕ О СЕБѢ.

Не о себѣ молитвой умиленной
  Молюся я, ...
Не для себя судьбы благословенной
  Желаю я, ...
Не за себя хочу предъ небесами
  Обѣтъ свершить,
И въ храмъ передъ святыми образами
  Пришла просить . . . .

Прошу слѣпому разуму прозрѣнья!
  Прошу въ слезахъ
Невѣрующей думы усмиренья, ...
  И падши въ прахъ, —
Прошу, чтобъ искупленье совершилось
  Души другой, —
Чтобъ обновясь, она-бы возвратилась
  Въ законъ родной! . . . .

Digitized by Google

Чтобъ страха Божьяго её пытала
  Святая дрожь! . . . .
Чтобъ поняла, заблудшая, познала
  Обманъ и ложь
Холодно-вольнодумнаго мечтанья! . . .
  Чтобъ въ свѣтлый часъ
Господь пріялъ въ святыню покаянья
  Обоихъ насъ! . . . .

Москва, 24-го Марта, 1848 г. у всенощной.

Digitized by Google

XXVIII.

МОЛЧАНЬЕ.

Oh! ne me fais donc plus un crime du silence! . . . . . .

Polonius.

Нѣтъ пѣсней въ устахъ онѣмѣвшихъ,
Нѣтъ пѣсней въ тревожномъ умѣ . . . .
А пѣть-бы хотѣлося мнѣ, ...
И много есть вновь загорѣвшихъ
И мыслей и чувствъ на душѣ! . . . .
Да что̀-то немолвится мнѣ —
Нѣтъ пѣсней въ устахъ онѣмѣвшихъ!

Начну, . . . и мой лепетъ безумный,
Безсвязный, прервется тотчасъ;
И рѣчи неловкой стыдясь,
Молчу я . . . . а сердце такъ шумно
Забьется отъ тайной мечты,
Что жизни святой полноты
Не выразитъ лепетъ безумный. . . .

Безъ пѣсни, безъ звука, безъ слова
Душа безпрестанно поетъ;
Надежды заря въ ней встаетъ,
А вѣрить надеждѣ ей ново,
Ей сладко! . . . Забывъ о земномъ, —
Живу я въ молчаньи нѣмомъ,
Безъ пѣсни, безъ звука, безъ слова! . . . .

Москва, 25-го Марта, 1848 г.

XXIX.

ЗАЧѢМЪ Я МОЛЮСЬ.

«Придите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ успокою вы.»

Хочетъ знать она, зачѣмъ такъ много
И такъ часто я молюсь? . . . Дитя!! . . . .
До сихъ поръ, всё словно-бы шутя
Ей живется . . . Жизнь наукѣ строгой
Горя и борьбы, еще её
Не учила . . . Ей невнятна тайна
Тѣхъ минутъ тревогъ, тоски случайной,
Гдѣ такъ грозно станетъ бытіе,
Гдѣ земля такъ дрогнетъ подъ ногами, —
Что рука вдругъ сложится крестомъ
Въ ужасѣ мучительно-святомъ,
И мольба горячими словами
Вылетитъ сама изъ блѣдныхъ устъ . . . .
Гдѣ-жъ ей знать, какъ намъ, что въ часъ страданья
Умъ безсиленъ, свѣтскій разумъ пустъ,
Люди нѣмы, дружба безъ вліянья,
Измѣняетъ намъ оплотъ земной, —

И лишь Вожій храмъ, да образъ старый
Матери иль бадушки сѣдой
Намъ отвѣтъ даютъ, и тайной чарой
Тихо усмиряютъ духъ больной? . . .
Гдѣ-жъ ей знать, что если сердце бьется,
За ребенка милаго боясь, —
Лишь одна молитва остается
Въ немощи прибѣжищемъ у насъ? . . . .
Нѣтъ, рѣтзвушки милой и пригожей
Странному вопросу не дивлюсь:
Гдѣ-жъ ей знать, — и знать не дай ей, Боже!
Отчего такъ часто я молюсь! . . . .

Москва, Мартъ, 1848 г.

Digitized by Google

XXX.

МОИМЪ ДВУМЪ ПРІЯТЕЛЬНИЦАМЪ.

Вы видѣли меня во снѣ,
Когда меня еще не знали, ...
И ваши грезы обо мнѣ
Чудесъ вамъ много разсказали . . . .
Вы ожидали, что Коринной
Я вдохновенной вамъ явлюсь,
И вѣчной пѣснью, пѣснью длинной
На зло ушамъ воорожусь . . . .
Вы думали, — своею славой
Гордится женщина-поэтъ, —
И горькой, гибельной отравы
Въ ея блестящей чашѣ нѣтъ? . . . .
Вы думали, что стихъ мой страстный
Легко, шутя, достался мнѣ, —
И что не купленъ онъ въ борьбѣ, ...
Борьбѣ мучительной, ужасной? . . .
Вы думали, отъ жизни много
Улыбокъ насчитала я? . . . .
О дѣти, дѣти!! . . . Слава Богу
Что вы не поняли меня! . . . .

Не понимайте, — но любите! . . . .
Любите, какъ любили вы
Меня за-очно! — А судите
Не по словамъ пустой молвы:
Нѣтъ, — не Коринна передъ вами
Съ ея торжественнымъ вѣнцомъ . . . .
А сердце, полное слезами,
Кому страданьемъ міръ знакомъ! . . . .

Москва, Мартъ, 1848 г.

Digitized by Google

XXXI.

БОЛѢЗНИ ВѢКА.

Поколѣнью Вертеровъ и Чайльдъ-Гарольдовъ.

Et tout cela, Messieurs, gentil'shommes du jour, —
C'est parce qu'à vingt ans vous n'avez plus d'amour! . . .
Emile Deschamps, Morte pour les amuser.

Мнѣ жалко васъ, скучающихъ и блѣдныхъ,
Земли непрошенныхъ, взыскательныхъ гостей,
Богатыхъ опытомъ, а радостями бѣдныхъ,
Живущихъ на обумъ, безъ жизни, безъ страстей, ...
Мнѣ жалко васъ, младое поколѣнье
Не-сѣдовласыхъ старичковъ! . . . .
Хотѣлось-бы вамъ дать уразумѣнье,
Родъ неразумныхъ мудрецовъ!

Вы смотрите надменно, безъ участья,
На братьевъ, свыкшихся съ ихъ долею земной;
Вы наслажденьями пресытились, — а счастья,
Слѣпцы! не поняли холодною душой!

Вамъ въ тягость жизнь, . . . вы небомъ недовольны, . . .
На васъ самъ Богъ не угодилъ!
Безсильные! въ другихъ вамъ видѣть больно
Богатство воли, чувствъ и силъ!

Вы отжили, не живши! . . . Вы, какъ гости,
Которые пришли хмѣльные ужъ на пиръ, —
Не въ сладость чаша вамъ; пресыщены, — отъ злости
Къ ликующимъ, — съ тоской глядите вы на міръ;
Ни тайнъ, ни чаръ, ни свѣтлыхъ упованій;
Бездольные, — въ немъ нѣтъ для васъ! . . . .
Въ цвѣту убили вы порывъ желаній,
Восторгъ, и страсть, и счастья часъ! . . .

Вы сердца сны зовете заблужденьемъ, —
Любовь, поэзію и славу суетой;
Гордясь, безвѣріе свое разувѣреньемъ
Вы величаете . . . Неправъ вашъ судъ пустой!
Прекрасна жизнь, — и Божій міръ прекрасенъ, —
Но родъ людей и лживъ и золъ,
Да зависти шипучій змѣй опасенъ,
Да страненъ рока произволъ! . . . .

Прекрасна жизнь, и Божій міръ прекрасенъ, —
Но слишкомъ часто мы другъ другу портимъ ихъ! . . .
Вашъ ропотъ суетенъ, безуменъ и напрасенъ, —
Не распознали впрямыхъ путей земныхъ.

Въ самихъ себѣ вы жизни не искали,
Духовныхъ благъ не обрѣли, ...
У чистаго источника не жлали,
Ключъ животворный не нашли!

У свѣта вы просили упоеній, —
И нищій, жалкій свѣтъ васъ глупо обманулъ! —
Вы думали, что жизнь цѣпь легкихъ наслажденій,
Просторъ всѣмъ прихотямъ, младыхъ страстей разгулъ,
Ошиблись вы! . . . Своей ошибки пошлой
Простить не можете себѣ,
Ни жизни, ни землѣ, ни вашей прошлой
На вѣтеръ брошенной судьбѣ!

Не тамъ искали вы, гдѣ должно, жизни . . . .
Не тамъ она цвѣтётъ, не тамъ она горитъ! . . . .
Ни вашему суду, ни вашей укоризнѣ
Таинственность ея путей не подлежитъ.
Вы шли въ потьмахъ, — дорогой забдужденій
Васъ самолюбіе вело, —
Кто виноватъ, что къ цѣли сожалѣній
Оно васъ рано привело? . . . .

Душѣ сказали вы: «Ты хламъ напрасный, —
Ненужный спутникъ намъ! . . .» И вы расталась съ ней,
Отбросивъ всё, что̀ въ насъ и свято и прекрасно;
Какъ тварь, вы слушались лишь крови и страстей,

Вы только благъ вещественныхъ просили,
Манила внѣшность васъ одна ....
И въ кару вамъ, что о душѣ забыли, —
Забыла тоже васъ она! ....

А вы, а вы, страдальцы умозрѣнья, —
Другое племя жертвъ, — мнѣ жалко тоже васъ —
Васъ, рано преданныхъ упорному мышленью,
Сухому, скудному ... Васъ, — въ лучшій жизни часъ
Отрекшихся отъ жизни, — чтобъ размѣрить,
Расчислить, расчитать её, ...
Чтобъ перестать любить, мечтать и вѣрить,
И сердце умертвить своё! ....

Вы дерзкой мыслью міръ разоблачали,
Вселенную постичь хотѣли лишь умомъ,
Во всёмъ ничтожества, обмана лишь искали, —
И вотъ, — вы ихъ нашли! ... И въ ужасѣ своемъ
Вы отвратили взоръ ... Какъ привидѣнье
Хаосъ обрушился на васъ ...
Опуталъ васъ ... Вездѣ лишь мракъ и тлѣнье
И пустоту вашъ видитъ глазъ! ....

Ошиблись вы!!! Вы тоже клеветали
На высшій промыселъ, на дивный даръ его, —
Вы тоже жизни благъ не поняли, не знали,
Споткнулись въ выборѣ призванья своего! ...

Нѣтъ, не бѣдна та жизнь, гдѣ въ сердцѣ страсти
Намъ кипятятъ младую кровь, —
Гдѣ намъ даны ключи живыя счастья, —
Мечта, молитва и любовь! . . . .

Не бѣденъ міръ, гдѣ вѣчная природа
Неисчерпаемый мыслителю предметъ, —
Гдѣ чудно высится твердь голубаго свода,
Блескъ солнца яснаго смѣняетъ лунный свѣтъ . . . .
Гдѣ океанъ бушуетъ горделиво, —
Цвѣтетъ душистая весна, —
И лѣто сходитъ знойное на нивы, —
И прелесть осени дана! . . . .

Вороново, Августъ, 1848 г.

XXXII.

ОБЫКНОВЕННАЯ БЫЛЬ.

Слова на Неаполитанскую мелодію:

A cor a cor.

Въ вечерній часъ, въ долинѣ отдаленной,
Она дитей встрѣчалась часто съ нимъ.
И нѣжилъ ихъ пріютъ благословенный,
И будущность вдали смѣялась имъ;
И создали счастливые невѣжды,
Они себѣ сонъ жизни золотой . . . .
И поклялись младыхъ сердецъ надежды
Осуществить урочною порой.

«Не нужно мнѣ ни славы, ни значенья,» —
Онъ говорилъ, — «лишь только будь моя!»
Она въ отвѣтъ: «Въ глуши, въ уединеньи,
Однимъ тобой счастлива буду я!» —
Но слыша ихъ, коварно хохотала
Надъ ихъ мечтой враждебная судьба, —
И слёзы имъ съ разлукой предвѣщала
Завистницы нещадной ворожба.

Года текутъ, . . . различною дорогой
Они пошли въ слѣдъ жизни молодой;
Ужъ опытъ ихъ училъ наукѣ строгой,
Расчетъ мирилъ ихъ съ мудростью людской:
Онъ Генералъ, — она Княгиней стала, ...
И вотъ они нечаянно сошлись . . . .
И что-жъ? . . . Она его и не узнала,
Они навѣкъ чужими разошлись! . . . .

Вороново, Августъ, 1848 г.

Digitized by Google

XXXIII.

ОСЕННЕЕ НЕНАСТЬЕ.

O primavera! gioventù dell' anno! . . . .
O gioventù! primaver' della vita! . . . .

Сегодня тучами одѣлся день
Съ-утра̀, — и не снималъ печалной ризы;
А солнце полѣнясь, дремало гдѣ-то,
Забывъ въ намъ выглянуть. Сырая осень
Природу обдала печальнымъ хладомъ,
Навѣяла на души скорбь и скуку . . . .
И вспомнилося мнѣ, — еще недавно
Я видѣла весеннее ненастье,
Грозу и дождь; но тотчасъ послѣ нихъ
Явилось солнышко межъ облаковъ,
Гуляющихъ по небу голубому, —
И свѣтилось, и грѣло, и сіяло,
Такъ точно, какъ улыбка примиренья
Между друзьями, послѣ краткой ссоры . . . .
И вся природа, сквозь кристальныхъ капель
Прошедшаго дождя, блистала чудно,
Казалася еще прекраснѣй, — словно
Красавица, когда младое горе

Въ ней новая надежда усыпитъ,
И разцвѣтетъ веселая усмѣшка
На миломъ личикѣ, межъ слезъ жемчужныхъ.
И что̀ оно, — то горе юныхъ лѣтъ? —
Неопытныхъ сердецъ недугъ мгновенный,
Забытое такъ скоро, такъ легко,
Смѣненное такъ часто упованьемъ? . . . .
И что̀ онѣ, — гроза и непогода
Весеннихъ дней, — минутное явленье,
Разсѣянное вмигъ дыханьемъ юга,
Иль солнечнымъ живительнымъ лучемъ? . . . .
И жизнь и день свѣтлѣютъ послѣ нихъ,
И снова Божій міръ отрады полонъ! —
Но осенью! . . . за днемъ ненастнымъ вслѣдъ
Дни бурные, дни зимніе придутъ . . . .
Но подъ вечеръ страдальческаго вѣка,
Когда бѣдна надеждами душа, —
Когда борьба и опытъ многолѣтній
Созрѣвшій умъ сомнѣнью научили, —
Когда за нами всё, что̀ было мило,
Что̀ нравилось, что̀ радовало насъ, —
А впереди, лишь только сѣдина, —
Да старость дряхлая, да тѣсный гробъ, —
О! вотъ тогда, тогда ужасно горе! . . . .
Тогда его вся горечь познается,
Тогда оно и губитъ, и мертвитъ! . . . .
Мертвитъ не вдругъ, — не смертью благодатной,
А медленной, сжигающей, грызущей
Отравою и немочью . . . И вянетъ,
И сохнетъ, или таетъ человѣкъ,

Подточенный страданьями . . . А люди, —
А люди скажутъ холодно: «Простуда, ...
«Неосторожность, . . . усталь! . . . Отъ веселья
«Излишняго, быть можетъ? . . .» И пройдутъ! —
Въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, если буря
И ломитъ и разитъ деревъ вершины,
Облистываетъ ихъ рукой нещадной, —
То всѣ они равно поражены. —
И нѣкому ругаться ихъ страданьемъ!
Но звѣрь внизу, и птица въ высотѣ,
По своему, безъ словъ о нихъ жалѣютъ;
И знаетъ тварь, и чувствуетъ созданье,
Что минетъ срокъ и бурь и непогодъ,
Что снова Божье око взглянетъ кротко
На нихъ, — что ихъ помилуетъ Творецъ,
И снова дастъ имъ вёдро, солнце, зелень,
И что весна замѣнитъ осень имъ. —
Но жизни человѣческой, но сердцу,
Когда для нихъ ужъ осень наступила, —
Вновь зацвѣтетъ, вновь придетъ-ли весна? . . . .

Село Вороново, Сентябрь, 1848 г.

XXXIV.

ЧЕМУ НАСЪ УЧИТЪ ЖИЗНЬ.

Et qu'est-ce que la vie? ....
Chose qui ne vaut pas le mot dont on la nomme! ...
Lamartine, Harmonies.

Чему насъ учитъ жизнь? ... Всему, всему,
Чего-бъ не знать спасительно намъ было! ....
Тому, что глупы мы, въ первоначальной
Ребяческой наклонности къ добру,
Къ довѣрію и къ милости ... Тому,
Что зло творить, иль зло терпѣть должны мы, —
И потому, намъ выгоднѣй выходитъ
Творить его, чтобъ не пришлось терпѣть ....
Тому, что мы не кроткой голубицей,
А мудрымъ змѣемъ, съ жаломъ и отравой,
Должны на свѣтѣ жить ... Тому, что тщетно
И дружбѣ, и друзьямъ, и даже, даже
Самой любви, мы вѣримъ, ... что отъ нихъ,
Какъ страннику отъ марева въ пустыни,
Одинъ песокъ бѣгучій остается ....
Да! лишь песокъ, въ глазахъ и подъ ногами
Измученныхъ обманчивымъ путемъ,
Усталыхъ путниковъ! ... Тому, что счастье

Есть легкій сонъ, — съ просоньемъ неизбѣжнымъ
Удушливыхъ волненій, — и потомъ
У изголовья горе на яву
Тяжелымъ, неизбѣжнымъ сядетъ гостемъ! . . . .
Лишь одному отрадному насъ учитъ
Безжалостная жизнь: — молитвѣ теплой, ...
Да тихой смерти тихому желанью! . . . .

Написано по задачѣ, въ 15 минуть, по закладу,
Москва, Октябрь, 1848 г.

XXXV.

МОЛИТВЫ ДАРЪ.

Посвящается Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Молитвы даръ, — даръ чудесный, даръ безцѣнный,
Замѣна всѣхъ непрочныхъ благъ земныхъ,
Блаженъ, кому дано душою умиленной
Извѣдать таинство святыхъ отрадъ твоихъ!

Блаженъ, кто молится въ минуту счастья,
Кто съ Богомъ сердце такъ съумѣлъ сдружить,
Что Божья мысль святитъ въ немъ радости и страсти,
И можетъ ихъ порывъ безумный укротить!

Блаженъ, кто молится въ тоскѣ и мукѣ,
Подъ ношею тяжелаго креста,
Кто горемъ посѣщенъ, возноситъ къ небу руки,
Твердя: «Ты святъ, Господь, и власть Твоя свята!»

Блаженъ, кто битвой жизни испытуемъ
Смиренно вѣруетъ, смиренно ждетъ,
И вйшній промыселъ хвалебнымъ аллилуемъ
Какъ отроки въ пѣщи, всё славитъ и поётъ!!....

Москва, 11-го Іюня, 1849 г.

Digitized by Google

XXXVI.

ВОЗГЛАСЪ.

«De profundis clamavi ad te, Domine! ....»

Учитель! Ты скорбѣлъ божественной душой,
Предвидя муки часъ, на Вечери святой, ...
Учитель! Ты страдалъ въ истомѣ ожиданья,
И Элеонскій холмъ внималъ Твои стенанья, ...
Но, покорясь Отцу, уста не отвратилъ
Отъ чаши горькой Ты, — до дна её испилъ,
И смертью совершилъ вселенной покаянье,
И Крестъ Твой не слыхалъ ни пѣней, ни роптанья, —
О! Выучи меня страдать! ....

Учитель! милостивъ и кротокъ до конца,
Ты за мучителей своихъ молилъ Отца, ...
Учитель! Ты простилъ врагамъ ожесточеннымъ,
И лжесвидѣтелямъ, и палачамъ презрѣннымъ ....

«Не знаютъ что творятъ они, — остави имъ!»
Ты говорилъ Отцу съ смиреньемъ неземнымъ,
Ты грѣхъ ихъ выкупилъ своей священной кровью,
Проклятьямъ и хуламъ отвѣтствовалъ любовью, ...
О! выучи меня прощать! ....

Москва, 30-го Сентября, 1849 г.

XXXVII.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ МЕЛОДІИ И ПѢСНИ.

1.

На музыку Сеймуръ-Шиффа.

Не шути, товарищъ,
Не тревожь меня, ...
Не буди напрасно
Память старины!
Я забылъ и бросилъ
Что̀ любилъ тогда. . . .
Я съ былой любовью
Пережилъ себя.
Нынче лишь люблю я
Праздной жизни шумъ;
Нынче не хочу я
Одинокихъ думъ!

Хоръ. Роскошь, веселье,
Радость, похмѣлье,
Чашъ шумный звонъ, —

Удаль юной воли, —
Вотъ прямая доля,
Братъ, намъ съ тобой!!

Свѣтъ широкъ и полонъ,
Длиненъ вѣкъ младой, —
Смѣло, беззаботно,
Я гляжу впередъ ....
Много на дорогѣ
Встрѣчу я красотъ,
Много поцѣлуевъ
Брошу на-лету ....
Нынче здѣсь, — а завтра? ....
Завтра далеко!
Пусть собѣ ихъ плачутъ, —
Я-жъ махну рукой!

Хоръ. Роскошь, веселье,
и проч. ....

Знаю, что бывало
Не таковъ я былъ,
Помню, что когда-то
Только сердцемъ жилъ ....
Помню чудны очи,
Помню страстный взоръ,
И во мракѣ ночи
Робкій разговоръ ....
Помню, что безъ слезъ я
Не мечталъ о ней,

Digitized by Google

Что съ восторгомъ чистымъ
Я молился ей!

Хоръ. Но вотъ веселье,
Но вотъ похмѣлье,
Чашъ громкій звонъ ....
Но взманила воля, ...
Радостная доля
Братъ, намъ съ тобой! ....

А она-то, Боже!
Прежняя она, ...
Какъ она любила,
Какъ была вѣрна!
Были дни свиданья,
Дивные, какъ сонъ, —
Были дни разлуки,
Грустные, какъ смерть.
Было даже горе
У обоихъ насъ, —
Но за это горе,
Счастья-бъ не взялъ я! ....

Хоръ. Нынче-жъ веселье,
Нынче-жъ похмѣлье!
Чашъ слышенъ звонъ ....
Удаль вольной воли,
Нынче стала долей
Братъ, намъ съ тобой! ....

XXXVIII.

2.

На голосъ Украинской мелодіи.

Уходили, проходили
Сотни удалыя,
Покидали, оставляли
Курени родные; —
  На чужбину шли войною
  Радуяся бою
Ихъ слезами провожали
Жены и невѣсты;
Старики благословляли
На возвратъ счастливый. —

Мой коханый, смѣлый, храбрый,
На конѣ ретивомъ,
Ѣхалъ мимо, и махалъ мнѣ
Ласково рукою:
«Я вернуся, возвращуся,
«Жди меня, невѣста!

Digitized by Google

«Привезу тебѣ наряды,
«Серьги, ожерелья,
«И тогда на свадьбѣ нашей
«Будетъ пиръ — веселье! —»

И домой пришли дружины
Богъ имъ далъ побѣду;
Ихъ встрѣчаютъ, обнимаютъ,
Празднуя ихъ славу.
Всѣ узнали, отыскали
Кто родныхъ, кто милыхъ .....
Только я лишь жду напрасно, —
Мой женихъ не ѣдетъ .....
А спрошу я, — грустно смотрятъ,
Не даютъ отвѣта! .....

«Шлетъ поклонъ тебѣ послѣдній
«Нашъ лихой урядникъ:
«Онъ остался, поселился
«На чужбинѣ дальной!» —
Такъ сказали, миновали
Всѣ своей дорогой .....
Я стою себѣ сироткой
Въ полѣ опустѣломъ;
Видно жить и умирать мнѣ
Вѣчно — одинокой! .....

XXXIX.

3.

Пусть онъ не вѣренъ, пустъ онъ измѣнникъ, —
  Плакать не стану я, — я молода!!
Новый поклонникъ его мнѣ замѣнитъ, —
  Горе ему-же! Мнѣ что̀ за бѣда?

Пусть онъ поищетъ очи чернѣе,
  Косы блестящѣй, румяннѣй уста!
Пусть онъ поищетъ сердца вѣрнѣе, ...
  Ввѣкъ не найти ихъ! . . . Мнѣ что̀ за бѣда?

Снова придетъ онъ мнѣ кланяться низко:
  О! какъ смѣяться я буду тогда! . . . .
Поздно и тщетно о прежней любови
  Будетъ жалѣть онъ . . . . Мнѣ что̀ за бѣда!

XL.

4.

Насъ недобрые люди сглазили,
А любилися крѣпко мы съ тобой! . . . .
Одной думою, одной радостью,
Душа въ душу мы жили той порой;
И прожили-бъ такъ весь нашъ вѣкъ златой, —
Но, недобрые люди сглазили! . . . .

Ни соперницы, ни разлучницы,
Не боялася красна-дѣвица;
Ни наушника, ни навѣтника
Не послушался-бъ добрый молодецъ!
Душа въ душу мы жили той порой . . . .
Но . . . недобрые люди сглазили!

Не журила насъ, не кручинила
Мать родимая, слая мачиха;
Не винилъ-корилъ строгій батюшка;
Вволю, до-сыта мы любилися, —
И Богъ счастве намъ за любовь простилъ . . . .
Да недобрые люди сглазили! . . . .

Digitized by Google

XLI.

ГУССЕЙНЪ-БЕИ *).

Разсказъ изъ современной жизни, посвященный другу-поэту,

à Emile Deschamps.

«Ce beau jeune étranger à l'oeil sombre,
au teint pâle,
«Au sourire rêveur ....
M-me Mélanie Waldor.

I.

«Съ твоей восточною любовью
«Съ твоимъ полуденнымъ огнемъ,
«И необузданною кровью,
«И неиспорченнымъ умомъ,
«Не подходи къ красѣ холодной, ...
«Не подходи къ богинѣ модной,

*) Гуссейнъ-Бей, четвертый сынъ Мегмеда-Алія, обучался въ Парижѣ въ Египетской школѣ, основанной его отцомъ, и умеръ тамъ 22-хъ лѣтъ отъ роду, въ Февралѣ 1847 г. — Тѣло его перевезено для погребенія въ Каиръ.

Google

«Кумиру свѣтскихъ мотыльковъ! . . . .
«У блѣдной дочери снѣговъ,
«Питомицы приличій чинныхъ,
«Рабы удушливыхъ гостинныхъ,
«Ты, — смуглый сынъ степей пустынныхъ,
«Пришлецъ съ Египетскихъ песковъ,
«Ты не прови кипучей страсти,
«Невнятной ей, не понятой,
«Въ отвѣтъ на дикій пламень свой! . . . .
«Не жди сжигающаго счастья
«Отъ этой Гуріи земной! . . . .
«Смотри, — приверженецъ Пророка,
«Забыть готовый свой Коранъ, —
«Смотри: вотще ей небомъ данъ
«Приманки чудный талисманъ:
«Въ глазахъ ея лучи Востока,
«Въ ея улыбкѣ много чаръ, —
«И дышутъ рѣчи упоеньемъ: —
«Но разумъ, ненавистный даръ,
«Своимъ мертвящимъ дуновеньемъ
«Въ груди, знакомой съ отверженьемъ,
«Погаситъ вспыхнувшій пожаръ! . . . .
«Ей не понять твоихъ призывовъ,
«Не раздѣлять твоихъ порывовъ . . . .
«Въ ней лжетъ и смоль ея кудрей,
«И черный блескъ ея очей,
«И медъ восторженныхъ привѣтовъ!
«Обману сладостныхъ обѣтовъ
«Не поддавайся, сынъ степей! . . . .
«Дикарь свободный и безпечный,

«Кому препонъ въ желаньяхъ нѣтъ,
«Смотри, какъ въ ней просторъ сердечный
«Сжимаетъ тагостный корсетъ! . . . .
«Она чужда всѣмъ увлеченьямъ, ...
«Она живетъ воображеньемъ, —
«Она, въ безстрастіи своемъ,
«Душою любитъ, — а не кровью!
«Бѣги, тань въ себѣ самомъ,
«Съ твоей восточною любовью,
«Съ твоимъ полуденнымъ огнемъ! . . . .»

* * *

II.

— Такъ говорилъ на шумномъ балѣ,
Совѣтникъ мудрый и сѣдой,
Парижскій денди заклятой, —
И проводилъ по пестрой залѣ
Лорнетъ неумолимый свой. —
Ему внималъ пришлецъ красивый,
Попавшій на блестящій пиръ
Почетнымъ гостемъ, вмѣсто дива.
Но юношѣ былъ дивомъ міръ
Ему открывшійся: въ смятеньѣ
Онъ предавался упоенью;
Въ наукѣ трудной просвѣщенья,
Начавшій страстью свой искусъ, —
Онъ понималъ свое безсилье . . . .
Крутя новорожденный усъ,
Молчалъ онъ . . . . Дикой воли крылья,

Разгула мощнаго просторъ,
И власть отваги молодецкой, —
Всё гибло въ узахъ жизни свѣтской,
Всё лишнимъ стало. . . . Жаркій взоръ
Вперялъ онъ грустно, безнадежно,
На ту, — кто рѣзво въ вальсъ стремясь,
Кто свѣтской болтовнѣ смѣясь,
Не знала, что въ любви мятежной
Горѣлъ, томился онъ по ней . . . .
О! бѣдный, бѣдный Гуссейнъ-Бей! . . . .
Бывало, дома, предъ тобою,
Поникнувъ робко головою,
Стремясь, чтобъ мысль твою узнать,
Чтобъ прихоть Бея угадать,
Твои невольницы толпою
Спѣшили свято выполнять
Приказъ, намёкъ, порывъ, желанье . . . .
Ты властелиномъ гордымъ былъ . . . .
Теперь, ты самъ главу склонилъ
Въ нѣмомъ и тщетномъ обожаньи!
Теперь, ты санъ свой позабылъ,
Теперь, ты плѣнъ свой полюбилъ! . . . .
И какъ прекрасенъ сынъ Мехмета,
Любимецъ грознаго Паши!
Какъ живы, смѣлы, хороши
Его глаза! . . . Мечта души
Сліяньемъ радостнаго свѣта
И мрачной тѣни, чудно въ нихъ
Какъ отразилась! . . . Ловокъ, статенъ,
Высокъ, — онъ затмѣвалъ собой

Пигмеевъ модныхъ, — и порой
Замѣченъ даже былъ молвой, —
Но, — женскій вкусъ вѣдь непонятенъ! —
Лишь ей не нравился одной! . . . .

* * *

III.

Чрезъ мѣсяцъ, утромъ, у камина
Она сидѣла, весела,
Жива; (она не знала сплина,
И львицей скуки не была!)
Вкругъ ней и дамы и поэты
Изъ двухъ предмѣстій собрались;
(Пріемъ дневной, безъ этикета,
Привычкой сталъ большаго свѣта,
И рауты утромъ завелись.)
Тутъ львы изъ Джокей-Клуба были,*)
И Беби-клуба старшины;
И всѣ болтали, всѣ шутили,
Обмѣномъ словъ увлечены.
И кто-то въ шумѣ разговора
Слегка сказалъ, что Гуссейнъ-Бей
Былъ боленъ, . . . умеръ. . . И у ней
Не отуманилися взоры
Слезой участья. . . Онъ живой
Былъ для нея всегда чужой, —

*) Джокей-клубъ и беби-клубъ, два клуба высшаго аристократическаго общества предмѣстья Сенъ-Жерменскаго.

И чуждъ остался ей въ могилѣ. . . .
И кстати, о Пашѣ больномъ,
Сраженномъ въ сынѣ молодомъ,
Съ минутной жалостью потомъ
Ея друзья поговорили. —
Но вотъ, повѣренный сѣдой,
Знававшій тайну Гуссейнъ-Бея,
О ней вдругъ вспомнилъ: — взглядъ тупой
Когда-то милаго злодѣя
Одушевился. . . Какъ трофеи
Непонятаго торжества
Къ ногамъ слѣпаго божества, —
Онъ бросилъ юноши признанья
Въ добычу женской суетѣ. . . .
Отбывшій, словно завѣщанье,
Свои посмертныя признанья
Въ ихъ безъ-искусной простотѣ
Ей посылалъ. . . . Она внимала, ...
И безотвѣтная, молчала,
Улыбка съ устъ ея слетала, —
И поблѣднѣла вдругъ она,
Участья поздняго полна. . . .
Тяжелымъ вздохомъ, тайной думой
Она почтила мертвеца.
И вотъ, бесѣда безъ конца
Вдругъ прекратилась. Видъ угрюмый
Хозяйки разогналъ гостей. . . .
Они ушли. . . Стемнѣло. . . . Ей
Всё представлялся Гуссейнъ-Бей, . . .
Всё снился пароходъ печальный,

Везущій поѣздъ погребальный
Къ роднымъ пустынямъ и пескамъ. . . .
Ея душѣ, ея мечтамъ
И милъ и близокъ сталъ мгновенно
Поклонникъ страстный и смиренный,
Почившій съ думой потаенной
О ней, о ней одной. . . . Потомъ, —
Въ ней сердце обливалось кровью,
При мыслѣ, что въ краю чужомъ
Лишь тотъ, кто былъ ей незнакомъ,
Любилъ её нѣмымъ рабомъ,
Своей восточною любовью,
Своимъ полуденнымъ огнемъ! . . .

Москва, 16-го Ноября, 1849 г.

XLII.

СКАЗКА.

Она полюбила его не за громкое, древнее имя, —
Простаго онъ рода, невиднаго званія былъ.
Она полюбила его не за славу его молодую, —
Онъ славы терпистымъ лучемъ чела своего не повилъ. —
Она полюбила его не за чудныя, страстныя пѣсни, —
Онъ пѣсней не пѣлъ ей . . . онъ былъ ни поэтъ, ни пѣвецъ! . . . .
Она полюбила его не за смѣлую удаль героя, —
Не зналъ про геройство въ бояхъ небывалый боецъ.
Она полюбила его не за статность красы величавой, —
За очи, улыбку, иль шелкъ мягкихъ кудрей его:
Нѣтъ! Онъ не хорошъ и не милъ, не высокъ, не красивъ и не строенъ;
Нѣтъ! женское око стыдливо не станетъ глядѣть на него, ...

Она полюбила его и безумно и свято и нѣжно,
За то, что онъ страстно, глубоко, безмолвно
её полюбилъ,
За то, что её лишь одну въ цѣломъ мірѣ онъ
видѣлъ и слышалъ,
Что ею, для ней, и при ней онъ, восторженный, только и жилъ! . . . .
Она полюбила его, потому что всю душу, всѣ
мысли,
Всѣ думы, мечты и желанья безъ страха всё
отдалъ онъ ей! . . . .
Она полюбила его, потому что она не могла-бы
Его не любить, . . . и такъ Богомъ съ небесъ
ужъ назначено ей!! . . . .

* * *

А тайно дивясь двумъ любившимъ, съ улыбкой
холодной сомнѣнья,
Сестра молодая смотрѣла на эту святую любовь;
И страненъ и глупъ ихъ союзъ красавицѣ гордой казался, ...
И бѣлыя плечи вздымались и черная хмурилась бровь! . . . .

Москва, 21-го Февраля, 1850 г.

XLIII.

ЗАЧѢМЪ Я ЛЮБЛЮ МАСКАРАДЫ?

Мирону Александровнѣ Новосильцевой.

Мнѣ страненъ твой вопросъ: зачѣмъ подъ маской черной,
Подъ чернымъ домино, забывъ дневную лѣнь,
Всю ночь я средь толпы преслѣдую упорно
Веселья ложнаго обманчивую тѣнь? ....
Зачѣмъ меня манитъ безумное разгулье,
И дикихъ сходбищъ ревъ, и грубый хохотъ ихъ? ....
Ты хочешь знать, мой другъ, по истинѣ, могу-ль я
Дѣлить, хоть мигъ одинъ, безуміе другихъ? ....
Забавно-ль для меня, въ кругу мущинъ хвастливомъ,
Поддѣлавъ умъ и рѣчь на ладъ ихъ пустоты,
Ихъ скуку занимать, и голосомъ пискливымъ
Твердить имъ пошлости, загадки, остроты? ....
Для шутки, заводить интриги безъ развязки,
Въ насмѣшку завлекать всесвѣтскихъ волокитъ, —

Съ усталыхъ плечъ стряхнувъ подъ вольностію маски
Цѣпь строгой чинности, что вѣкъ насъ тяготитъ? . . . .
Нѣтъ! . . . Не безсмысленно-тупаго опъяненья
Средь говора толпы ищу я на обумъ, —
Не шума ради тамъ мнѣ любъ стократный шумъ, —
Но я хочу, прошу разсѣянья, забвенья,
Бѣгу себя самой, своихъ тяжелыхъ думъ! . . . .
Измучась жизнію дѣйствительной, вседневной,
Я жизни призрачной наружный блескъ ловлю,
И даже суету, и даже ложь терплю, —
Чтобъ только мнѣ спастись отъ истины плачевной . . . .
Средь пестрыхъ личностей скользящихъ вкругъ меня,
На время личность я свою уничтожаю,
Самосознаніе жестокое теряю, —
Свое тревожное позабываю я . . . .
Ужъ надоѣло мнѣ подъ пышнымъ платьемъ бальнымъ
Себя, какъ на показъ, въ гостинныхъ выставлять,
Жать руку недругамъ, и дурамъ присѣдать,
И скукой смертною въ молчаньѣ погребальномъ,
Томясь средь общества, за вѣеромъ зѣвать . . . .
Комедій кукольныхъ на тѣсной сценѣ свѣтской
Постыла пошлость мнѣ, противенъ мнѣ языкъ;
Твердить въ нихъ роль свою съ покорностію дѣтской

Правдолюбивый мой и смѣлый умъ отвыкъ. —
Не лучше-ль, сбросивши наряды дорогіе,
Себя таинственной мантильей завернуть,
Урваться изъ кружка, гдѣ глупости людскія
Намъ точатъ лесть одну да розсказни пустыя,
Отъ лицемѣрія подъ маскою вздохнуть? . . . .
Прочь всё условное! . . . Прочь фразы, принуж-
денье! . . .
Могу смотрѣть, молчать, внимать, бродить одна;
Могу чужихъ забавъ дѣлить одушевленье . . . .
И если я грустна, и если я блѣдна,
Никто надъ блѣдностью моей не посмѣется,
Я не нуждаюся въ улыбкѣ заказной, —
И любопытная толпа не раздается
Съ вниманьемъ праздности и злобы предо мной!
Да, точно! . . . я люблю свободу маскарада:
Тамъ не замѣчена, не знаема ни кѣмъ,
Я правду говорю и всякому и всѣмъ;
Я, жертва общества, раба его, — я рада,
Что посмѣятся разъ могу въ глаза надъ нимъ
Я смѣхомъ искреннымъ и мстительнымъ мо-
имъ! . . . .

Москва, 1850 г.

XLIV.

12-ОЕ АПРѢЛЯ 1850.

Improvisé.

«Les années se suivent et ne se ressemblent pas» (grâce à Dieu!).

Благодарю! . . . Она мной пережита
Пора томленій, мукъ, и малодушныхъ слёзъ!
Благодарю! . . . минувшее забыто,
Какъ утромъ молодымъ обманъ полночныхъ грёзъ!

Благодарю! . . . На высотѣ цѣлебной
Отъ низкой клеветы душа моя спаслась,
Какъ птица вольная, взлетѣла и взвилась,
Однимъ размахомъ крылъ разбивши ковъ враждебный!

Я не кляну, не плачу, не тоскую:
Нѣтъ! я минувшему презрительно смѣюсь, ...
И только иногда перекрещусь,
При мысли что молюсь, надѣюсь, существую. —

Digitized by Google

Ни жизни, ни мечты, ни вѣры имъ во мнѣ
Не удалось убить! . . . Истому роковую,
При Божьей помощи, стерпѣвши въ тишинѣ,
Молюсь, . . . люблю, . . . надѣюсь, . . . существую! . . . .

Москва, 12-го Апрѣля, 1850 г., въ 10 ч. вечера.

XLV.

ЦИРКЪ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Помните-ли вы, милая Графиня, наши длинныя и откровенныя бесѣды въ вашемъ крошечномъ, уютномъ, вдохновенномъ и вдохновительномъ уголкѣ? . . . Помните-ли вы, какой грустный взглядъ безпристрастной оцѣнки намъ приходилось оттуда бросать на обѣимъ намъ слишкомъ знакомый свѣтъ? . . . . Помните-ли, какъ часто наши мнѣнія и мысли и чувства встрѣчались и сходствовали, разбирая всѣхъ, тамъ живущихъ, и всё, тамъ переживаемое? . . . Въ воспоминаніе этихъ бесѣдъ, — примите переложенье въ стихи того, что̀ въ нихъ выражалось прозою! Мнѣ отрадно доказать вамъ что для меня наши встрѣчи и разговоры не исчезли безъ слѣда, — и мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ вы о нихъ сказали тоже самое! —

Digitized by Google

«Morituri te salutant . . . .»

Изъ Тацита.

I.

Да! я люблю, средь залы позлащенной,
На шумный пиръ задумчиво смотрѣть,
И въ праздничной толпѣ принаряженной
Сквозь маску лицъ во глубь сердецъ глядѣть;
И мыслію, догадкой проясненной,
Ихъ тайнами, ихъ мыслью овладѣть, —
Разузнавать ихъ страсть, ихъ цѣль, ихъ волю, —
Ихъ грустную, иль радостную долю. —

Люблю, хочу, умѣю понимать
Живой душой чужую жизнь и душу;
И хоть могу я многихъ разгадать,
Личины ихъ и роли не нарушу!
Они пришли, чтобъ ловко роль сыграть, —
Пускай себѣ! на нихъ я не обрушу
Вниманья безпощадной суеты,
Ни любопытства праздной пустоты!

Digitized by Google

Они пришли, предъ свѣтомъ — ихъ владыкой,
Противникомъ, и вмѣстѣ судіей, —
Свершить мудреный подвигъ и великій, —
(Иные, — можетъ быть, — послѣдній свой!)
Страданью ихъ здѣсь тѣсно, душно, дико, —
Простора нѣтъ въ толпѣ душѣ больной, —
Но тайный адъ ихъ скрытъ подъ принужденьемъ,
Но лица ихъ сіяютъ наслажденьемъ.

И свѣтъ на нихъ глядитъ; они должны,
Какъ на смотру военномъ рядовые,
Въ своей бронѣ стальной закалены,
Ему предстать, блестящіе, живые,
Веселые. . . Улыбки вѣдь даны,
Чтобъ ими скрыть мученья роковыя! . . . .
Они должны, чтобъ свѣту угодить,
Уставъ его приличія хранить.

Приличіе велитъ — оставить дома
Заботъ, тоски и тяжкихъ мукъ семью; —
Таить свою сердечную истому;
Пріязнію одѣть вражду свою;
Не допускать въ веселыя хоромы
Ни правды лучъ, ни теплыхъ чувствъ струю; —
Не отвѣчать на голосъ, сердцу близкій;
Не замѣчать, что люди злы и низки . . . .

Приличіе велитъ, и хочетъ свѣтъ! . . . .
Мы всѣ покорны имъ, и ихъ вліянью;
Быть въ милости у свѣта, — вотъ предметъ
Всеобщаго усилья и старанья! . . . .
Рабы его, — несемъ ему привѣтъ,
Какъ въ древности бойцы, среди собранья,
Предъ Цезаремъ, поникнувъ головой,
Несли ему поклонъ предсмертный свой! . . . .

И Цезарь нашъ, — нашъ свѣтъ, — не рукоплещетъ,
Не удостоитъ насъ хвалы своей!
Зачѣмъ? . . . Ему нѣтъ дѣла, что трепещетъ
У насъ въ груди больной гроза страстей:
Мы тутъ, . . . для насъ балъ пляшетъ, праздникъ блещетъ, —
И съ смѣхомъ рѣчь кипитъ въ устахъ людей, —
Чего-жъ еще? . . . Достаточна награда, —
И требовать не въ правѣ мы пощады!

Страдай, . . . терпи, . . . терзайся, . . . умирай! . . . .
Но умирай съ достоинствомъ, съ улыбкой! . . . .
И не блѣднѣй, . . . и духа не теряй, —
Свѣтъ не проститъ безсилія ошибки, —
Онъ слабымъ врагъ! . . . Будь твердъ! . . . Не оплошай
Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ смертельной сшибкѣ . . . .
И какъ боецъ средь цирка, — такъ и ты
Будь гордъ среди толпы и суеты! . . . .

II.

Вотъ черный фракъ, перчатки щегольскія,
И голова въ изящныхъ завиткахъ,
И громкій смѣхъ, и рѣчи удалыя,
И бойкій умъ въ сверкающихъ глазахъ:
Подумаешь — надежды молодыя
Тутъ кроются въ безоблачныхъ мечтахъ ....
Подумаешь, — счастливецъ въ шумѣ бала
Ждетъ милаго, живаго идеала ....

Нѣтъ! то отецъ семейства: онъ пришелъ
Съ послѣдними червонцами своими,
Отдать себя судьбѣ на произволъ,
Ожить въ игрѣ богатствами чужими, —
Спасти дѣтей! ... Его сюда привелъ
Врагъ-нищета ... Съ карманами пустыми,
Съ отчаяньемъ въ душѣ, къ себѣ домой
На завтра не вернется онъ живой ....

И мимо, мимо! .... Много здѣсь подобныхъ
Отъыщется несчастныхъ иль глупцовъ ....
Толпа привыкла къ нимъ. — Лишь для способныхъ
Понять въ нихъ драму гибнущихъ умовъ,
Страданій и надеждъ междоусобныхъ,
Проклятій, мукъ и ропота безъ словъ, —
Лишь для такихъ, внятна въ ихъ дикомъ взорѣ
Нѣмая вѣсть о смертномъ приговорѣ! ....

III.

Вотъ вамъ другой: — Онъ тоже веселъ, милъ,
Онъ тоже сыплетъ шутки, увѣренья, —
А между тѣмъ, не достаетъ въ немъ силъ,
Чтобъ скрыть грызучей зависти мученья.
Онъ мѣста ждалъ. — Давно ужъ возложилъ
На эту цѣль всѣ помыслы, стремленья; —
Свои запродалъ двадцать лѣтъ давно,
Забылъ, что дважды жить намъ не дано ....

Что молодость, здоровье, мощь и сила, —
Всё наслажденья проситъ, хочетъ, ждётъ, ...
И отъ него ужъ гостьей легкокрылой
Умчалась ихъ пора! ... И онъ живетъ
Лишь жаждою достичь. — Судьба сулила, —
Онъ поприще желанное пройдетъ, ...
Свершитъ свой путь. ... на высотѣ счастливой
Достигнетъ цѣль мечты честолюбивой!

А между тѣмъ, — до время сѣдина
Въ златую прядь волосъ его закралась ....
Душа его, умомъ поглощена,
Нѣмѣла, вяла, сохла, истощалась ....
Онъ днемъ въ трудахъ, проводитъ ночь безъ сна, —
И вышло, что судьба надъ нимъ смѣялась! ....
Что̀ онъ желалъ, — то получилъ другой! ....
Онъ жизнь сгубилъ въ ошибкѣ роковой! ....

Онъ мучится теперь какъ тѣни ада, —
Но здѣсь его соперникъ, — и предъ нимъ
Не выдастъ онъ себя, тому въ отраду, —
Не измѣнитъ онъ правиламъ своимъ ....
Спокойный видъ онъ сохранитъ какъ надо, —
Поклонится начальникамъ, большимъ, —
И личному врагу протянетъ руку, ...
И свѣтъ его не разгадаетъ муку! ....

IV.

Вотъ дѣвушка, красавица, дитя:
Чело ея увѣнчано цвѣтами,
И локонъ свой разсѣянно крутя,
Она порхнетъ, какъ птичка передъ вами ....
Но, съ рѣзвыми подругами шутя,
Но, въ полькѣ мѣрно стукая ногами, —
Куда глядитъ такъ пристально она? ....
Зачѣмъ дрожитъ, смятенія полна? ....

И у нея завѣтная есть тайна,
Есть свой романъ, печальный и простой!
Она бѣдна; издалека, случайно,
Пришлося ей въ нашъ свѣтъ попасть большой, ...
Влюбиться, ... и судьбой необычайной
Понравиться ... Мечтатель молодой,
Вельможа и богачъ, плѣнившись ею,
Назвалъ её невѣстою своею. —

Завистница нашлась, — гдѣ-жъ ихъ нѣтъ? ....
Которая съумѣла клеветою
Разстроить это счастье: — свой обѣтъ
Женихъ презрѣлъ, — и съ знатною княжною
Онъ вступитъ въ бракъ, принявъ родни совѣтъ!
А прежняя невѣста? ... Э! пустое!! ....
Въ степной уѣздъ свой, просто, безъ затѣй,
Ну почему-жъ и не вернуться ей? ....

Пускай поплачетъ мать ея, старушка, ...
Пускай сама терзается она! ....
Имъ по-дѣломъ! ... Вѣдь вздумала-жъ вострушка:
Что знатной дамой быть она должна,
Что бѣдная, ничтожная вертушка
Столичнымъ гордымъ барышнямъ ровна ....
Вотъ имъ урокъ! ... Пусть помнятъ разстоянье
Межъ нихъ, — и первенствующихъ по званью! ....

Сегодня, ... здѣсь, ... рѣшится участь ихъ:
Еще попытка, разговоръ, свиданье, —
Узнаетъ онъ, забывчивый женихъ,
Обманъ и ложь пустаго нарѣканья, ...
Увидитъ онъ обѣихъ жертвъ своихъ, ...
Почувствуетъ ихъ горе, ихъ страданье, —
Опомнится! ... Или махнетъ рукой, —
И скажетъ: — «Такъ и быть! ... Удѣлъ иной.

«Назначенъ мнѣ! . . .» — И обѣ это знаютъ, —
И мать и дочь! . . . О! какъ дрожатъ онѣ, —
Какъ обѣ этой встрѣчи ожидаютъ! . . . .
Какъ много слёзъ въ притворной тишинѣ
Ихъ голоса! . . . Но, вѣрно, наблюдаютъ
За ними вражьи очи, — и вполнѣ
Онѣ играютъ роль гостей безпечныхъ,
Безъ всякихъ думъ или заботъ сердечныхъ! . . .

А гасъ горитъ, . . . а музыка гудитъ, ...
А балъ блеститъ всей живостью своею . . . .
А пляска обаятельно кипитъ! . . . .
Любуется хозяинъ, гордо ею, —
И думаетъ, что завтра загремитъ
Молва о нёмъ, хвалой повсюду вѣя, —
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ, —
И свѣтъ взыскательный доволенъ имъ! . . . .

И ни одинъ изъ двухъ не угадаетъ
Какъ много здѣсь страдальцевъ собралось, —
Какіе вопли сердца заглушаетъ
Торжественный оркестръ . . . и сколько слёзъ
Непролитыхъ, обратно западаетъ
На грудь безмолвныхъ жертвъ, . . . какъ много грозъ,
Семейныхъ тайнъ, размолвкъ глухихъ стенаній
Здѣсь бродитъ средь безумныхъ ликованій!

V.

Вотъ старый мужъ молоденькой жены,
Красавицы, кокетки, словомъ, львицы, —
Съ улыбкой и коварствомъ сатаны,
Кому она отличной ученицей ....
За то, ей всѣ сердца покорены, ...
Всѣ на цѣпи у мощной чаровницы, —
И бѣдный мужъ, съ полдюжиной другихъ,
Лежитъ у ногъ ея, лобзая ихъ ....

И онъ ревнивъ! ... Какъ Аргусъ баснословный
Онъ стережетъ её и день и ночь ....
Тѣнь юноши ему ужъ тать любовный, —
И эту тѣнь готовъ прогнать онъ прочь!
Онъ чувствуетъ, — межъ ними бой неровный,
И уберечь жены ему не въ мочь! ....
Влюбленъ и старъ, — влюбленъ, и лысъ, и гадокъ, —
Ему-ль не страшенъ модныхъ львовъ нападокъ? ....

И многимъ ужъ за то старикъ смѣшенъ.
Въ душѣ его они вѣдь не читали! ...
Въ рукахъ жены записку видѣлъ онъ, —
Она должна отдать её на балѣ ....
Кому?! ... Межъ всѣхъ, кто ею предпочтенъ?! ....
Чьи происки кокетку привязали? ....
Старикъ глядитъ на дверь, и на часы,
И на жену ... Онъ рветъ себѣ усы,

Онъ сталъ-бы рвать и волосы сѣдые, —
Да нѣту ихъ! . . . Забившись подъ жилетъ,
Ногтями въ грудь впились, какъ черви злые,
Его пять пальцевъ, — и кровавый слѣдъ
Оставили . . . Уста его нѣмыя
Грызутъ и рвутъ у ней взятой букетъ, ...
И судорги ревниваго сомнѣнья
Искорчили ревнивца . . . Гдѣ-же мщенье?! . . . .

А между тѣмъ, веселая жена
Мелькнетъ предъ нимъ, грацьозно вальсируя,
Потомъ пройдетъ, слегка преклонена
На руку кавалера . . . И не чуя
Грозы надъ головой, — упоена,
Блаженствуя, блистая, торжествуя, —
Пошепчется въ углу она съ однимъ, ...
Даритъ другаго взоромъ огневымъ, ...

А третьяго улыбкой миловидной, —
Чтобъ всѣ равно довольны были-бъ ей,
И никому не стало-бы обидно! . . . .
Чѣмъ кончится нерѣдкій случай сей?
Огласкою, для двухъ семействъ, обидной? . . . .
Иль сценою, забавной для людей? . . . .
Иль поединкомъ, — смертью человѣка, —
За вздоръ и блажь, — въ угодность мнѣнью вѣка? . . . .

А гасъ горитъ ... А музыка гремитъ, ...
А балъ блеститъ всей пышностью своею ....
Толпа гостей по комнатамъ кипитъ ....
Любуется хозяинъ гордо ею.
Онъ думаетъ, что завтра протрубитъ
Молва о немъ, хвалой повсюду вѣя, ...
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ, —
И мнитъ, что всѣ вокругъ довольны съ нимъ!

VI.

Но шумъ въ дверяхъ ... Взошла, — не то богиня,
Не то царица! ... фея, — можетъ быть! ....
Движенья, поступь, взоръ, — въ ней всё гордыней
И силой дышетъ; — словно побѣдить
Она пришла! ... Княгини и Графини, —
Предъ ней померкло всё! Не отразить
Ни красоты ея, ни обаяній,
Ни блеска, ни ума, ни чарованій!

Нарядъ ея какъ облако паритъ,
На ней горятъ алмазы дорогіе;
Глаза горятъ жарчѣй, — и жаръ ланитъ
Сливается съ ихъ блескомъ; снѣговыя
Плеча и руки тверды какъ гранитъ,
Прозрачны какъ янтарь, — а шелковыя,
Густыя косы улеглись съ трудомъ
Надъ мыслящимъ таинственнымъ челомъ.

«Какъ хороша! . . .» — Она, по крайней мѣрѣ
Не жертва, не страдаетъ, не грустна? . . . .
Она?!! . . . Любви словамъ, мольбамъ повѣря, —
Свою любовь дала за нихъ она, ...
Безстрашно, не хитря, не лицемѣря, —
Любила, всей душою предана, —
Восторженно и свято, — такъ сердечно,
Что страсть свою считала вѣковѣчной! . . . .

А онъ, такой любви не понималъ, —
Иль, просто, цѣну знать ей не умѣя, —
Онъ счастьемъ невзволнованнымъ скучалъ;
Надъ нимъ оно лежало, тяготѣя,
Какъ плѣнъ, какъ цѣпь. — Но онъ предъ ней
молчалъ . . .
Въ немъ не было ни истаго злодѣя,
Ни полнаго героя, . . . Нѣтъ, увы! . . . .
Едва-ль нашли-бъ въ немъ человѣка вы! . . . .

Онъ промѣнялъ любовь души высокой
На чувственный и мелочной развратъ . . . .
Онъ палъ . . . такъ непростительно-глубоко,
Такъ низко, . . . что взглянуть не смѣлъ назадъ
На прежній рай, на свой Эдемъ далекій,
Гдѣ Херувимомъ у запретныхъ вратъ
Минувшая любовь его стояла, —
И грѣшника безмолвно отвергала . . . .

Она? ... — Она стерпѣла! ... Богъ послалъ
На то ей силъ! ... Иль слабою женою,
Какъ трость она склонилась, — и обвалъ
Пронесся надъ поникшей головою ....
Короче: сонъ блестящій миновалъ,
Она очнулась, — нищая душою,
Предъ пепелищемъ тщетныхъ чувствъ своихъ,
Расхищенныхъ надеждъ, и грёзъ пустыхъ.

И не легко ей было! ... Съ испытаньемъ
Не скоро примирилася она:
Не разъ, своей тоской, своимъ страданьемъ,
Безсонницей своей оглушена, —
Конецъ и смерть звала она желаньемъ ....
Недавно, на окраинѣ окна,
Готовая упасть, она стояла ....
Молчанья чуткимъ ухомъ ожидала ....

И броситься хотѣла ... Но тогда,
На улицѣ вдругъ чей-то голосъ шумный
Гульливо разсмѣялся ... Отъ стыда
Опомнилась она ... Тоски безумной
Ей совѣстно вдругъ стало, — и когда
Взглянула внизъ, невольно, неразумно, —
Съ товарищемъ узнала тамъ его,
Хмѣльнаго ... Не видалъ онъ ничего!! ....

И нынче, — въ первый разъ со дня разлуки,
Они должны здѣсь встрѣтиться, сойтись;
И для того терзающія муки
Въ груди ея мгновенно улеглись;
И для того слѣды заботъ и скуки
Съ лица ея исчезли, — и зажглись
Ея глаза, мечты, тщеславье, воля, —
И слёзъ своихъ она не помнитъ болѣй! ....

Нѣтъ! — помнитъ ихъ!! .. Затѣмъ, чтобъ отомстить, —
Чтобъ показать спокойное презрѣнье, —
Чтобъ предъ собой, предъ свѣтомъ искупить
Напрасное, слѣпое сожалѣнье! ....
Сегодня балъ! а завтра, можетъ быть,
Она проснется въ горѣ и волненьи ....
Но здѣсь она должна блестѣть, сіять,
И въ прахъ его безъ милости попрать! ....

VII.

И много ихъ здѣсь передъ нами,
Гладьаторовъ на битвѣ роковой, —
Хотя въ нашъ вѣкъ не съ тиграми и львами
Имъ суждено вступить въ кровавый бой!
Нѣтъ! въ нихъ самихъ, — съ ихъ горемъ, съ ихъ страстями
Свершается борьба ихъ! ... Нѣтъ! — Съ судьбой
На жизнь и смерть должны они сражаться, —
И свѣту, умирая, улыбаться ....

А гасъ горитъ, . . . а музыка гремитъ . . . .
А балъ блеститъ всей пышностью своею . . . .
Толпа гостей волнуется, кипитъ . . . .
Любуется хозяинъ гордо ею. —
Онъ думаетъ, что завтра прожжужитъ
Молва о немъ, хвалой и лестью вѣя . . . .
И праздникомъ доволенъ онъ своимъ, —
А свѣтъ, почетный гость, доволенъ имъ! . . .

Село Вороново, 14-го Августа, 1850 г.

XLVI.

ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ,

въ день ея послѣдняго представленья.

Не улетай, прелестное созданье,
Не покидай тобой плѣненный край!
Останься намъ, сердецъ очарованье,
Не улетай! . . . .

Мы всѣ твои! . . . Тебя мы полюбили,
И сцена намъ тобою стала рай,
Гдѣ полной мы восторга жизнью жили, —
Не улетай! . . . .

Ты солнце намъ въ годину вьюги снѣжной,
Ты роза намъ въ ненастный зимній день;
Цвѣти и грѣй! . . . Не исчезай небрежно
Какъ счастья тѣнь! . . . .

И старъ и младъ восхищены тобою,
Соперницъ нѣтъ межъ женщинъ у тебя: —
Гордимся всѣ твоею мы красою,
Её любя! . . . .

Какъ сонъ, какъ воплощенье идеала,
Какъ первообразъ прелестей земныхъ, —
Явилась ты, — и зависть замолчала
Въ устахъ нѣмыхъ!

И всѣ тебѣ радушно рукоплещутъ,
Всѣхъ очи, всѣхъ сердца прельщаешь ты,
И всѣхъ мечты у ногъ твоихъ трепещутъ,
Какъ ихъ цвѣты! . . . .

Послушай насъ, въ Москву вернися снова,
Друзей твоихъ на вѣкъ не оставляй;
Въ прощальный день, безъ радостнаго слова
Не улетай! . . . .

Москва, въ Воскресеньи, 18-го Февраля, 1851 г.

Digitized by Google

XLVII.

ВЕСЕННІЙ ГИМНЪ.

Я знаю быль: — Давно, въ степи далекой,
Была весна, . . . цвѣтущая весна, ...
И праздникъ свой справляла тамъ она,
И жизнь текла разгульно и широко
По жиламъ всей природы мололой;
Кипѣло всё и жизнью и весной!

Былъ Божій міръ хорошъ, какъ пиръ желанный,
Гдѣ гости всѣ на славу убрались!
И двое тамъ . . . онъ и она . . . сошлись, ...
Сошлися вдругъ, нечаянно, нежданно,
Взлюбилися . . . и ожили душой,
И разцвѣли съ природой и весной.

Двѣ юности, двѣ радости, двѣ страсти! . . . .
Какой разсказъ опишетъ ихъ любовь? . . . .
Кто передастъ, кто повторитъ намъ вновь
Поэму ихъ восторженнаго счастья? . . . .
Она и онъ! . . . Онъ и она! . . . Собой
Они полны! . . . Надъ ними Богъ съ весной! . . . .

Нѣтъ! не найдти достаточнаго слова!
Пусть тотъ пойметъ, кто также самъ любилъ!
Пусть вспомнитъ онъ, что̀ чувствовалъ, какъ жилъ,
Какъ нянчился съ своей надеждой новой,
Какъ въ гордыхъ снахъ любови молодой
Онъ мнилъ, что нѣтъ конца любви съ весной ....

Я знаю быль: Печально съ тяжкой думой,
Они, простясь, однажды разошлись,
И съ той поры на вѣки облеклись
Тройной корой холодности угрюмой ....
Кто виноватъ? ... Богъ вѣсть!! ... Тотъ и другой
Покинуты душевною весной, —

Не оживутъ и не полюбятъ снова! ....
А между тѣмъ, опять пришла весна, ...
Черемуха съ сиренью сплѣтена
Опять цвѣтутъ, ... и ландыши готовы,
Какъ жемчуги изъ зелени густой
Нырнуть, дыша и нѣгой и весной.

А между тѣмъ, пѣвецъ любви и страсти,
Поетъ, зоветъ и ропщетъ соловей,
И пѣснію плѣнительной своей
Былое имъ напоминаетъ счастье ....
И кто нибудь изъ двухъ сравнитъ порой
Тогдашнюю съ теперешней весной,

И вымолвитъ, со вздохомъ безъ упрека.
«Люблю тебя, роскошная весна!
«Была, была тобой озарена
«Весна любви моей въ степи далекой . . . .
«И навсегда въ родствѣ съ моей душой
«Ночь, ландыши, да соловей съ весной.»

Импровизировано въ Петровскомъ паркѣ, во время одинокаго катанья, ночью, 10-го Мая 1851 г.

Digitized by Google

XLVIII.

ЧЕГО-ТО ЖАЛЬ.

По прочтеніи новымъ друзьямъ старыхъ стихотвореній,

О. Б. М. Э.

Чего-то жаль мнѣ . . . И не знаю я
Навѣрное чего . . . Опять его-ли, —
Кого безумно такъ любила я,
Такъ долго и съ такой упрямой волей? . . .
Или тебя, пора моей весны,
Отцвѣтшая пора младыхъ стремленій,
Желаній и надеждъ и вдохновеній, ...
Той грустной, но всё милой старины! . . . .

О немъ зачѣмъ жалѣть? . . . Бѣдь счастливъ онъ,
Своей судьбой доволенъ и спокоенъ,
Минувшаго забылъ минутный сонъ, ...
И, счастія осѣдлаго достоинъ,
Разсудку подчинилъ свой гордый умъ,
Житейскихъ благъ всю цѣну понимаетъ, ...
Безъ дѣтскихъ грёзъ, безъ лишнихъ страстныхъ думъ,
Живетъ . . . и жизни смыслъ и цѣль ужъ знаетъ!

Онъ знаетъ, что богатство нужно намъ,
Чтобъ вѣсъ имѣть и поддержать значенье;
Что душу не раздѣлишь по-поламъ
Съ другой душой, ... что это заблужденье
Малчишекъ и дѣвчонокъ въ двадцать лѣтъ, ...
Что барскій домъ, столъ лакомый на славу
Превознесутъ друзья, уважитъ свѣтъ, ...
(Друзья и свѣтъ такъ падки на забавы! ....)

Съ поэзіей простился онъ навѣкъ,
И съ прозою сухою помирился;
Членъ общества, степенный человѣкъ,
Съ приличіемъ въ ладу, — онъ научился
Условной рѣчи ихъ ... Нѣтъ! ... Онъ не тотъ
Чѣмъ прежде былъ! ... О немъ жалѣть зачѣмъ же? ....
Отъ женскаго онъ сердца самъ не ждетъ
Чтобъ было вѣкъ оно однимъ и тѣмъ-же! ....

Нѣтъ! не его мнѣ жаль! — Мнѣ жаль тебя,
Моя любовь! ... Любовь души безпечной,
Ты вѣрила и вѣчности сердечной,
Ты вѣрила и въ клятвы и въ себя! ....
Мнѣ жаль еще повязки ослѣпленья,
Скрывавшей мнѣ житейскихъ узъ тщету, ...
Мнѣ жаль тебя, о гордое презрѣнье,
Ребяческой отвѣтъ на клевету! ....

Мнѣ жаль тебя, мой благородный гнѣвъ,
Ты ложь встрѣчалъ лицомъ къ лицу отважно,
Ты лесть отвергъ съ ея хвалой продажной,
Ты зависти дразнилъ зловѣщій ревъ! . . . .
Мнѣ жаль тебя, мое самозабвенье,
Готовность глупо жертвовать собой, ...
Безумно жаль младаго увлеченья
Съ его золотокрылою мечтой! . . . .

Москва, послѣ субботы, 16-го Февраля, 1852 г.

XLIX.

ВЧЕРА И НЫНЧЕ.

Стансы для музыки.

Вчера поцѣлуи горѣли
Такъ страстно на жаркихъ устахъ, ...
Сердца и дрожали и млѣли, ...
То робко, въ чуть слышныхъ словахъ,
Признанья лились ... то нѣмѣли, ...
И взоры блестящихъ очей
Вели разговоръ безъ рѣчей.

Вчера ихъ сплеталися руки,
И сладко имъ было вдвоемъ! ....
А нынче, ... въ томленьи разлуки,
Порознь, каждый въ горѣ своемъ,
Молчатъ они тоже, — но скуки
Сердца ихъ и взоры полны,
И думы обоихъ грустны ....

А нынче, — имъ страшно заочно
Обмана, измѣны, людей, ...
Имъ снится, что счастье непрочно,
Невѣрно, . . . что радостныхъ дней
Минуетъ, пройдетъ срокъ урочный . . . .
И нынче жалѣть о вчера
Всё будутъ они до утра! . . . .

2-го Марта, 1852 г.

L.

ТАЙНА ПѢВЦА.

Слова для музыки.

«Скажи, зачѣмъ сегодня
  Горитъ взоръ свѣтлый твой?
Скажи, чему такъ радъ ты,
  Пѣвецъ мечтатель мой?

Сказалъ бы я вамъ тайну, ...
  Да кто-жъ её пойметъ? . . . .
Мнѣ страшно . . . свѣтъ холодный
  Насъ съ нею осмѣетъ!

Сказалъ бы я, какъ нынче
  Я пѣлъ . . . я пѣлъ при ней, ...
Какъ страхъ боролся съ страстью
  Въ груди, въ душѣ моей! . . . .

Я пѣлъ, — она внимала, . . .
  О незабвенный часъ!
Гляжу, — слеза упала
  Изъ ненаглядныхъ глазъ!

Она дала мнѣ руку,
Всволнована, блѣдна . . . .
Съ тѣхъ поръ душой я въ небѣ,
И тамъ со мной она! . . . .

12-го Марта, 1852 г.

Digitized by Google

LI.

МАЙСКОМУ СОЛОВЬЮ.

Опять тебя я слышу, соловей, —
Опять мнѣ пѣснь знакомую поешь ты ....
Опять, о давній другъ души моей,
Ее сквозь сонъ тревожишь и зовешь ты.

Чего, чего ты хочешь отъ меня? ....
Иль мало слёзъ, иль мало вдохновеній
Годъ отъ году тебѣ дарила я,
Наперсникъ столь мнѣ памятныхъ мгновеній?....

Ты говоришь о прежнихъ, чудныхъ дняхъ,
О полночи въ таинственныхъ аллеяхъ ....
О полномъ бытій въ пустыхъ степяхъ,
Объ юности и всѣхъ ея затѣяхъ ....

Ты говоришь о страсти, о любви ....
Молчи! молчи! ... Давно ихъ жизнь убила,
Давно во мнѣ она ихъ усыпила, —
Ихъ и меня не трогай, не сови! ....

Импровизировано, катаясь ночью по Петровскому парку, 13-го Мая, 1852 г.

LII.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ РУССКАГО ЛЕБЕДЯ.

Посвящается семейству и друзьямъ Василія Андреевича Жуковскаго, скончавшагося въ Баденѣ, 12-го Апрѣля (31-го Марта) 1852 г.

Такъ! оно сбылося старца предвѣщанье,
Грустное поэта намъ иносказанье,
Гдѣ предрекъ заранѣй день своей кончины
Лебедь нашъ, рожденный въ вѣкъ Екатерины,
Лебедь нашъ маститый, лебедь величавый,
Честь роднаго слова, русской пѣсни слава! . . .
Близость скорой смерти свѣтлою душою
Чуялъ онъ безъ страха, — и поникъ главою
Предъ Божей волей! . . . Съ вѣрой и молитвой,
Съ миромъ и любовью, изъ житейской битвы
Выходилъ онъ бодро, — кончивъ всѣ расчёты
Съ бренностью земною, отложивъ заботы,
Позабывши горе, съ счастіемъ прощаясь . . . .
Только, на порогѣ гроба озираясь, —

Бросилъ онъ послѣдній взглядъ съ благосло-
веньемъ
На своихъ малютокъ ... Только съ сожалѣньемъ
Онъ прижалъ ихъ къ сердцу, ... ихъ, и мать
младую, —
И потомъ припомнилъ Русь свою родную,
Дальную отчизну ... И вздохнулъ глубоко
О семьѣ своей онъ, сирой, одинокой
На чужбинѣ бурной ... Онъ хотѣлъ, нашъ
милый,
Дорогой поэтъ нашъ, на краю могилы,
Крѣпче къ мощной груди родины священной
Привязать малютокъ цѣпью незабвенной:
Онъ сложилъ имъ сказку про свою судьбину,
Онъ пропѣлъ имъ пѣсню про свою кончину ....
Легкою приманкой чудныхъ прибаутокъ
Звукомъ русской рѣчи онъ училъ малютокъ,
Чтобъ отца отчизну дѣти полюбили,
Чтобъ они въ чужбинѣ братьями намъ были!....
И съ послѣднимъ словомъ и съ послѣднимъ
звукомъ
Жизнь его угасла! ... Но предсмертнымъ мукамъ
Праведникъ улыбкой рая улыбался, —
Духомъ ужъ давно онъ къ небу приближался!....

Мы же, — мы исполнимъ старца завѣщанье,
И святымъ залогомъ намъ его желанье:
Распахнемъ широко братскія объятья
Сиротамъ Жуковскимъ! Они всѣмъ намъ братья,
Они всѣмъ намъ дѣти! ... Кто изъ поколѣнья,

Смолоду увлекшись силой вдохновенья,
Не мечталъ, не плакалъ, и въ томленьи страстномъ
Не любилъ, съ поэтомъ нашемъ сладкогласнымъ,
Съ добрымъ и безвреднымъ, нравственнымъ поэтомъ,
Стройными стихами Пушкина воспѣтымъ? . . . .

О, внемли намъ свыше, лебедь бѣлокрылый!
Видишь, — всѣ мы плачемъ надъ твоей могилой, —
Всѣ мы благодарно, думой умиленной,
Чтемъ твои заслуги, чтемъ твой прахъ священный;
Всѣ мы повторяемъ «гимнъ твой лебединый,
«Лебедь благородный дней Екатерины!»

Апрѣль, 1852 г.

Писано по размѣру послѣднаго стихотворенія Василія Андреевича, — напечатаннаго въ книжкѣ, посвященной его дѣтямъ, подъ заглавіемъ: «Царскосельскій Лебедь.»

Digitized by Google

LIII.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

«. . . . . Alea jacta est! . . . . .»

Ребенокъ былъ когда-то, — помню я, —
Мечтательный и хиленькій ребенокъ,
Сиротка, сросшійся съ самыхъ пѣленокъ
Съ печальною изнанкой бытія . . . .
Другихъ дѣтей лишь изрѣдка встрѣчая,
Онъ росъ одинъ, — то кротокъ и угрюмъ,
То рѣзвъ и смѣлъ: печать тревожныхъ думъ
Была на немъ, заранѣй предвѣщая
Тяжелую судьбу . . . Не мудрено! . . . .
Ласкъ матери ему вѣдь не дано! . . . .

Бывало, подъ вечеръ, въ тѣнистый садъ
Бѣжитъ дитя, просторомъ освѣжиться,
Промежъ цвѣтовъ улечься, притаиться,
И жадной грудью пить ихъ ароматъ.
Такъ страстно Божій міръ оно любило,

Такъ сердце билось въ немъ! . . . Такъ взоръ
его
Ловилъ, искалъ, . . . не зная самъ чего, —
Такъ много въ немъ ужъ было жизни, силы,
И пылкости! . . . О бѣдное дитя!
Оно вполнѣ ужъ жило, не шутя!

О бѣдное дитя! . . . Не только жить, —
Оно уже страдать могло, и слёзы
Горячія на лиліи и розы
Тайкомъ роняло часто, — объяснить
Само себѣ не могши ихъ причины . . . .
Особенно тоска брала его
Подъ сумерки, когда вокругъ него,
Торжественно сливаясь въ гулъ единый
Колоколовъ несчетныхъ звонъ гудѣлъ,
И день, кончаясь тихо, вечерѣлъ. —

И чудный гулъ, и многовѣщій звонъ
Ребенка слухъ и душу поражали.
Какъ будто къ жизни дальней призывали,
Къ борьбѣ его: впередъ стремился онъ! . . . .
Грядущее съ насмѣшкой и угрозой
Страшилищемъ вставало передъ нимъ,
И зеркаломъ загадочнымъ своимъ
Сулило скорбь, страданье, горе, слёзы . . . .
И понималъ гость жизни молодой,
И трепеталъ предъ мрачною судьбой . . . .

Наитіе таинственной тоски
И страха и какого-то волненья
Сходило, какъ нѣмое откровенье
Къ нему на душу . . . Были глубоки
И тяжки въ немъ развитія порывы . . . .
Дитя, дитя! . . . Не думай, не желай!
О тайномъ, неизвѣстномъ, не гадай! . . . .
Но гдѣ?! . . . Томясь мечтой своей тоскливой,
Оно уже какъ женщина груститъ,
И молится, . . . и плачетъ . . . и дрожитъ! . . . .

А время шло, ребенокъ выросталъ,
И дѣвушкой пригоженькой явился,
И въ женщину потомъ ужъ превратился,
И жизнь, прямую жизнь земли узналъ . . . .
Но знанье то досталося не даромъ
Страдалицѣ! безъ силъ, утомлена,
Изъ трудной школы вырвалась она,
Изъ битвы, гдѣ такъ долго, съ мощнымъ жаромъ
Она боролась . . . Что̀-же спасено? . . . .
Лишь сожалѣнье грустное одно! . . .

Предчувствіе сказало правду ей, —
Тоска и грусть свое сдержали слово:
Ея стопамъ былъ труденъ путь терновый, —
Душѣ ея труднѣе межъ людей! . . . .
Всё, чемъ она безумно дорожила

На полпути отстало отъ нея, ...
Терзали, или предали её
Почти всѣ тѣ, кого она любила . . . .
Обманъ и ложь нашла она во всемъ,
Опоры и любви ни въ комъ, ни въ чёмъ! . . . .

Съ привязчивой душою рождена,
Привычки цѣпь она легко носила, —
Судьба-жъ её изъ края въ край водила,
И по мытарствамъ маялась она.
Гдѣ-бъ ни пришлось, хоть на день, поселиться,
Мечта ея сопутствовала ей, —
И всѣ мѣста казались ей милѣй,
Пріютнѣй . . . Но нигдѣ ей водвориться
Не довелось: какой-то злобный рокъ
Не жить, — пытаться жить её обрекъ! . . . .

И вотъ опять она, въ вечерній часъ,
Одна въ саду тѣнистомъ и пространномъ,
Пришла сказать прости мѣстамъ желаннымъ,
Гдѣ сердцемъ ожила . . . И вѣщій гласъ
Колоколовъ, къ молитвѣ призывая,
Напомнилъ ей, гдѣ будетъ данъ покой
Больнымъ сердцамъ, — гдѣ минетъ сонъ земной,
И снова жизнь начнется, жизнь другая, ...
И какъ дитя, опять она груститъ,
И молится, и плачетъ и дрожитъ . . . .

Москва, 19 — 21-го Мая, 1852 г.

LIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ В. В. САМОЙЛОВА,

наполненный его собственными рисунками всѣхъ костюмовъ и типовъ его ролей.

Смотрю на бѣглые листы,
На эти всѣ изображенья,
Гдѣ живо видно проявленье
Артиста творческой мечты:
Какъ много типовъ разнородныхъ,
Смѣшныхъ, печальныхъ, важныхъ лицъ,
Фантазій, фарсовъ, небылицъ,
Близь идеаловъ благородныхъ!
Гдѣ простофили глупый смѣхъ,
Гдѣ злой иронiи улыбка,
Здѣсь заблужденье, иль ошибка,
Тамъ хитрость и порокъ и грѣхъ....
Ужели мысль одна и таже
Ихъ поняла, ихъ создала,
И средь толпы всегда на стражѣ
Ихъ пёстрый рядъ подстерегла? ....
И всѣ живутъ! ... И всѣ трепещутъ

Своею истиной для насъ,
Всѣ яркой краской рѣзко блещутъ,
Одинъ другому на показъ.
Хвала, художникъ и мыслитель,
Хвала тебѣ за дивный трудъ!
Твои созданья не умрутъ, —
Имъ человѣчество цѣнитель;
Въ нихъ вѣрно схваченъ человѣкъ,
Въ нихъ отразился свѣтъ и вѣкъ.
Протей, — ты жизнью многосложной,
Многостороннею живешь;
Сегодня старецъ осторожный,
А завтра юноша тревожный,
Ты самъ себя возсождаешь!

Москва, 22-го Мая, 1852 г.

LV.

РЕВНОСТЬ ЗА ГРОБОМЪ.

Въ часъ прохлады ночной свѣтитъ мѣсяцъ златой,
Лѣсъ шумитъ, надъ рѣкою качаяся;
Уѣзжаетъ женихъ отъ невѣсты младой,
И она говоритъ съ нимъ прощася:

«Ты забудешь меня, . . . ты разлюбишь меня. . . .
Ты другую найдешь, миловидную . . . .
Слухъ дойдетъ до меня, — улыбнусь горько я,
Но въ душѣ затаю мысль обидную!

«Я не стану тогда упрекать и винить,
Я разлуки пойму увлеченіе:
Вѣдь тебѣ, въ двадцать лѣтъ, сожалѣньемъ не жить,
Не убить молодаго стремленія! . . . .

«И пока я жива, будь невѣренъ, дитя!
Будь послушенъ мужскому призванію,
Лишь тогда берегись, какъ узнаешь, что я
Совершила земное посланіе. —

«И когда въ часъ любви, ты съ восторгомъ пойдешь
На свиданье съ своей новой милою, —
Когда страстно её обоймешь, обовьешь, —
Я очнусь . . . я проснусь подъ могилою!

«И изъ гроба урвусь, . . . межъ тобою и ей
Появлюсь, — жди меня! — тѣнью блѣдною . . . .
И замретъ твой порывъ, . . . и предъ тѣнью моей
Отталкнешь вдругъ подругу ты бѣдную.

«Совѣсть скажетъ тебѣ, что живую любя,
Все жъ къ усопшей минувшимъ прикованъ ты,—
И на мигъ вновь найду, вновь усвою тебя,
Какъ бы ни былъ другой очарованъ ты! . . . .»

Въ Субботу, Мая 1852 г., послѣ разговора о привидѣньяхъ.

LVI.

ПИСЬМО ВЪ ЛѢТНЮ НОЧЬ.

Софіѣ Александровнѣ Рявининой.

Пишу къ тебѣ . . . Заря ужъ догорѣла,
И ночь сошла на полусонный прудъ . . . .
Всё тихо вкругъ меня, все опустѣло,
Деревня спитъ, забывъ дневной свой трудъ . . . .
Домъ барскій тоже спитъ, — и лишь со мною
Сосновый лѣсъ бесѣдуетъ порою,
Шумя вдали . . . Легко, привольно мнѣ, —
Пишу къ тебѣ въ отрадной тишинѣ!

Пишу къ тебѣ, — одна я на балконѣ,
Вокругъ меня и зелень и цвѣты;
Сижу, курю . . . Въ лазурномъ небосклонѣ
Теряются и взоры и мечты . . . .
Природа, лѣто, ночь, уединенье, —
Источники прямаго наслажденья, —
Ихъ струи не изсякли для меня,
Всегда отъ нихъ упиться жажду я!

Пишу къ тебѣ затѣмъ, что сердце полно,
Что много въ немъ и нѣги и любви,
Что въ головѣ и думъ и мыслей волны
Мѣняются, . . . что жизнь въ моей крови,
Въ моей душѣ нечаянно проснулась,
Что съ нею пѣснь въ нѣмыхъ устахъ очнулась, —
Что я всё я, на перекоръ судьбѣ, —
И потому, другъ мой, пишу къ тебѣ! . . . .

Импровизировано на новосельѣ, въ Вороновѣ,
27-го Іюня, 1852 г.

LVII.

СЛОВА И ЗВУКИ.

Слова и звуки, . . . звуки и слова,
Въ нихъ жизни, полной жизни выраженье.
Все, что̀ вмѣщаютъ сердце, голова
И человѣка грудь, — всѣ проявленья
Природы и Творца, на небесахъ
И на землѣ, . . . что̀ зримо и незримо,
Вся цѣпь существъ, отъ тли до Херувима,
Все оживаетъ въ звукахъ и словахъ . . . .

Въ словахъ и звукахъ отъ былыхъ вѣковъ
Преданья нить до позднихъ поколѣній
Дошла, и какъ наслѣдіе отцовъ
Передала разсказъ ихъ заблужденій,
Ихъ горя, ихъ страданья, ихъ страстей,
Попытокъ ихъ намъ проложитъ дорогу, —
И слово умудряетъ по немногу, ...
Безъ пользы звукъ не гибнетъ межъ людей! . . .

Какая власть сравнится съ властью ихъ? . . . .
Другъ съ другомъ мы черезъ слова и звуки
Сближаемся, . . . блаженство, радость, муки,
Любовь, вражду, — всё облекаемъ въ нихъ....
И такъ, всѣ вы, въ комъ мысли благостыня,
Всѣ вы, поэтъ, витія и пѣвецъ, —
Храните чисто даръ свой, какъ святыню!
Въ словахъ и звукахъ вѣчный ключь сердецъ!....

Вороново, 28-го Іюня, 1852 г.

Digitized by Google

LVIII.

ОДА ПОЭЗІИ.

Анахронизмъ.

«Die Ideale sind zerronnen! . . . .»
Schiller.

Тебѣ, — развѣнчанной Богинѣ,
Тебѣ поклонъ мой и привѣтъ,
Поэзія, . . . кому ужъ нынѣ
Презрительно смѣется свѣтъ! . . . .
Пусть храмъ твой смертными покинутъ,
Пусть твой треножникъ опрокинутъ,
Но, старовѣркой прежнихъ дней,
Тебя, въ восторгѣ убѣждѣній,
О, мать высокихъ пѣснопѣній
Я пѣснью чествую своей! . . . .

Тебя, — кормилицу родную
Своихъ младенческихъ годовъ,
Отринулъ какъ игру пустую
Вѣкъ положительныхъ умовъ . . . .
Ты отжила, ты устарѣла,

Свои ты пѣсни всѣ отпѣла, —
Твердятъ они, махнувъ рукой,
И молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной ....

Зачѣмъ имъ прелесть идеала,
Блистательныхъ примѣровъ власть,
Всё то, что душу возвышало;
Зачѣмъ имъ пѣснь, зачѣмъ имъ страсть?....
Зачѣмъ Ромео, Ивенгое? ....
Не имутъ вѣры ужъ въ героя! ....
Герой, — бродяга иль бобыль!
Давайте кисть имъ съ мрачной краской, —
И отвратительныя сказки
Они намъ выдадутъ за быль!

Любовь, восторги, доблесть, генiй
Насмѣшкамъ ихъ обречены;
Языкъ и слогъ для ихъ творенiй
Самоуправныхъ не нужны!
Тщету искуства возглашая,
И парадоксы облекая
Въ наборъ нескладный чуждыхъ словъ,
Они, — потѣшники народа,
Изъ грязи вылѣпя урода,
Его включаютъ въ сонмъ боговъ!

Ихъ проза вялая вступаетъ
Съ тобой надменно въ дерзкій бой,
И самохвально прославляетъ
Свою побѣду надъ тобой.
Поднявши знамя пользы мнимой,
Она съ гордыней нестерпимой
Тебя за суетность коритъ;
И въ честь естественности жалкой,
О вѣчнаго огня Весталка,
Тебя за ложь стыдомъ клеймитъ!

Отвергнутъ блескъ именъ великихъ,
Прочь Данте, Байронъ и Омиръ! . . . .
Умамъ Зоиловъ полудикихъ
Чуждъ дивный строй безсмертныхъ лиръ!. . . .
Ты хочешь-ли быть признанъ ими? —
Каррикатурами смѣшными,
Поэтъ, усѣй свой честный трудъ!
Терситомъ выставъ человѣка,
И угождая вкусу вѣка,
Шутовъ ему представь на судъ!

Но минетъ срокъ ихъ ослѣпленья,
Пройдутъ для нихъ раскола дни,
Краснѣя за свои сужденья,
Прозрѣвъ, — опомнятся они!
Тогда, къ святилищамъ забытымъ

Съ златымъ тельцомъ своимъ разбитымъ
Придутъ они, прося боговъ ....
А ты, отверзи имъ объятья,
Не помяни слѣпцовъ проклятья,
Прости смирившихся сыновъ! ....

Вороново, Іюль, 1852 г.

Digitized by Google

LIX.

РАЗМЫШЛЯЯ О ТОМЪ, ЧТО́ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. . . . .

Когда Господь таинственнымъ явленьемъ
Патмоскую пещеру посѣтилъ,
И кроткій Богословъ съ благоговѣньемъ
Пророчества даръ вѣщій получилъ:

Гласъ рекъ ему: «Пріемли на съѣденье!
И книгу подала ему рука,
И выполнилъ Пророкъ небесъ велѣнье,
И книга та была ему горька!

Горька и ты, о наша жизнь земная!
О книга заклейменная семь разъ,
Гдѣ пишется намъ участь роковая
Перстомъ, невидимымъ для смертныхъ глазъ!....

Горька и ты, о жизнь земная наша,
Тревожный сонъ несбыточныхъ усладъ,
Предательски-заманчивая чаша,
Гдѣ въ каждой каплѣ ждетъ насъ острый ядъ!

И въ чашѣ той, чѣмъ глубже мы вдыхаемъ,
Чѣмъ больше пьемъ, тѣмъ больше яда въ ней....
И въ книгѣ той, чѣмъ дальше мы читаемъ,
Тѣмъ повѣсть всё печальнѣй и скучнѣй ....

Горька ты, жизнь! . . . Сложивши молча руки
Мы ждемъ: когда-жъ разсказъ къ концу придетъ? ....
Посмотримъ мы, безъ скорби и безъ муки,
Какъ смерть послѣдній листъ перевернетъ! ....

Вороново, 3-го Октября, 1852 г.

LX.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

Испанская пѣсня.

Тамъ много ихъ было веселыхъ гостей,
И много шепталось привѣтныхъ рѣчей . . . .
Одинъ лишь тамъ не былъ, . . . но этотъ одинъ
Всѣхъ думъ и желаній моихъ господинъ . . . .

И сладкія пѣсни мнѣ слышались тамъ,
И страстъ въ нихъ дышала съ тоской пополамъ ....
Лишь голосъ любимый въ разлукѣ молчалъ,
Но вѣрному сердцу заочно звучалъ . . . .

Блеснетъ-ли на встрѣчу мнѣ пламенный взоръ?....
Коснется-ли слуха живой разговоръ? . . . .
Всё снится далекій, всё видится онъ,
И жизнь моя съ нимъ, — а всё прочее сонъ!....

Москва, 18-го Ноября, 1852 г.

LXI.

МИНУВШЕМУ ВЫСОКОСНОМУ 1852-МУ ГОДУ.

Ступай себѣ! твой минулъ срокъ печальный,
О мрачный гость въ одеждѣ погребальной,
Тяжелый годъ и высокосный годъ! . . . .
Отпущенъ ты не съ честію и миромъ, —
Нѣтъ! вслѣдъ тебѣ народы дружнымъ клиромъ
Кричатъ итогъ утратъ, скорбей, невзгодъ . . . .
Ступай себѣ подъ бременемъ упрёка,
Напутствуемъ проклятьемъ и хулой!
Косилъ у насъ ты бойко и высоко, —
Гробами путь усѣялъ свой!

Ты взялъ у насъ народныя три славы,
Красу и честь Россіи величавой,
Трехъ лучшихъ, трихъ любемыхъ между насъ!
Ты вырвалъ кисть изъ длани вдохновенной . . . .
Ты пѣснь прервалъ въ груди благословенной,
О вѣчности вѣщавшей въ смертный часъ . . . .

Громовое перо сломалъ до срока
У мудраго наставника людей . . . .
О! згинь на вѣкъ, косившій такъ высоко,
Годъ нашихъ бѣдствій и скорбей! . . . .*)

1-го Января, 1853 г.

*) Въ этотъ Россія лишилась Гоголя, Жуковскаго и Брюлова.

LXII.

ВО ИМЯ ПРАВДЫ.

Тому, кто упрекалъ меня, что я защищаю обвиняемыхъ и смѣюсь надъ тѣми, кого свѣтъ хвалитъ.

Нѣтъ, — никогда но преклоню колѣна
Предъ торжествомъ кумировъ суеты! . . . .
Правдивый мой языкъ, заклятый врагъ измѣны,
Равно чуждъ лести, лжи и низкой клеветы. —

Нѣтъ, никогдя руки не протяну я
Надменной гордости глупцевъ! . . . .
Пренебреженіемъ своимъ не премину я
Умѣрить чванство мнимыхъ мудрецевъ!

Я баловней судьбы самодовольныхъ
Люблю задѣть безвредной остротой;
Чтобъ сбавить спѣси съ нихъ, токъ колкостей невольныхъ
Кипитъ во мнѣ на счётъ ничтожности пустой.

Digitized by Google

Когда толпа хвалой незаслуженной
Кадитъ у ногъ бездушной красоты, —
Я въ этой куклѣ наряженной
Найду изъянъ сердечной нищеты.

Когда жеманное притворство въ добродѣтель
Смиренницъ въ образцы намъ глупо возведутъ, —
Я вопію, — неподкупной свидѣтель, —
Личину съ нихъ слова мои сорвутъ! . . . .

За то, когда нашъ свѣтъ несправедливый
На безоружныхъ жертвъ встаетъ грозой, —
И судитъ ихъ какъ Фарисей строптивый,
И ихъ клеймитъ позоромъ и хулой:

За то, когда ареопагъ гостинныхъ
Чужую честь насмѣшками язвитъ,
Когда въ полу-словахъ, въ полу-намёкахъ чинныхъ
Одну изъ насъ вражда другихъ казнитъ:

За женщину, за слабыхъ, беззащитныхъ,
Безумно въ бой тогда бросаюсь я! . . .
Чтобъ вырвать ихъ изъ пастей ненасытныхъ
Забыта робость женская моя!

Я вызову, — презрѣвъ самохраненьемъ,
Свѣтъ, общество, толпу, враговъ моихъ . . . .
Хулителей дразню опроверженьемъ,
Клеветниковъ въ лице бью ложью ихъ! . . . .

Мой голосъ слабъ, заступникъ я ничтожный, —
Но мой упрёкъ, какъ мѣткая стрѣла,
Пронзитъ броню злословящихъ безбожно, —
И поблѣднѣвъ, притихнетъ вдругъ хула! . . . .

И, можетъ быть, запуганныя свѣтомъ,
Мнѣ добрыя откликнутся сердца, —
И поздній гнѣвъ въ нихъ закипитъ, отвѣтомъ
На шутки злыхъ, на смѣхъ глупца! —

Пойдетъ расти безстрашной правды слово, —
И голоса по свѣту вербовать . . . .
Толпа сей часъ того обнять готова
Кого за мнѣ хотѣла растерзать!

А мнѣ легко въ тотъ день стократъ блаженный
Что помянуть могу добромъ,
Легко служить и сердцемъ и умомъ
Успѣху истины священной! . . . .

Москва, 11-го Апрѣля, 1853 г.

LXIII.

МАЙСКАЯ ПѢСНЬ.

Въ новый листъ пріодѣлись берёзы,
Разцвѣтаютъ сирени въ саду,
На балконѣ красуются розы,
И лягушки проснулись въ пруду.
Весна пришла! . . . Ея дыханье
Вселенной жизнь даруетъ вновь;
Въ природѣ, всё благоуханье,
Въ сердцахъ, всё нѣга и любовь.

Отъ удушливой жизни гостинныхъ,
Отъ суетъ хлопотливой зимы,
Сбросивъ цѣпи всѣхъ мѣлочей чинныхъ,
Въ глушь и лѣсъ порываемся мы.
И разбрѣлись ужъ горожане
Всѣ по болотамъ, по степямъ, ...
И на полгода въ поселяне
Отважно записались тамъ. —

Обоянью весны уступая,
Ожилъ юноша, свѣтскій мертвецъ; . . . .
На призывъ всемогущаго Мая
Отвѣчаетъ біенье сердецъ . . . .
Кругъ модныхъ куколъ въ женщинъ страстныхъ
Вдругъ превратился, и порой
Груститъ въ раскаяньяхъ напрасныхъ
О жизни, даромъ прожитой . . . .

Не одна въ сладкой мукѣ томленья
Промечтаетъ всю ночь у окна . . . .
У судьбы вымоляя прощенья,
Ждетъ и плачетъ тайкомъ не одна! . . . .
И вдругъ, какъ вызванный мечтою
Желанный спутникъ предстаетъ, —
Любовь засвѣтитъ имъ звѣздою,
И соловей для нихъ поетъ! . . . .

А въ то время, въ углу одинокомъ,
Тайно страждетъ больная душа,
Утопая въ минувшемъ далекомъ,
Съ настоящимъ расчетъ соверша . . . .
И ей, разрозненной, стѣсненной,
Въ холодной пустотѣ ея,
Всё снится край благословенный,
Съ знакомой пѣснью соловья . . . .

Вороново, 18-го Мая 1853 г.

LXIV.

НАШИМЪ БРАТЬЯМЪ,

Юго-Восточнымъ Православнымъ.

Пришла пора ... зажглася надъ Востокомъ
Давножеланная заря ....
Ужъ близокъ, близокъ день обѣщанный Пророкомъ
Въ псалмахъ Еврейскаго Царя!

Долой мечеть съ двурогою луною!
Сіяй, нашъ православный крестъ,
Надъ маковкой Софіи золотою,
Надъ куполомъ Священныхъ Мѣстъ! ....

Проснись, Ерусалимъ! ... Воздвигнись, Византія! ....
Восторжествуй, алтарь Христовъ! ....
Идетъ на выкупъ къ вамъ, съ мечемъ въ рукахъ, Россія,
Ведетъ на брань своихъ сыновъ ....

Къ намъ, братья, къ намъ! ... Скорѣй въ объятья наши,
Единоверцевъ племена! ....
Вашъ конченъ плѣнъ, разбиты цѣпи ваши, —
Россіи длань тверда, сильна.

Блеснула вамъ денница возрожденья!
Четыре вѣка вы въ гробу, —
Пора, пора возстать, — и съ вѣрой въ Провидѣнье
Начать великую борьбу! ....

Отбросивши чалму для фески, имъ несродной,
Надѣвъ стѣсняющій кафтанъ, —
Народъ свой оживить старалися безплодно
Вожди дѣнивыхъ Мусульманъ:

Европа къ Азіи нейдетъ! ... Для просвященья
Тяжелъ ихъ умъ, и не дозрѣлъ;
Забытъ у нихъ Коранъ; безъ вѣры нѣтъ стремленья, —
Воинскій духъ въ нихъ оскудѣлъ ....

И голову склоня, сложивъ покорно руки,
Предчувствуя паденья часъ, —
Безъ воли, безъ надеждъ, въ дремотѣ смертной скуки,
Какъ жребія, — они ждутъ насъ! ....

Давно имъ сказано, что съ Сѣвѣра грозою
На нихъ поднимется судьба;
Давно пугаетъ ихъ развязкой роковою
Неизбѣжимая борьба.

Ихъ страхъ покажетъ путь знаменамъ нашимъ славнымъ,
Ихъ робость намъ ихъ обрекла ....
Къ намъ, братья! ... Къ намъ скорѣй! ...
Есть мѣсто православнымъ
Подъ сѣнью Русскаго орла! ....

Долой мечеть съ двурогою луною!
Сіяй, нашъ Византійскій Крестъ! ....
Сіяй надъ маковкой Софіи золотою,
Надъ куполомъ Священныхъ Мѣстъ! ....

Прочитавши манифестъ о войнѣ,
Вороново, 18-го Іюня, 1853 г.

LXV.

ВОЛНА.

Волна бѣжитъ . . . волна спѣшитъ . . . .
Куда спѣшитъ, — не говоритъ! . . . .
Волна живетъ, трепещетъ, дышетъ,
Порывъ и отдыхъ есть у ней;
Ей грудь прозрачную колышетъ
Волненье тайное страстей . . . .
Какъ женщинѣ, — наряды нужны,
Наряды либы ей, — и вотъ,
Она подъ пѣною жемчужной
Какъ подъ фатою возстаетъ.
И, какъ невѣста молодая,
Причудамъ робкимъ уступая,
То подойдетъ, . . . то отойдетъ . . . .
Потомъ, вся въ искрахъ сребротканныхъ,
Вѣнцомъ алмазнымъ убрана, —

Digitized by Google

Какъ межъ рабынъ въ вѣно ей даныхъ, —
Межъ мелкихъ струй плыветъ она, —
Всплываетъ гордо и небрежно,
И взоръ прохожаго влечетъ,
И всё зоветъ его, . . . зоветъ
На лоно груди бѣлоснѣжной! . . . .
Она бѣжитъ . . . она спѣшитъ . . . .
Куда спѣшитъ, — не говоритъ! . . . .
Но улови волну живую,
Останови свободный токъ, —
Границу дай ей роковую,
И горный запруди потокъ: —
Смотри! — Въ плѣну у человѣка
Волна заснётъ, . . . волна замретъ, ...
И прудъ твой, меньше чѣмъ въ полвѣка,
Болотной тиной зарастетъ! . . . .
Тамъ, гдѣ струистою равниной
Бѣжала вольная рѣка, —
Тамъ, гдѣ роскошною картиной
Ключь билъ и падалъ съ-высока̀, —
Теперь, — всё смерть и запустѣнье,
Фонтанъ изсякшій, сонный прудъ, —
Въ природѣ жизнь, порывъ, движенье
Убилъ твой неразумный трудъ! . . . .
Въ духовномъ мірѣ точно тоже,
Когда въ твоемъ созданьи, Боже,
Стремленій пылкихъ мощь скуютъ,
Поработятъ страстей кипѣнья,
И сердца лучшія движенья
Въ немъ букой мертвою убьютъ! . . . .

Когда, опутанное глупо
Въ условной жизни тѣснотѣ, —
Оно испорчено и тупо
Въ своей душевной нищетѣ! . . . .

Вороново, 6-го Іюля, 1853 г.

Digitized by Google

LXVI.

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Звонитъ, ... гудитъ, ... дробится мѣлкой трелью
Валдайскій колокольчикъ удалой ....
Въ немъ слышется призывъ родной, —
Какое-то разгульное веселье,
Съ безумной, безотчётною тоской ....

Кто ѣдетъ тамъ? ... Куда? ... съ какою цѣлью? ....
Зачѣмъ? ... Къ кому? ... И ждётъ-ли кто-нибудь? ....
Трепещущую счастьемъ грудь
Смутитъ-ли колокольчикъ звонкой трелью? ...
Спѣшатъ, ... летятъ! ... Богъ съ ними ...
Добрый путь! ....

Вотъ съ мостика спустились на плотину, ...
Вотъ обогнули прудъ, и садъ, и домъ ....
Теперь поѣхали шашкомъ ....
Свернули въ паркъ аллеею старинной ....
И вотъ ямщикъ стегнулъ по-всѣмъ-по-трёмъ ....

Звенитъ, ... гудитъ, ... какъ будто бьетъ тре-
вогу,
Чтобъ мысль завлечь и сердце соблазнить! ....
И скучно стало сиднемъ жить, —
И хочется куда нибудь дорогу, ...
И хочется къ кому нибудь спѣшить! ....

Вороново, 27-го Августа, 1853 г.

Digitized by Google

LXVII.

НАПУТСТВІЕ ВЪ ПОХОДЪ.

Графу Петру Васильевичу Орлову-Денисову.
(Адъютанту Фельдмаршала Князя Паскевича.)

Васъ зовётъ война святая
Въ поле славы заглянуть:
Добрый путь вамъ до Дуная,
За Балканы добрый путь! . . . .

Поведетъ васъ вождь маститый,
И враги падутъ передъ нимъ;
Вѣдь не даромъ знаменитый
Тридцать лѣтъ непобѣдимъ! . . . .

Безъ Варшавскаго героя
Дѣлу знать не обойтись!
До него лишь ждали боя,
Лишь шутили, не дрались.

Но лишь только въ вражьемъ станѣ
Имя старца прозвучитъ, —
Ужаснутся Мусульмане,
Падижахъ ихъ задрожитъ! . . . .

Не спасутъ въ неправой брани
Ихъ Аллахъ и Магометъ;
Изъ могучей, Русской длани
Ихъ не вырветъ цѣлый свѣтъ!

Пусть всѣ Клапки, всѣ Кошуты
Къ нимъ на помощь прибѣгутъ! ....
Воры, бѣглецы и шуты
Только въ бездну ихъ столкнутъ!

Наше дѣло Божье дѣло! ....
Мы за братьевъ, за Христа! ....
Побѣдимъ и Западъ цѣлый
Силой вѣры и Креста! ....

Наше воинство честное
Страхомъ Божіемъ полно,
За отечество святое
Кровь и жизнь отдастъ оно! ....

Подъ стѣнами Цареграда
Скоро днёвка будетъ вамъ;
Онъ безъ боя, безъ осады, —
Всѣ врата отворитъ намъ!

Притекутъ къ Святой Софіи
Православные толпой
Помолиться о Россіи
Благодарною мольбой ....

Крестъ луну съ Софіи сгонитъ, —
И взамѣнъ колоколовъ
Русскій штыкъ тамъ оттрезвонитъ
Къ утрени священный зовъ! . . . .

И тогда, — сдержите слово! —
Только Іереевъ хоръ
Огласитъ обѣдней сновя
Торжествующій соборъ:

Въ день и часъ, что окропится
Вновь святой водою храмъ,
Что алтарь въ немъ освѣтится
Воскурится фиміамъ:

Вы колѣна преклоните
За меня предъ алтарёмъ,
За меня свѣчу зажгите
Предъ воздвигнутымъ Крестомъ! . . . .

Образокъ мнѣ, или чётки
Вы достаньте въ тотъ-же часъ
Отъ восторженной Перотки,
Прибѣжавшей встрѣтить васъ! . . . .

Я-же вамъ, взамѣнъ спасиба,
Пожелаю всей душой
Чтобъ отъ Турокъ вы пришли-бы
Возвѣщенные молвой!

Чтобъ прославили вы снова
Имя славнаго отца,
Чтобы стараго Орлова
Въ васъ Донцы нашли птенца! . . . .

Я желаю вамъ и раны,
И Георгія на грудь . . . .
Добрый путь вамъ за Балканы,
До Царь-града добрый путь! . . . .

Москва, 30-го Ноября, 1853 г.

Digitized by Google

LXVIII.

ДВѢ МАЗУРКИ.

Слова для Мазурокъ Шопена, пѣтыхъ по Испански Г-жею Віардо-Гарсія.

1.

Opera 6. Fa-dièze mineur.

ГРУСТЬ НЕВѢСТЫ.

Полночь бьетъ и свищетъ вьюга ....
Что̀ ты, дѣвушка, одна? ....
Что̀ не спишь? ... Иль ждешь ты друга,
Тороплива и блѣдна? ....

— «Да̀, я жду! ... Онъ обѣщалъ мнѣ
Посѣтить свой край родной ....
Онъ пріѣдетъ! ... Онъ писалъ мнѣ:
«Жди меня! примчусь съ зимой! ....

Въ бѣлый саванъ свой широкій
Вотъ зима ужъ облеклась.
Гдѣ-же милый? ... гдѣ-жъ далекій?
Иль забылъ совсѣмъ про насъ? ....

Вотъ и святки миновали ....
    Вотъ насталъ и Новый годъ ....
Нѣтъ его, изъ чуждой дали
    Онъ и вѣсточки не шлётъ ....

Знать везетъ ему тамъ счастье,
    Край родной ему не милъ, ...
Знать онъ счастливъ новой страстью,
    И невѣсту позабылъ? ....»

Нѣтъ, не плачь, не плачь, дѣвица,
    И на друга не пѣняй!
Вотъ письмо: скорѣй свѣтлицу
    Доброй вѣсти отворяй! ....

Вѣренъ онъ тебѣ въ чужбинѣ,
    Дышетъ тамъ тобой одной, ...
Онъ какъ прежде любитъ нынѣ
    Отчій домъ и край родной! ....

2.

Opera 7. Si-bemol majeur.

ПИСЬМО ОТЪ ДРУГА.

За морями, за горами,
Я одинъ въ странѣ чужой ....
Подъ чужими небесами
Вѣренъ я странѣ своей родной.

Тамъ живетъ моя денница,
Люба прежняя моя;
Свѣтлоокая дѣвица
Всё зовётъ и ждётъ меня ....

За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней;
Подъ чужими небесами
Вѣренъ первой милой я своей.

Я видалъ красавицъ много, ...
Много черныхъ, свѣтлыхъ глазъ
Сердце сладкою тревогой
Волновали мнѣ не разъ:

Но предъ этими глазами
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами,
Вѣренъ первой любѣ я своей! ....

Digitized by Google

И плѣнительнымъ видѣньемъ
Посвящалась пѣснь моя,
И минутнымъ искушеньямъ,
Грѣшный, предавался я! . . . .

Но и съ новыми мечтами
Не забылъ я прежнихъ дней,
За морями, за горами,
Вѣренъ прежней милой я своей! . . . .

Всё мнѣ снится кровъ родимый
Подъ синѣющимъ дымкомъ . . . .
Тамъ она, съ сестрой любимой
И съ сѣдымъ моимъ отцомъ . . . .

За морями, за горами,
Не забылъ я прежнихъ дней,
Я душой живу съ друзьями,
Съ первой милой любою моей! . . . .»

Вороново, Сентябрь, 1853 г.

Внушено посмертною статьею Листа о Шопенѣ, и его смерти.

LXIX.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

Посвящается Меропѣ Александровнѣ Новосильцовой.

И больно, и сладко,
Когда, при началѣ любви,
То сердце забьётся украдкой,
То въ жилахъ течетъ лихорадка,
То жаръ запылаетъ въ крови ....
И больно, и сладко! ....

Пробьетъ часъ свиданья, —
Подуня предательный взоръ,
Въ волненьи, въ томленьи незнанья,
Боясь и желая признанья, —
Начнешь и прервешь разговоръ, ...
И въ муку свиданье! ....

Не вымолвишь слова, ...
Нѣмѣешь, ... робѣешь, ... дрожишь ....
Душа, проклиняя оковы,
Вся въ рѣчи излиться-бъ готова ....
Но только глядишь и молчишь, —
Нѣтъ силы, нѣтъ слова! ....

Настанетъ разлука, —
И холодно, гордо простясь,
Уйдешь, съ своей тайной и мукой! . . . .
А въ сердцѣ истома и скука, —
И вѣчностью намъ каждый часъ,
И смерть намъ разлука! . . . .

И сладко и больно . . . .
И трепетъ безумный затихъ;
И сердцу легко и раздольно, ...
Слова полились-бы такъ вольно,
Но слушать ужъ некому ихъ, —
И сладко и больно! . . . .

2-го Февраля 1854 г.

Digitized by Google

LXX.

БЕЗСОННИЦА.

Безсонница, — мученье праздной лѣни, —
Люблю твой полу-бредъ въ безмолвный ночи часъ,
Когда уляжется дневная жизнь вкругъ насъ, —
И только въ сумракѣ нѣмыя бродятъ тѣни,
Бесѣдуя съ душой . . . Люблю я въ тишинѣ
Припоминать денныя впечатлѣнья,
Переживать прожитыя волненья,
И тайно повѣрять себя наединѣ! . . . .

Дѣйствительность тогда не существуетъ:
Холодный гнётъ ея насъ больше не тѣснитъ;
Съ ней всё условное, всё ложное молчитъ,
И въ сердцѣ истина святая торжествуетъ . . . .
Оковы свѣтскія сорвавъ, вздохнешь легко, —
И сбросишь радостно личину принужденья;
И дума, окрилѣвъ, въ міръ счастья и забвенья
Изъ міра внѣшняго взлѣтаетъ высоко! . . . .

Вотъ слышатся полу-слова, ... шептанья, ...
Мы дополняемъ ихъ догадливой мечтой! ....
И заблестятъ глаза ... И въ темнотѣ ночной
Свѣтлѣй въ душѣ горятъ воспоминанья ....
Не-ясно-сладостной надеждой умъ прельщенъ,
Всё невозможное вдругъ кажется возможно ....
И сердце бьется въ насъ, ... такъ страстно,
такъ тревожно! ....
И насъ баюкаетъ безъ сна волшебный сонъ ....

14-го Марта 1854 г.

Digitized by Google

LXXI.

ГОДОВЩИНА 19-ГО МАРТА.

Пѣсня достославнымъ Русскимъ Воинамъ, участвовавшимъ при взятіи Парижа.

Сей славный день, сей день благословенный
На братскій пиръ опять сзываетъ васъ,
Чтобъ торжество Россіи надъ вселенной
Отпраздновать въ веселый часъ!
Вы помните побѣды упоенье? . . .
То чудная была для васъ пора:
Царю небесъ гремѣли вы хваленье,
А Русскому Царю ура! . . . .

Хоть сорокъ лѣтъ со дня того минуло, —
Хоть многихъ, ужъ отбывшихъ, съ вами нѣтъ, —
Но радость въ васъ отвагой проглянула, —
Долой съ костей всѣ сорокъ лѣтъ! . . . .
Помолодѣвъ, расправьте станъ воинскій,
Къ плечу ружьё, тряхните стариной!
Припомните свой подвигъ исполинскій,
И славу родины святой! . . . .

Гордынею успѣха ослѣпленный,
И двадесять поднявъ на насъ племёнъ,
Русь сокрушить грозился дерзновенный
Европы бичь, — Наполеонъ!
Но Русь крѣпка для Вѣры Православной, —
Но Русь вѣрна въ любви къ своимъ Царямъ:
Дѣтей своихъ созвалъ Отецъ державный, —
На встрѣчу ихъ послалъ врагамъ. —

Русь дрогнула! . . . Возстало ополченье,
Бой закипѣлъ въ поляхъ Бородина . . . .
Горитъ Москва, какъ выкупъ за спасенье, ...
Березиной отмститъ она! . . . .
За свой рубежъ французовъ провожая
Вслѣдъ за собой побѣду Русь вела . . . .
Русь шла впередъ, Европу избавляя,
И за Москву Парижъ взяла! . . . .

Не помня зла, — какъ Ангелъ примиренья, —
Нашъ Александръ возсталъ среди Царей, —
Измѣнамъ ихъ Онъ даровалъ прощенье, —
Далъ міру миръ, какъ другъ людей! . . . .
Вы были съ Нимъ, защитники Россіи, —
Вы шли за Нимъ, полны любви къ Нему:
Хвала и честь вамъ, воины сѣдые, —
И память вѣчная Ему! . . . .

Опять война! . . . Наёмники Султана,
Кичливый Галлъ, сребролюбивый Бриттъ
Идутъ на насъ подъ знаменемъ Корана
И Русь одна за Крестъ стоитъ! . . . .

Digitized by Google

Но свѣжи въ ней всѣ силы молодыя, —
И Вождь по ней, — душею богатырь! . . . .
Велить, — солдатъ родитъ Ему Россія, —
Желѣзо съ златомъ дастъ Сибирь! . . . .

Онъ знаетъ насъ, — Онъ рекъ врагамъ Россіи:
«Милльонъ штыковъ могу послать на васъ! . . . .
«Велю, — ихъ будетъ два! . . . а попроси я, —
«Мнѣ три народъ мой дастъ сейчасъ! . . . .»
Отцы, сыновъ пошлите въ ополченье, —
За Русь, за честь и имъ на брань пора! . . . .
Царю небесъ греми, о Русь, хваленье,
А Русскому Царю ура! . . . .

Сложено по случаю воинскаго обѣда у Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора, Графа Арсенія Андреевича Закревскаго, даваемаго 19-го Марта, для воиновъ всѣхъ чиновъ, начиная съ рядовыхъ, которые находились при взятіи Парижа, и вступленіе въ него въ 1814-мъ году, 19-го Марта.

Москва, 16-го Марта, 1854 г.

Digitized by Google

LXXII.

ЛЮБОВЬ И НЕ-ЛЮБОВЬ.

Нѣтъ, — не любовь въ гостинной позлащенной
У франта моднаго съ кокеткой раздушенной,
Имъ оживлаетъ умъ, слегка волнуетъ кровь,
Досугъ ихъ веселитъ приманкой незаконной,
И цѣль тщеславную дастъ жизни пустозвонной ....
Нѣтъ! это прихоть, — не любовь! ....

И не любовь въ привольи жизни шумной
У ногъ наёмницы, въ горячности безумной,
Обманомъ пьяная находитъ молодёжъ ....
Отъ пира вновь на пиръ рой юношей несется,
Изъ рукъ ихъ золото, вино въ бокалы льется ....
Нѣтъ! не любовь то, а кутежъ! ....

Но если вдругъ, — испытанные оба
Житейскою грозой и свѣта мѣткой злобой, —
Сойдутся, сблизятся два сердца невзначай, —

Другъ въ другѣ всё найдутъ чего ужъ не искали, —
О чемъ всю жизнь свою напрасно лишь мечтали, —
И на землѣ завидятъ рай:

Но рай запретный имъ, имъ недоступный; —
Когда они срослись тоскою совокупной,
И въ страсти пламенной помолодѣли вновь, —
И тайная ихъ страсть растетъ въ борьбѣ, въ отпорѣ, —
Не выльется въ словахъ, . . . не заблеститъ во взорѣ; —
Вотъ мука, счастье и любовь!!! . . . .

17-го Марта, 1854 г.

LXXIII.

ЭПИЛОГЪ ....

Они при ней сказали чьё-то имя, ... —
И поблѣднѣвъ, задумалась она ....
Изъ устъ трепещущихъ молитва чуть слышна:
«Отецъ! Отецъ! ... не соблазни-мя! ....» —

Нѣтъ! никогда то имя роковое
Ей не слыхать безъ слёзъ и безъ тоски! ....
Хоть вымерла любовь, дни счастья далеки, —
Но въ немъ звучитъ еще былое! ....

Въ немъ говорятъ и молодость, и радость,
И первая любовь, любовь столь многихъ лѣтъ ....
Святыхъ надеждъ залогъ, минувшаго завѣтъ, —
И горѣчь въ немъ, и вмѣстѣ сладость! ....

О чемъ теперь ея нѣмая дума? ....
Зачѣмъ слеза повисла на щекѣ? ....
Жалѣетъ-ли она въ безвремянной тоскѣ
О томъ, что̀ ихъ разрознило безъ шума? ....

Digitized by Google

Нѣтъ! не о томъ! . . . Она въ самозабвеньи
Не о себѣ и плачетъ и груститъ:
Ей страшно за него, . . . и сердце въ ней дрожитъ
Лишь за него, и за его спасенье! . . . .

Онъ на пути къ опасностямъ, ко славѣ:
Онъ ѣдетъ въ даль, . . . въ походъ, . . . на грозный бой:
Она напутствуетъ его своей мольбой, —
Жалѣть о немъ она не въ правѣ! . . . .

18-го Марта 1854 г.

Digitized by Google

LXXIV.

ХРИСТІАНАМЪ,

ВОЗСТАВШИМЪ НА ВОСТОКѢ, ЗА СВЯТУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ, И ЗА ГОНИМЫХЪ БРАТЬЕВЪ СВОИХЪ.

«Ἐν τούτῳ νίκα» (Симъ побѣдиши).

Съ вами Богъ! съ вами Богъ!!! Ополчайтесь, Эллины! . .
Пусть Луна побѣжитъ отъ Креста! . . . .
Пусть мечети падутъ, . . . пусть падутъ Муэцины
Предъ святою хоругвью Христа! . . . .

Голубая хоругвь водитъ Божью дружину:
Бѣлый Крестъ: вкругъ него тѣ слова,
Что явясь въ небесахъ, предрекли Константину
День крещенья и день торжества . . . .

Digitized by Google

Не съ отвагой слѣпой, не съ гордыней безумной,
Не съ хулой нечестивой въ устахъ
Вы идете на бой, — и не музыки шумной, —
Звукъ псалмовъ въ вашихъ слышенъ рядахъ!....

Освятили себя вы постомъ и молитвой, —
Вы простились съ семьею родной,
И честные Отцы предъ народною битвой
Васъ кропили святою водой.

Въ благородныхъ сердцахъ чистой жертвы сознанье,
Вѣра крѣпкая, старая честь ....
Вы услышали плачъ, — плѣнныхъ братьевъ призванья,
И возстали на кровную месть! ....

Вы забыли спросить, въ сколько разъ васъ сильнѣе
Общій врагъ, — давній врагъ христіанъ, —
Гдѣ тьма полчищъ его, — изъ пашей, кто всѣхъ злѣе, —
Кто всѣхъ тверже стоитъ за коранъ? ...

Не развѣдали вы, сколько пушекъ въ подмогу
И судовъ имъ пришлетъ Альбіонъ? ....
Вы на смерть обреклись Панагіи и Богу, —
Маккавеи новѣйшихъ временъ! ....

И не чудилось вамъ, что народъ просвѣщенный
Заключитъ съ дикарями союзъ,
Что съ невѣрнымъ въ строю станетъ воинъ крещенный,
Въ Туркѣ брата обниметъ Французъ! . . . .

Вамъ на Сѣверѣ братъ, . . . братъ родной, православный, —
То великій Славянскій народъ! . . . .
Русь святая сестра вамъ! . . . И Отецъ нашъ державный, —
Не покинетъ васъ, бѣдныхъ сиротъ! . . . .

Не оставитъ Онъ васъ на позоръ и гоненья
У враговъ нечестивыхъ въ рукахъ! . . . .
Переполнена чаша обидъ и терпѣнья, —
Кликъ возстанья раздался въ горахъ . . . .

И не даромъ изъ гнѣздъ своихъ бурныя птицы*)
Какъ гдашатаи брани взвились,
Возвѣстили о всходѣ кровавой денницы, —
И Эллиновъ сбирать понеслись! . . . .

И не даромъ спѣшатъ старики подъ знамёна,
Дѣти смѣло къ отцамъ пристаютъ, ...
И послѣднюю драхму Эллинскія жёны
Для отчизны родной отдаютъ! . . . .

*) Бурными птицами зовутъ Турки Монаховъ Святой-Аѳонской Горы, поборниковъ православія.

Съ вами Богъ!... съ вами Богъ!... Ополчайтесь Эллины, —
Пусть Луна побѣжитъ отъ Креста!....
Пусть мечети падутъ, пусть молчатъ муэццины
Предъ святою хоругвью Христа!....

25-го Марта, 1854 г.

Digitized by Google

LXXV.

ОТВѢТЪ НѢКОТОРЫМЪ БЕЗЪИМЯННЫМЪ СТИХОТВОРЕНЬЯМЪ.

Самъ Богъ сказалъ: «Чти мать свою!»
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Позоришь бранію неправой
Ты мать родимую твою!
Когда, въ лжемудрости надменной
И честь и совѣсть погубя,
Разишь рукою дерзновенной
Грудь воскормившую тебя! . . . .

И грѣхъ и стыдъ вамъ, лже-поэты,
Клеветники Руси святой,
Что въ день и часъ сей роковой
Одни въ разладѣ вы съ толпой,
Ея любовью не согрѣты;
Что васъ она не увлекла
Восторгомъ православной битвы.
Что нечестивая хула
Отвѣтъ вашъ на ея молитвы! . . . .

И грѣхъ, и стыдъ, и горе вамъ
Что смѣетъ вашъ языкъ коварный,
Вашъ злобный стихъ вызокопарный
Шептать укоръ неблагодарный
Отчизны переданнымъ сынамъ; —
Что съ вражьей зоркостію ока
Окинувъ Русь во всѣ концы,
Въ ней лишь предлоги для упрека,
Добра въ ней не нашли, слѣпцы! . . . .

Она-же, наша Русь святая,
Васъ не казнитъ, не проклянетъ,
Но лихомъ вспомнитъ васъ народъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Пройдетъ молва о васъ худая,
Позорнымъ прозвищемъ клеймить
Васъ будетъ вѣрное преданье,
И малымъ дѣтямъ въ поруганье,
Вѣкъ имя ваше будетъ жить! . . . .

Москва, 9-го Апрѣля, 1854 г.

Digitized by Google

LXXVI.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

Княгинѣ Маріи Ив. Голицыной, рожденной Похвисневой, въ Тифлисѣ.

Бывало, я при нёмъ живѣе
Одушевлѣннѣе была;
И смѣхъ звучалъ мой веселѣе,
И рѣчь свободнѣе текла . . . .

При немъ, я на другихъ смотрѣла,
Ему слегка бросая взоръ;
Лишь слова два подъ часъ умѣла
Вплесть для него въ свой разговоръ . . . .

Какъ будто я не замѣчала
Что онъ всё туть, всё занятъ мной;
Какъ будто холодно встрѣчала
Привѣтъ мнѣ втайнѣ дорогой : . . .

Теперь, . . . о нѣтъ! . . . совсѣмъ другое,
Я измѣнилась, я не та . . . .
Въ толпѣ, мнѣ мнится насъ лишъ двое,
И только имъ я занята.

Digitized by Google

Другіе въ тягость мнѣ! . . . Нѣтъ силы
Для нихъ терять слова его:
И только-бъ съ нимъ я говорила,
И всё-бъ смотрѣла на него! . . . .

15-го Марта, 1854 г.

Digitized by Google

LXXVII.

ОТЖИВШАЯ ДУША.

Фантастическая Ораторія.

Продолженіе старинной піэсы: «Неживша Душа.»

Хоръ Нежившихъ Душъ.

Царь небесъ, Царь небесъ,
О зиждитель чудесъ,
О создатель всего міроздания, —
Мы младенцы Твои
Поселенцы земли,
Вѣчно ждущіе къ жизни призванія, —
Мы мольбой и хвалой,
И денной и ночной
Пѣснословимъ Тебѣ, Безконечному! . . . .
Намъ невидимый хоръ
Душъ неживших соборъ
Лишь глаголъ похвалы Вѣковѣчному! . . . .

Кто велѣлъ зарѣ румяной
Смертныхъ утромъ озарить?
Кто послалъ изъ океана
Солнце имъ, чтобъ имъ свѣтить?....

Кто сказалъ веснѣ душистой
Благодатью вѣять имъ?
Лѣтомъ, жатвой золотистой
Кто воздалъ трудамъ людскимъ?....

Какъ невѣсту, кто природу
Разукрасилъ, разодѣлъ?
Кто сафировому своду
Сѣнью ей служить велѣлъ?

Благородные металлы
Въ мракѣ бездны кто сокрылъ, —
Чтобъ ихъ сила замѣняла
Слабость человѣчьихъ силъ?....

Кто послалъ въ благоволѣньи
Человѣку трудъ и сонъ,
Чтобъ съ ихъ помощью забвенье
Обрѣталъ вседневно онъ?....

Это Ты, Царь небесъ,
О зиждитель чудесъ,
О создатель всего мирозданія!....
И мы славимъ Тебя,
И мы хвалимъ Тебя,
И намъ вторятъ съ земли вся дыханія!....

Digitized by Google

Ангелъ смерти.

Молитесь, чистыя, молитесь!
Угодна Господу мольба! . . . .
Не преставайте, не лѣнитесь . . . .
Въ сей день рѣшается судьба
Души, низпосланной на землю,
Чтобъ жажду жизни утолить,
Чтобъ чашу жизни осушить . . . .
Пришелъ кончины часъ: я внемлю
Ея предсмертный, тяжкій вздохъ,
Ея предсмертныя боренья . . . .
Творите вы о ней моленья,
Да приметъ въ вѣчныя селенья
Новопредставленную Богъ! . . . .
Но бренная тяжка обуза:
Я муку бѣдной утолю, —
Сниму съ нея земныя узы,
И духъ отъ персти отдѣлю! . . . .
Освободясь, — къ преддверью рая
Она со мною прилетитъ:
И здѣсь, Всеблагость Трисвятая
Помилуя, иль осуждая,
Её отвергнетъ, иль проститъ!

Хоръ прощенныхъ грѣшницъ.

Господи, Господи! внемли моленіямъ
Грѣшницъ искупленныхъ, грѣшницъ испытанныхъ! . . .

Digitized by Google

Служимъ Тебѣ мы покорнымъ смиреніемъ,
Служимъ Тебѣ мы немолчнымъ хваленіемъ,
Тайной заслугою слёзъ неисчитанныхъ,
Ранъ незвѣданныхъ, воплей неслышанныхъ:
Мы за сестру свою просимъ болящую:
Смилуйся, Господи, призри скорбящую! ! . . .
Послѣ страданія, дай ей покой,
Дай ей забвенье тревоги мірской! . . .

Одинъ голосъ.

Узы жизни разрѣши,
Сердца битву утиши,
Уврачуй, спаси, помилуй, —
Обновленной, легкокрылой,
Повели предстать Души! . . . .

Ветхозавѣтная Сюламитка.

Тварь Свою, Творецъ, не бросишь Ты?
Гибель грѣшника, Отецъ, не хочешь Ты? . . . .
Дочь земли да будетъ прощена! . . . .
Покаянія огнемъ очищена,
Горькихъ слёзъ росой убѣлена, —
Какъ невѣстя, ждётъ у вратъ она:
Брачную одежду даруй ей,
Ей въ чертогъ Твой дай войти скорѣй!

Digitized by Google

Магдалина.

Спасе мой, — у Фарисея
Помнишь, — разъ Ты вечерялъ, —
Вдругъ, жена вошла, краснѣя,
И въ рукахъ несла фіалъ . . . .
На колѣнахъ предъ Тобою
Умиленна, смущена,
Ноги мурой дорогою
Облила Тебѣ она . . . .
Ихъ слезами оросила,
Ихъ лобзаньемъ осушила,
И распущенной косой
Ихъ съ любовью утирала . . . .
Громкимъ плачемъ предвѣщала
Міру гробъ трехъ-дневный Твой . . . .
А толпа, главой кивая,
Посылала ей укоръ,
И шептала, осуждая,
Свой нещадный приговоръ . . . .
Ты-же сжалился надъ нею! . . . .
Ты забылъ ея вину, —
И въ досаду Фарисею,
Рѣчью кроткою своею
Падшую воздвигъ жену! . . . .
Ты простилъ многолюбившей, —
Многогрѣшную поднялъ . . . .
Ты дары ея пріялъ, —
И толпѣ, ее судившей,
Замолчать Ты приказалъ! . . . .

Digitized by Google

И она, — что умираетъ
Тамъ, въ подлунныхъ сторонахъ, —
Что томится и страдаетъ,
Покидая бренный прахъ, —
И она, какъ я, грѣшила, —
Дочь земли, землей была,
Дочь суетъ, въ міру жила....
Но за то, она любила,....
И завѣтъ Твой сохранила,
Свято вѣру сберегла....
О, погибшихъ Спаситель!
О, скорбящихъ Исцѣлитель!
Исцѣли, спаси ее,....
И прими ее, Учитель,
Въ царство вѣчное Твое!....

Хоръ отжившихъ поэтовъ.

Ты самъ, Господь, лучъ яркій вдохновенья
Надъ головой невинною зажегъ;
Ты пѣсни даръ, даръ сдова и творенья
Ей низпослалъ, какъ тайныхъ мукъ залогъ;
Ты страстностью болѣзненно-тревожной
Межъ женъ земныхъ отмѣтилъ Самъ ее, —
И потому, ей было невозможно
И тѣсно дольнее житье! —

Когда въ пылу житейской жаркой битвы
Изнемогалъ смятенный разумъ въ ней,

Digitized by Google

Тебѣ она и пѣсни и молитвы
Усердныя слагала средь скорбей;
Къ тебѣ она всечасно возсылала
И сердца вздохъ, и вопль призывный свой, —
И никогда въ страданьяхъ не роптала,
И крестъ несла покорно свой.

Сухой разборъ надменныхъ лжеученій
Не заразилъ ея смиренный духъ;
Въ тлетворный вѣкъ соблазна и сомнѣній
Не усумнился онъ, и не потухъ.
Не мудрствуя, — простая Христіанка,
И вѣрила, и плакала она:
Пусть днесь она, какъ встарь Самаритянка,
За вѣру будетъ спасена! . . . .

Ангелъ смерти.

Отворитеся, врата
Горняго эдема! . . . .
Ужъ съ изгнанницы снята
Жизни анаѳема! . . . .
Плѣнъ расторгнувши земной,
Въ ризѣ бѣлотканной,
Миръ у пристани святой
Ждетъ она желанный . . . .
Отворитеся, врата
Горняго эдема! . . . .

Отживжая душа.

Я здѣсь! . . . я здѣсь! . . . я возвратилась!! . . .
Окончен онъ, мой путь земной;
Предназначенье совершилось
Надъ бѣдной страстною Душой . . . .
Я здѣсь! . . . Пройдя чрезъ всѣ мытарства
Житейскихъ битвъ, житейскихъ смутъ, —
Я жду у вратъ Святаго Царства:
Уже-ль мнѣ ихъ не отопрутъ? . . . .

Ангелъ суда.

Войди! . . . Итогъ твоихъ дѣяній,
Заслугъ, проступковъ и страданій,
Въ предвѣчной книгѣ бытія
Земныхъ существъ, провѣрилъ я:
Страницъ грѣховныхъ много было; —
Но много слёзъ ихъ искупило; —
Счётъ слёзамъ знаютъ въ небесахъ! . . .
На правосудія вѣсахъ
Добро и зло я взвѣсилъ нынѣ;
Ты прощена! . . . Такъ благостынѣ
Угодно высшей! . . . Миръ съ тобой, ...
Хвала и слава Тризвятой! . . . .

Хоръ нежившихъ душъ.

Здравствуй, прежная сестра,
Здравствуй, странница! . . . Пора! . . .

Digitized by Google

Наконецъ пришла ты! . . . .
Разскажи, какъ ты жила?
Что̀ земля? Добра иль зла
Больше въ ней нашла ты? . . .
Велика она? . . . Прекрасна? . . . .
Хорошо, или опасно
Жить на ней, сестрица? . . . .
Ты всю правду намъ повѣдай! . . . .
Просвѣти своей бесѣдой
Насъ, земли жилица! . . . .

Хоръ отжившихъ грѣшницъ.

Повѣдай намъ, скажи, дщерь заблужденья,
Земля и жизнь насытили-ль тебя? . . . .
Нашла-ли ты надеждямъ исполненье?
Желаніямъ нашла-ли утолѣнье,
И счастіе нашла-ли ты, любя? . . . .
Томимая незнаньемъ безпокойнымъ,
Ты знать рвалась, просилась жить, любить . . . .
Въ борьбѣ страстей и въ ихъ разгарѣ знойномъ
Ты мнила цѣль мечтамъ своимъ открыть: —
Довольна-ль ты и жизнью и землею,
И въ мирѣ-ли теперь сама съ собою? . . . .

Отжившая душа.

Нѣтъ! . . . Все обманъ и ложь пустая
Въ томъ мірѣ горя и суетъ! . . . .

Любви и счастья не нашла я
Тамъ, гдѣ любви и счастья нѣтъ! . . . .
Устала я отъ муки скрытной,
Отъ явныхъ слёзъ своихъ равно: —
Но мнѣ, до жизни ненасытной,
Мнѣ жизнью не было дано
Упиться до-сыта и въ-волю . . . .
Не въ мѣру силъ и требъ моихъ,
Не полную мнѣ дали долю, —
Участки лишь отъ благъ земныхъ! . . . .
Нѣтъ! . . . Не нашла я исполненья
Того, что̀ пламенно ждала . . . .
Усталость есть-ли утолѣнье? . . . .
Я утолиться не могла! . . . .
Желанье жить, познанья жажда,
И жажда дѣйствій и страстей,
Ничто̀ въ сообществѣ людей
Не утолилось ни однажды . . . .
Жизнь не далась земная мнѣ!! . . . .
Вотще безумному стремленью
Я предавалася вполнѣ,
И подвергаясь искушенью,
Металась въ бурѣ и огнѣ . . . .
Вотще ждала и призывала
Просторъ широкій бытія . . . .
Земля вездѣ меня стѣсняла, —
Подъ небомъ задыхалась я! . . . .
Вотще за призракомъ гонялась,
Ловила жадно дымъ и тѣнь . . . .
Я заблуждалась, ошибалась

И каждый часъ и каждый день . . . .
Ничтó вполнѣ не отвѣчало
Тоскѣ взыскательной моей! . . . .
Чтò было мило, — то скорѣй
И безпощаднѣй исчезало,
То мнѣ коварнѣй измѣняло! . . . .
Иль слишкомъ мало жизнь дала,
Иль я просила слишкомъ много, —
Но только, кончена дорога, —
А я твержу: я не жила! . . . .

Хоръ выстраданныхъ душъ.

Ненасытная, ненасытная! . . . .
Пусть земля бѣдна, — ты взыскательна! . . . .
Ты пришла туда съ мукой скрытною,
Съ искрой молніи зажигательной;
Ты ждала себѣ благъ неслышанныхъ,
Счастья чуднаго, невозможнаго . . . .
Вмѣсто радостей неиспытанныхъ
Обняла лишь тѣнь счастья ложнаго! . . . .
Не сама-ль, скажи, виновата ты,
Что измучилась жаждой вѣчною?
Что игралищемъ ты была мечты, —
Извелась тоской ты сердечною? . . . .

Отжившая душа.

Кѣмъ создана я? . . . .
Кто далъ мнѣ жизнь и страсть?

И чья святая власть,
Меня рождая
И въ бурѣ и огнѣ, —
Горѣть, любить, страдать велѣла мнѣ? ....
Не я, не я сама въ себя вложила
Зародышь скорби роковой! ....
Не я стремленья, воли, силы
Исполнила духъ ненасытный свой! ....
Зачѣмъ меня винить въ богатствѣ тщетномъ
Способностей и чувствъ моихъ? ....
Мы не отвѣтствуемъ за нихъ, —
Они залогомъ тайнымъ и завѣтнымъ
Даны намъ свыше! .... Мы должны лишь отвѣчать
За помыслы свой и за дѣянья;
И то предъ Господомъ однимъ! .... Насъ обвинятъ,
Насъ вопрошатъ,
Не вамъ, не вамъ, — надмѣнныя созданья! ....
Оставьте Божье Богови! ... Ему,
Создателю благому моему,
Я дамъ отчётъ въ житьѣ моемъ юдольномъ, —
И въ немощахъ, и въ ропотѣ невольномъ! ....
Раскаянье мое Онъ видѣлъ въ смертный часъ, —
Пусть судитъ Онъ! ... — А вы, а вы молчите
Упреками, участьемъ пощадите! ....
Я не прошу, я не хочу отъ васъ
Сочувствія къ страданьямъ незнакомымъ,
Или забытымъ вами! .... Если вы
Любовію святой ко мнѣ влекомы, —

Digitized by Google

Молитесь за меня престолу Еговы,
Чтобъ мнѣ избавиться житейскія истомы, ...
Молитесь, чтобъ онъ далъ забвенье, миръ, покой
Измученной изгнанницѣ земной! ...

Ангелъ суда.

Войди, войди въ эдемъ желанный! ....
Одѣнься ризой бѣлотканной,
Безсмертья крылья обнови! ....
Но сорвала-ль съ земной одеждой
Съ себя земныя ты надежды,
И цѣпи гнѣва и любви? ....
Готова-ль ты для жизни новой? ....
Себя безъ лести испытай, —
И молви примиренья слово, —
И вновь вступи въ отверзтый рай! ....

Отжившая душа.

Всё кончено межъ жизнію и мною! ....
Я отреклась суетъ мірскихъ,
Оторвалась и сердцемъ и мечтою
Отъ всѣхъ непрочныхъ благъ земныхъ! ....

И ничего въ томъ мірѣ не осталось
О чемъ-бы пожалѣла я ....
Житейскихъ чаръ вся прелесть миновалась, —
Имъ не опутать вновь меня! ....

Простила злымъ врагамъ своимъ давно я, —
Могу и лже-друзьямъ простить ....
Могу безъ слёзъ, безъ муки и безъ боя
И позабыть, и разлюбить! ....

Я не ропщу, я даже не жалѣю
Что я испытана была, —
Я лучше сознаю, я больше разумѣю,
Нѣть! нѣть! ... не даромъ я жила! ...

Господь проститъ грѣхамъ моимъ незлобнымъ,
Невольной слабости моей, —
И можетъ быть, меня въ прощаніи надгробномъ
Добромъ помянутъ у людей! ....

Общій хоръ блаженныхъ душъ.

Слава, хвала, поклоненье
Вышнему въ горнихъ странахъ! ....
Души огня и томленья,
Души любви и стремленья, —
Нѣтъ вамъ житья и спасенья
У земнородныхъ въ гостяхъ! ....
Жизнь на землѣ скоротечна,
Горе вамъ путникамъ тамъ, —
Только у насъ, въ жизни вѣчной,
Миръ и покой дастся вамъ! ....

Вороново, 1854—1855 г.

LXXVIII.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Въ альбомъ Я. П. Полонскаго.

Здорово иногда, хоть волей, хоть неволей,
Отъ жизни городской урваться въ глушь лѣсовъ,
Забыть счётъ днямъ своимъ и мѣрный ходъ часовъ, —
Тревогамъ и трудамъ не жертвуемыхъ болѣй ....
Съ своею мыслію, съ собой на единѣ
Сосредоточиться, . . . прервать совсѣмъ на время
Нашъ бытъ искуственный, стряхнуть заботы бремя,
Природы жизнію простою жить вполнѣ . . . .
Дышать всей нѣгою дней лѣтнихъ или вешнихъ,
Укрыться въ зелени, подъ листвою густой,
Лѣнясь, блаженствуя, лежать въ травѣ сырой,
Подъ пѣснью птицъ лѣсныхъ, подъ шумъ гармоній внѣшнихъ
И внутреннихъ! . . . Тогда, душа проснувшись въ насъ
Подъ общій, дивный строй подладится невольно,
И ей легко, свѣжо, отрадно и раздольно,

И съ ней вселенная заговоритъ тотчасъ ....
Умѣй лишь понимать! ... Имѣй лишь слухъ да око,
Отъ самого себя на время отрекись,
И въ созерцаніе, въ молитву претворись, —
Близка поэзія, до вѣры недалёко! ....
Сначала по складамъ, потомъ смѣлѣй читай
Въ предвѣчной хартіи, во книгѣ мірозданья;
И радуйся дарамъ святаго пониманья ....
Но къ мертвымъ письменамъ свой взоръ не обращай,
Не распечатывай ни писемъ, ни журналовъ, ...
Забудь и свѣтъ и вѣкъ! ... Лишь изрѣдка открыть
Поэтовъ избранныхъ дозволено, — чтобъ жить
Въ высокомъ обществѣ безмертныхъ идеаловъ....
И сердцемъ освѣжась, и отдохнувъ душой,
Мыслитель и поэтъ вернется въ шумъ столичный,
Къ начатому труду, къ своей борьбѣ обычной,
Сильнѣй, могучѣе, бойцемъ готовымъ въ бой!

Вороново, 10-го Іюля, 1854 г.

LXXIX.

ГОСПОДЬ ЗОВЕТЪ.

Послѣ смерти Софьи А. Р... ой.

Господь зоветъ! ... Утрата за утратой
Намъ измѣряетъ жизни путь,
Что̀ день, то смерть возьметъ иль друга, или брата,
И нѣкому ужъ руку протянуть ....
Пустѣетъ домъ и кругъ любимый нами,
Кладбище милыхъ намъ растетъ себѣ, растетъ,
И мѣста ужъ себѣ мы ищемъ межъ гробами ....
Господь зоветъ, Господь зоветъ! ....

Мы чужды и смѣшны для новыхъ поколѣній, ...
Расторглась цѣпь межъ нихъ и насъ ....
Межъ нихъ, былаго мы глашатаи и тѣни,
И не для насъ грядущій часъ! ...
Намъ жизнь коварная обманомъ за обманомъ
Открыла ложь своихъ кразотъ, —
Мы видимъ ихъ тщету подъ призрачнымъ туманомъ, ...
Господь зоветъ, Господь зоветъ! ....

Загадки, нѣкогда заманчиво-волшебной
Мы разгадали смыслъ пустой ....
Полу-насмѣшливо, полу-хвалебно
Послѣдній приговоръ произнесли мы свой
И свѣту, и себѣ, и всѣмъ былымъ тревогамъ;
Усталая душа о мірѣ вопіетъ,
И алчетъ одного: скорѣе слиться съ Богомъ! ....
Пора пришла, — Господь советъ! ....

Вороново, Августъ, 1854 г.

Digitized by Google

LXXX.

НА ОСВЯЩЕНІЕ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ,

ВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ БОГОДѢЛЬНѢ.

Великій день, значенья полный,
И многій памятный сердцамъ!
Текутъ въ возобновленный храмъ
Народы радостныя волны;
Соборомъ служатъ; клиръ гласитъ
Напѣвомъ древнимъ Антифоны,
И Византійскія иконы
Окладъ старинный золотитъ.

Сегодня, въ Церкви Православной
Любви и мира торжество:
Она зоветъ на празднество
Своей побѣды достославной:
Ея отпавшіе сыны
Пришли опять въ Ея объятья;
Давно-желаемы братья
Сегодня намъ возвращены.

Digitized by Google

Хвала тебѣ, о Мать Святая!
Ты приняла своихъ дѣтей,
Съ благой терпимостью Своей
Всемилосердно имъ прощая.
Хвала, духовный нашъ Отецъ,
Нашъ Архипастырь вдохновенный!
Ты словомъ истины священной
Проникъ имъ въ глубину сердецъ!

Ты снялъ повязку заблужденья
Съ глазъ добровольныхъ сихъ слѣпцовъ,
Внутри колеблемыхъ умовъ
Разсѣялъ тайный мракъ сомнѣнья;
Гремя на ересь и расколъ,
Щадить умѣлъ ты увлеченныхъ, —
И убѣдивши обращенныхъ,
Нхъ въ православіе привелъ! —

И насъ, свидѣтелей, здѣсь много;
Всѣ Бога мы благодаримъ,
Всѣ радостно обнять спѣшимъ
Пришедшихъ къ намъ во имя Бога.
Пусть съ нами Ангелы съ небесъ
Ликуютъ радостію вельей:
На православномъ новосельѣ
Единой вѣры храмъ воскресъ!

Москва, 19-го Декабря, 1854 г.

LXXXI.

ПѢСНА РУССКИМЪ ВОИНАМЪ, РАНЕНЫМЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ,

СЛОЖЕННАЯ ДЛЯ СПЕКТАКЛА ЛЮБИТЕЛЕЙ ВЪ ИХЪ ПОЛЬЗУ.

Защитники страны родной,
О вы, чья кровь лилась рѣкой
За Русь Святую нашу, —
Пусть голосъ нашъ къ вамъ долетитъ:
Васъ всѣхъ Москва благодаритъ
За кровь и жертву вашу!

Вы лихо, милые, дрались;
Вы въ поле ратное неслись
Грозой на супостата;
За Севастопольской стѣной
Держался грудью Русской строй:
Спасибо вамъ, ребята! . . . .

Digitized by Google

Вся русская твердитъ семья:
«Хвала и слава вамъ, друзья,
И многи, многи лѣта! . . . .»
Хвала, солдатушки, вождямъ,
Они примѣромъ служатъ вамъ, —
Спасибо имъ за это! . . . .

Тебѣ спасибо, вождь сѣдой:
Уменъ и твердъ ты, — Богъ съ тобой;
Богъ дастъ, намъ Крымъ спасешь ты! . . .
Да́! жребій твой всѣхъ тяжелей:
Ты сторожъ Русскихъ рубежей . . . .
За всё отвѣтъ несешь ты!

Отъ всей души спасибо вамъ,
Двумъ юнымъ Царскимъ Сыновьямъ,
Царевичамъ прекраснымъ!
Съ солдатомъ рядомъ, вы въ строю
Подвергли пулямъ грудь свою
Съ спокойствіемъ безстрастнымъ.

Хвала вамъ, славные бойцы!
Вамъ, наши свѣты-молодцы,
Упавшимъ въ жаркомъ боѣ! . . . .
Мольбой за васъ мы чтимъ вашъ прахъ,
И память вѣчную въ сердцахъ
Вамъ сохранимъ, герои!

Digitized by Google

Корниловъ храбрый, — ты тужилъ
Что недовольно послужилъ
Царю, отчизнѣ, Богу:
Утѣшься! . . . . Смертію честной
Другимъ сынамъ страны родной
Ты указалъ дорогу!

Свершить свой подвигъ начатой
Не могъ ты, воинъ удалой,
Нашъ Соймоновъ безстрашный!
Ты въ вражій станъ какъ громъ проникъ;
Твой нагулялся смѣлый штыкъ
Средь битвы рукопашной! . . . .

Въ Царь-градѣ двѣ могилы есть:
Двумъ Русскимъ ихъ воздвигла честь;
Тамъ Гогиновъ, Щелкановъ . . . .
Передовые наши тамъ
Легли угрозою врагамъ,
Въ виду самихъ Балкановъ.

Когда нибудь . . . . Но что̀ слова? . . . .
Сегодня матушка-Москва
Васъ чествуетъ и славитъ;
Настанетъ день, придетъ пора, —
Она воскликнетъ вамъ ура!
Съ побѣдой васъ поздравитъ! . . . .

Digitized by Google

Вотъ вамъ, отъ имени Москвы,
Сердечный даръ, чтобъ были вы
И сыты, и согрѣты!
Пусть васъ Господь на Новый-Годъ
Здоровье съ счастіемъ пошлетъ,
И многи, многи лѣта! . . . .

Москва, 1 Январь, 1855 г.

Digitized by Google

LXXXII.

ГОЛУБАЯ ДУШЕГРѢЙКА.

Слова для музыки.

Ножка, ножка чародѣйка,
Глазки дѣвицы-души,
Голубая душегрѣйка, —
Какъ вы были хороши! . . . .

Помню, помню какъ бывало
Въ зимню пору, вечеркомъ,
Свѣтъ-красотка выбѣгала
Погулять со мной тайкомъ! . . . .

Пусть журила мать старушка,
Пусть ворчалъ отецъ сѣдой, —
Выпорхала ихъ рѣзвушка
Птичкой вольной и живой.

Помню радость жданой встрѣчи
Нѣжный взглядъ, неволный страхъ,
Помню ласковыя рѣчи
И румянецъ на щекахъ.

Digitized by Google

Помню бѣленькую ручку,
Перстенёкъ изъ бирюзы, ...
Помню пѣсню самоучку,
Дѣтскій, смѣхъ, и блескъ слезы.

Помню муку разставанья
И прощальный поцѣлуй . . . .
Эхъ! . . . молчи воспоминанье! . . . .
Полно сердце, не тоскуй! . . . .

Не вернуть тебѣ былаго,
Стары годы не придутъ! . . . .
Жадныхъ устъ моихъ ужъ снова
Поцѣлуи не сожгутъ! . . . .

Ножка, ножка чародѣйка,
Глазки дѣвицы души,
Голубая душегрѣйка, ...
Какъ вы были хороши! . . . .

LXXXIII.

МОЛИТВА ОБЪ ОПОЛЧЕННЫХЪ,

сложенная въ Часовнѣ Иверской Богоматери, въ день праздника Чудотворной Иконы и открытія Московскихъ выборовъ по ополченью.

Заступница усердная
  Молящейся Руси, —
Икона Чудотворная,
  Помилуй и спаси! . . .
И прежде ополчалась Ты
  За свой народъ честной,
И въ день побѣды ранена
  Татарскою стрѣлой:
Опять на насъ крамольныя
  Идутъ орды враговъ; —
Въ годину намъ тяжелую
  Будь щитъ намъ и покровъ! . . . .
И въ день, когда мы празднуемъ
  Священный праздникъ Твой,
Опять Москва сбирается
  Въ походъ на жаркій бой,
Народнымъ ополченіемъ

На Царскій зовъ встаетъ,
И въ руку знамя бранное,
Перекрестясь, беретъ . . . .
Благослови, Владычица
И знамя и бойцовъ,
Чтобъ стаяли, чтобъ згинули
Предъ нами тьмы враговъ! . . . .
Велишь, — Аллы защитниковъ
Смутитъ смертельный страхъ, —
И нечестивыхъ полчища
Разсыплются какъ прахъ! . . . .
Велишь, — и снова Русь Твоя
За Вѣру постоитъ, —
И православныхъ воиновъ
Оружье побѣдитъ! . . . .
Велишь, — Тобой хранимые,
Всѣ здравы, спасены,
Вернутся невредимые
Къ намъ братья и сыны! . . . .
Услышь, услышь Владычица,
Молитву всей Руси;
Заступница усердная,
Помилуй и спаси! . . . .

Москва, 12-го Февраля 1855 г.

LXXXIV.

АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ,

избранному въ Начальники Московскаго Ополченья.

Народный голосъ, — голосъ Бога:
Онъ громко нынче вопіётъ: . . . .
Вставай, Ермоловъ! . . . Русь зоветъ! . . . .
Тебѣ знакома вѣдь дорога? . . . .

Единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ Московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва.

Возьми рукой не ослабѣвшей
Свой старый мечь, Европы страхъ! . . . .
Герой, въ покоѣ посѣдѣвшій,
Помолодѣешь ты въ бояхъ!

Digitized by Google

Вставай! . . . Когда по всей Россій
Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ, —
Шатры восплещутъ боевые,
Хвалой откликнется шалашъ!

Вставай, честь Русскаго народа,
Себя врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе вернутся дни! . . . .

Москва, вторникъ, 15-го Февраля, 1855 г.

Digitized by Google

LXXXV.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Народъ! . . . Россія! . . . На колѣна! . . . .
Молись и плачь въ сей страшный часъ!
Упала молніей на насъ
Вѣсть непостижной перемѣны . . . .

Нестало мощнаго Царя! . . . .
Онъ сломанъ, дубъ нашъ исполинскій! . . . .
Осиротѣлъ нашъ станъ воинскій,
И съ нимъ вся Русская семья.

Но знайте! . . . Жертвою высокой,
За Русь свою, за свой народъ,
Подъ тяжкимъ бременемъ заботъ
Онъ изнемогъ въ борьбѣ жестокой.

Отецъ, — Онъ горячо скорбѣлъ
О каждой каплѣ русской крови,
И полный къ намъ святой любови,
Для насъ себя Онъ не жалѣлъ.

Блюститель вѣрный нашей славы
Въ годину битвы роковой,
Онъ сна не зналъ, забылъ покой,
Былъ мученикъ своей державы.

Онъ несъ на мощныхъ раменахъ
Крестъ честной службы государской,
Ночнымъ трудомъ и думой царской
Соратовалъ вождямъ въ бояхъ

И наконецъ, — не стало силы!
Сраженъ великій Николай! . . . .
Народъ! . . . Предъ Богомъ клятву дай
Надъ преждевременной могилой:

Клянись вовѣкъ не забывать
Его конца, Его примѣра,
Съ любовью новой, съ прежней вѣрой
За домъ и родъ Его стоять! . . . .

Онъ завѣщалъ намъ въ миломъ Сынѣ
Другаго нѣжнаго Отца:
Его души, Его вѣнца
Царь Александръ преемникъ нынѣ! . . . .

Москва, понедѣльникъ, 21-го Февраля, 1855 г.
возвращаясь отъ панихиды въ Чудовомъ Монастырѣ.

LXXXVI.

ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ ЗА-ГОРОДОМЪ.

Не просыпайся, не волнуйся
Душа безумная моя! . . . .
Въ напрасной нѣгѣ не любуйся
Всеобновленьемъ бытія . . . .

Пусть тайно чуя близость Мая
Всѣ твари имъ оживлены, —
Пусть всѣмъ пришла весна младая, —
Тебѣ нѣтъ дѣла до весны! . . . .

Твоя весна ужъ миновалась, ...
Твой Май отцвѣлъ, твой Май прошелъ, ...
Зимой ты вѣчной увѣнчалась,
День вѣчной тьмы тебѣ пришелъ! . . . .

Отнынѣ будутъ непонятны
Природы чары для тебя . . . .
Живи печалью благодатной,
Лишь въ прошломъ жизни блескъ любя.

Импровизировано въ Петровскомъ паркѣ,
21-го Апрѣля, 1855 г.

LXXXVII.

ОТКРОВЕННОСТЬ.

Слова любви, слова любви,
Что́ слушать васъ, когда ужъ мы не любимъ,
Когда ни въ сердцѣ, ни въ крови
Любви ужъ не таимъ мы, не голубимъ? . . . .
Когда прошелъ безумной страсти бредъ,
Когда простылъ угасшей страсти слѣдъ, —
И лихорадка въ жилахъ не бушуетъ, —
Когда былое насъ ужъ больше не волнуетъ, —
Что́ слушать васъ, слова любви? . . . .

Зачѣмъ смотрѣть на стра́стный взоръ,
Когда онъ въ душу къ намъ не проникаетъ,
И въ нашихъ взорахъ приговоръ
Спокойнаго безстрастія читаетъ? . . . .
Когда легко и ровно дышетъ грудь,
И руку мы умѣемъ протянуть
По дружески, безъ страха и безъ дрожи, —
И на самихъ себя мы больше не похожи, —
Что хочешь ты, молящій взоръ? . . . .

Пятница, 22-го Апрѣля, 1855 г.

LXXXVIII.

СЕСТРАМЪ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

Богъ помочь вамъ, возлюбленныя наши,
Богъ помочь вамъ въ терпѣньи и трудахъ!
Пусть Ангелы Его, дѣла считая ваши,
Радѣютъ въ небесахъ о вашихъ головахъ! ....

Вы служите ему не въ кельѣ монастырской,
За крѣпкою стѣной обители святой, —
Нѣтъ! вдохновенныя отвагой богатырской,
Какъ сестры, вы пошли за братьями на бой! ....

Вы, жёны кроткія, застѣнчивыя дѣвы,
Вы ужасамъ войны и смерти обреклись; —
Гдѣ гибнутъ тысячи, гдѣ льется кровь, вездѣ вы,
И свыклись съ гибелью, и съ кровью обжились.

Digitized by Google

Пусть лопнула картечь, пусть пуля свищетъ въ уши,
Вы только креститесь, — и къ страждущимъ скорѣй, —
Ихъ раны врачевать и подкрѣплять ихъ души,
Спасти, — иль проводить молитвой ихъ своей ....

Какъ женщины, — вы нѣжны, сердобольны,
Но храбрымъ мужествомъ съ героями равны;
Когда вашъ взоръ и духъ смущаются невольно, —
Вы теплой вѣрою тотчасъ оживлены.

Больной и раненый, — всё васъ благословляетъ,
Всё васъ привѣтствуетъ улыбкой и мольбой,
И на рукахъ у васъ спокойнѣй умираетъ
Нашъ воинъ - мученикъ подъ вашею слезой ....

Какой наградою почтитъ васъ Русь святая? ....
За ваши подвиги, какой хвалой воздать? ....
Нѣмѣетъ похвала ... безсильна власть земная ....
Не здѣсь, ... не намъ васъ награждать! ....

Digitized by Google

Одинъ Господь оцѣнитъ трудъ священный,
И жертву вашихъ дней, вдали друзей, родныхъ, —
И тамъ, на небесахъ, васъ ждетъ вѣнецъ нетлѣнный,
Замѣна всѣхъ наградъ, всѣхъ почестей земныхъ! . . . .

Село Вороново, 12-го Мая, 1855 г.

Digitized by Google

LXXXIX.

БОЯРИНЪ.

Бояринъ! . . . Много въ словѣ этомъ,
И не забыли мы его, —
Хотя теперь ужъ передъ свѣтомъ
Оно не значитъ ничего . . . .
А жалко! Право, наши дѣды
Лихіе были молодцы! . . . .
Не даромъ недруги-сосѣды
Про нихъ твердили: «Гордецы!» —

Пусть джентельмэнъ въ короткомъ фракѣ
Дурацкой шляпою вертитъ, —
Съ презрѣньемъ къ жалкому кривлякѣ
Бояринъ свысока̀ глядитъ . . . .
Бояринъ голову сѣдую
Не обнажитъ передъ врагомъ, —
Онъ ломитъ шапку мѣховую
Лишь предъ крестомъ, да предъ Царемъ! . . . .

Digitized by Google

Онъ платье носитъ парчевое;
Быть можетъ, дорого оно: —
За то, оно вѣдь вѣковое,
И будетъ въ родъ передано.
Въ немъ и привольно, и широко,
Оно не жметъ и не тѣснитъ;
Грудь дышетъ ровно и высоко,
И богатырски станъ развитъ. —

Бояринъ любитъ хлѣбосолье:
Для гостя домъ его открытъ,
Столъ клонятъ брашны, — пиръ — раздолье,
Притомъ и нищій не забытъ!
Гуляетъ чарка-чародѣйка,
Сердецъ веселье, по рукамъ ....
Сама хозяйка въ душегрейкѣ
Подноситъ сладкій медъ гостямъ.

Бояринъ набоженъ: онъ ходитъ
Всегда къ обѣднѣ въ свой приходъ;
Заря-ль воскресная восходитъ, —
Онъ къ утрени съ семьей идетъ.
Душой и сердцемъ православный,
Проникнутъ вѣрою отцовъ, —
Онъ умираетъ смертью славной
Подъ бѣдной рясой чернецовъ.

Бояринъ, — значитъ воевода, —
Отчизнѣ-ль нужно послужить,
Съумѣетъ во главѣ народа
Примѣромъ въ бранной сѣчѣ быть.

Digitized by Google

Равно горячъ въ любви и въ мести,
Онъ храбръ, онъ мощенъ, онъ удалъ, —
И не одинъ на полѣ чести
За нашу Русь святую палъ! . . . .

Онъ гражданинъ: въ совѣтѣ царскомъ
Свободно, смѣло говоритъ,
Безстрашно, съ безкорыстьемъ барскимъ,
Онъ благо общее хранитъ.
Не льститъ онъ, — не кривитъ душою,
Не лжетъ перомъ иль языкомъ; —
Стоитъ за правду головою,
Какъ Долгорукій предъ Петромъ! . . . .

Такъ! . . . были на Руси бояре, ...
И будутъ, можетъ быть, опять, —
Когда мы въ міровомъ разгарѣ
Перстъ Божій станемъ прозрѣвать;
Въ всеобщемъ Запада паденьи
Урокъ, полезный намъ, прочтемъ, —
И въ самородномъ направленьи
Свое достоинство ноймемъ! . . . .

Вороново, 14-го Мая, 1855 г.

Digitized by Google

XC.

СТРАННЫЙ СОНЪ.

Мнѣ зрѣлся сонъ. — Тамъ гдѣ-то въ отда-
леньи,
Въ туманной мглѣ, на рубежѣ двухъ странъ, —
Дѣйствительной и умственной, — видѣнье
Открыло мнѣ картину, . . . иль обманъ
Явилъ свою фантазію, — но странный
Причудился мнѣ міръ . . . Хотя то былъ
Началъ различныхъ хаосъ безъимянный,
Міръ сказочный и кукольный, — но жилъ
Онъ всё таки по нашему. Роилось,
Копышилось, металось, суетилось
Народонаселеніе пигмей,
Вершковыхъ тварей, карликовъ строптивыхъ,
Ихъ самочекъ, ихъ карлицъ суетливыхъ,
И старичковъ похожихъ на дѣтей, —

Digitized by Google

Пародіи живыя человѣка, —
Межъ коихъ мальчикъ-съ-пальчикъ могъ бы быть
Героемъ дня, и даже дивомъ вѣка,
Гдѣ великаномъ могъ Томъ-Пусъ прослыть! . . . .

По росту и по мѣркѣ ихъ, — имъ впору
Все было между ними: сердце, умъ,
Душа и честь . . . У нихъ, по договору
Премудрому, не просто на обумъ,
Всё было приспособлено прекрасно
Къ силенкамъ ихъ, къ страстишкамъ, къ моготѣ, —
Чтобъ умѣститься въ нихъ, чтобъ безопасно
Ужиться въ ихъ природной нищетѣ . . . .
Всё, . . . совѣсть, мысль, понятія и мнѣнья,
И воля ихъ, и долгъ, и убѣжденья,
Всё, . . . даже страсть и даже жизнь сама, —
Всё было въ нихъ такъ скудно, такъ ничтожно,
Такъ тѣсно, такъ условно и такъ ложно, —
Что весь ихъ быть казался кутерьма, —
Комедія, — играемая ими,
Чтобъ пестротой безсвязною своей,
Чтобъ сценами нелѣпо-площадными
Смѣшить ребятъ и забавлять чертей.

Имъ дружба стала въ сказку-прибаутку,
Любовь у нихъ сбивалась на вражду,
О совѣсти межъ твердилось въ шутку,
Съ измѣной честь жила у нихъ въ ладу.

Хулить и лгать казалось имъ забавно;
Въ застоѣ и бездѣйствіи умовъ
Лишь язычки работали исправно, —
Да качества желудковъ и зубовъ
Судилище обжоръ весьма цѣнило . . .
Одно лишь въ нихъ развито чувство было, —
И всё росло, переростая ихъ:
Духъ зависти! . . Свирѣпо и жестоко
Всё, что̀ казалось карликамъ высоко,
Они терзали, . . . и житья у нихъ
Не находилъ жрецъ мудрости, мыслитель,
Ни сынъ боговъ, мечтающій поэтъ . . . .
Ихъ жалкій родъ, всѣхъ избранныхъ гонитель,
Коснѣлъ во тьмѣ, — и ненавидѣлъ свѣтъ.

И вдругъ, среди всѣхъ мелкихъ сихъ созданій,
Иное мнѣ явилось существо, —
Обыкновенныхъ формъ и очертаній,
Такое, какъ межъ нами большинство;
Особенно оно не отличалось
Ни красотой, ни блескомъ, ни умомъ, —
Но было во весь ростъ, — и показалось
Уродомъ и чумой въ народѣ томъ . . . .
Оно не ихъ ползучей жизнью жило,
Не ихъ условной рѣчью говорило,
Не гнулось, чтобъ подъ уровнемъ стоять
Съ толпою ихъ . . . Оно, презрѣвъ ихъ мнѣ-
ньемъ,
Дышало мыслью, страстью, вдохновеньемъ, —
Не объяснялось имъ, — и ихъ понять

Не силилось . . . За то, великій Боже! . . . .
Какъ разозлился лиллипутовъ рой! . . . .
Тутъ сну, конецъ! . . . Не правда-ли, похоже
На то, что здѣсь мы видимъ предъ собой? . . .
. . . . . .

Окончено въ Вороновѣ, Май 1855 г.

Digitized by Google

XCI.

ЭГИПЕТСКІЙ МИѲЪ.

Ты бывалъ-ли, путникъ дальній,
Средь Эгипетскихъ пѣсковъ,
И въ нѣмой опочивальнѣ
Фараоновъ-мудрецовъ? . . .
Ты видалъ-ли Ѳивъ стовратыхъ
Обреченный смерти градъ,
Полный ибисовъ крылатыхъ
И разрушенныхъ палатъ? . . . .
Счёлъ-ли ты столбы безъ счёта? . . . .
Храмъ упалъ, — они стоятъ, —
И гигантскаго намёта
Очертанья намъ хранятъ . . . .
Для таинственной пустыни
Нѣтъ вѣковъ! . . . Въ ней цѣлъ понынѣ
Обелисковъ стройный рядъ,
Рядъ божницъ опустошенныхъ
У подножья пирамидъ,
И громадъ рукотворенныхъ
Назиданья полный видъ · . . .

Время шло, её минуя,
Не тревожа сонъ ея . . . .
Вѣкъ за вѣкомъ откочуя
За границы бытія,
Ничего не измѣнили
Въ нескончаемыхъ степяхъ,
И слѣда не проложили
На песчаныхъ ихъ волнахъ . . . .
Тамъ по прежнему лѣнивo
Протекаетъ старый Нилъ,
Тамъ отъ смертныхъ горделиво
Онъ истокъ свой древній скрылъ . . . .
Ты встрѣчалъ-ли чернокожихъ
Эѳіопскихъ дикарей,
И молельщиковъ, прохожихъ
Въ Мекку дальную хаджей? . . .
Говорилъ-ли съ стариками
О минувшемъ, о быломъ? . . . .
Ты постигъ-ли ихъ словами
Всё что̀ видѣлъ ты кругомъ? —
Иль исчезли безвозвратно
Нити умственной слѣды,
Предковъ быль имъ не понятна, —
Имъ и странны и чужды
Странныхъ идоловъ обломки,
Въ комъ безпечные потомки, —
Изувѣрства прежнихъ дней
Позабывши смыслъ священный, —
Видятъ только хламъ презрѣнный,
Не-боговъ и не-звѣрей? . . . .

Иль одинъ, безъ откровеній,
Изучалъ ты смыслъ явленій
Впикнулъ въ чудный древній міръ,
Въ міръ прообразовъ и тайны,
Въ міръ, гдѣ въ мнѳъ необычайный
Польза — богъ и мысль — кумиръ
Сокровенно облекались,
Чтобъ народъ не понялъ ихъ,
И жрецы лишь преклонялись
Имъ въ пещерахъ вѣковыхъ? . . . .
Вопрошалъ-ли ты созданья
Въ коихъ мудро старина
Изваяла намъ преданья,
Непонятнаго сказанья,
Роковыя письмена? . . . .
Въ сонъ безгрёзный погруженныхъ
До скончанія вѣковъ,
Миѳовъ въ камень воплощенныхъ,
Полу-женщинъ, полу-львовъ, —
Сфинксовъ, . . . сфинксовъ ты видалъ-ли? . . . .
Ихъ загадочной красой
Любовался-ль ты? . . . ласкалъ-ли
Дерзновенною рукой
Бѣломраморную шею,
Непокорный ихъ хребетъ? . . . .
Вѣчной тайною своею
Подѣлились-ли, иль нѣтъ
Дщери древности съ тобою? . . . .
Ты узналъ-ли повѣсть ихъ,
И подъ личностью двойною

Смыслъ единый скрытый въ нихъ? . . . .
Дождался-ль ты ихъ бесѣды? . . . .
Въ ихъ смотрѣлся ли глаза? . . . .
Торжество ли въ нихъ побѣды,
Иль покорности слеза? . . .
Не са то-ли полу-львами
Ихъ Египетъ представлялъ,
Не за то-ли онъ богами
Женъ смиренныхъ называлъ, —
Что хотѣлъ онъ въ нихъ прославить
Кротость съ силой пополамъ,
И примѣромъ ихъ поставить
Всѣмъ грядущимъ племенамъ? . . . .
Жены сердцемъ, львы душою,
Терпятъ, ждутъ они давно, ...
Подъ дремотой вѣковою
Жизнью тайной, неземною
Ихъ молчаніе полно. . . .
По челу у нихъ украдкой
Пробѣгаетъ много думъ. . . .
Неразгаданной загадкой
И теперь ихъ занятъ умъ. . . .
Спятъ они, — но ждутъ, что снова
Пробужденья дни придутъ. . . .
Ужъ дышать ихъ грудь готова, —
Лишь шепни имъ диво-слово, —
Встрепенутся, оживутъ! . . .

Кончено въ Вороновѣ, Май, 1855.

Digitized by Google

XCII.

НЕБЕСНЫЙ СИМВОЛЪ.

Въ альбомъ Екатерины Ѳеодоровны Тютчевой.

По озеру катилась лодка,
Ей правилъ старый рыболовъ;
Съ нимъ внучка, русая красотка
Безъ малаго семи годковъ.
Старикъ закинулъ сѣти въ воды,
И ждетъ, что̀ Богъ ему пошлетъ;
Ребенокъ, лежа, глазокъ съ свода
Небесъ далекихъ не сведетъ.
Тамъ звѣздочки зашглись ночныя,
Тамъ такъ безсчетно много ихъ!...
Какъ блещутъ искры золотыя!....
Должно быть весело у нихъ?...
Игра-ль у нихъ, иль просто пляска,
Трепещутъ, зыблются онѣ, —
И дѣвочка съ невинной лаской
Рученкой машетъ въ вышинѣ....

Digitized by Google

Но вотъ усталая головка,
Припавши въ лодку улеглась,
И русокудрая плутовка
Очами въ волны уперлась.
Глядитъ, — тамъ струйки золотыя
Бѣгутъ за лодкою во-слѣдъ,
Сіяютъ блёстки огневыя,
Въ водахъ мелькаетъ чудный свѣтъ....
Ребенку весело и жутко.....
Онъ руку въ воду .... мигомъ прочь....
Ужъ не русалки ль эта шутка?...
Что̀ добраго?... теперь-же ночь!....
Русалкамъ, лѣшимъ, домовому
Малютка вѣрить учена!...
Съ-испугу къ дѣдушкѣ сѣдому
Въ объятья бросилась она....
«Смотри-ка, тятя! Что̀ за чудо?...
«Вишь, звѣзды на небѣ горятъ, —
«И будто выпали оттуда,
«Здѣсь тоже подъ водой блестятъ!»
Старикъ радушно улыбнулся,
Тряхнулъ разумной головой, —
Вверхъ глянулъ, къ озеру нагнулся, —
И молвилъ внучкѣ молодой:
«Небось!.... Господь ужь такъ устроилъ!...
«Чтобъ не пропасть намъ здѣсь въ потьмахъ,
«Онъ насъ съ тобою успокоилъ,
«Зажегъ намъ звѣзды въ небесахъ.
«Прослужатъ намъ еще лѣтъ со сто,
«И не скатится ни одна!....

«А что̀ въ водѣ блеститъ, — то просто
«Какъ въ зеркалѣ звѣзда видна.»
По головѣ погладилъ внучку, —
И снова къ дѣлу нашъ старикъ....
Его, слѣпаго недоучку,
Природы голосъ не проникъ!....
Малютка слышитъ, не смѣкаетъ, —
Ей въ сущей правдѣ смысла нѣтъ;
Всё смотритъ въ воду, всё играетъ,....
Всё ловитъ чудный бѣглый свѣтъ....

* * *

Живи, дитя, — и жизнь научитъ
Уразумѣнью тайны сей!....
Смышленѣй станешь, какъ измучитъ
Борьба страданій и страстей!....
Поймешь ты этотъ символъ Божій,
Имъ начертанный въ небесахъ;
Тѣ звѣзды,... какъ онѣ похожи
На радость въ молодыхъ сердцахъ!....
Она надъ нами также свѣтитъ
И также сильно насъ манитъ,
То вдругъ надеждою осѣтитъ,
То молньей счастья ослѣпитъ.....
Но скоро минетъ обольщенье,
Но меркнетъ радости звѣзда, —
Одно ея лишь отраженье
Намъ озаряетъ путь тогда.

И знай: надеждою зовется
Всё то, что̀ свыше намъ блеститъ,
Что̀ не легко намъ достается,
Что̀ часто всуе насъ манитъ. . . .
Но если сбудется желанье
И счастье мы переживемъ, —
Взамѣнъ тогда воспоминанье
Звѣздой попутной мы зовемъ! . . . .

Вороново, 23-го Мая, 1855 г.

Digitized by Google

XCIII.

МОЛИТВА ЗА СВЯТУЮ РУСЬ.

«Не намъ, не намъ, а имени
Твоему дай славу!»

Не потому, что насъ мильоновъ много
Подъ знаменемъ двуглаваго орла,
Не потому, что съ крѣпкой вѣрой въ Бога
Ужъ много мы перетерпѣли зла:

Не потому, что мы за крестъ Господень
Несемъ теперь тяжелый крестъ войны, —
Что родъ Славянъ отвагой превосходенъ,
Что русскій духъ и русскій штыкъ сильны:

Не потому, что право наше дѣло,
И безкорыстно-честенъ нашъ порывъ,
Что вражья зависть насъ сгубить хотѣла,
Что всѣ на насъ, всѣ вдругъ, наперерывъ:

Не потому, что слишкомъ много пало
Безвинныхъ жертвъ въ кровавой брани сей,
Что много мѣстъ пустыхъ по семьямъ стало,
И много плачетъ женъ и матерей:

Digitized by Google

Не потому, что общая утрата
Въ едину скорбь слила у насъ сердца,
Что Царская увидѣла палата
Святой примѣръ великаго конца:

Не потому, что въ счастьи и въ несчастьи
Вся наша Русь вѣрна Царямъ своимъ,
Подъ властью ихъ — Твоей покорна власти,
И вѣрою, и правдой служитъ Имъ:

Что новою любовью полюбили
Мы юнаго Владыку своего,
Въ Немъ будущность свою благословили,
Свершенья всѣхъ надеждъ ждемъ отъ Него:

Но потому, что духомъ не кичливы,
Что сердцемъ мы покорны и просты,
Что воинъ и народъ благочестивый
Всѣ подъ Тобой, — и всѣхъ внушитель Ты;

Что мы Тебѣ свою припишемъ славу,
За свой успѣхъ Тебя превознесемъ, —
Прославь, Господь, днесь Русскую Державу,
И даруй намъ побѣду надъ врагомъ! . . . .

Вороново, 29-го Мая, 1855 г.

Digitized by Google

XCIV.

РУССКОМУ НАРОДУ.

Когда сравню тебя съ другими,
Родимый Русской мой народъ, —
Межъ всѣми родами земными
По сердцу мнѣ и любъ твой родъ;
Съ невыразимымъ умиленьемъ
Дивлюсь тебѣ, горжусь тобой,
Твоею славой вѣковой, —
И ходъ временъ обнявъ видѣньемъ,
Предвижу чудный жребій твой. —

Питомецъ стужи и мятели,
Воскормленникъ суровыхъ зимъ, —
Къ борьбѣ привыкъ ты съ колыбели,
Съ морозомъ свыкся ты своимъ:
За то, и тѣломъ и душою
Ты въ полномъ здравіи цвѣтёшь, —
Ты бодръ, и крѣпокъ, и хорошъ;
Ты молодецъ, — и межъ тобою
Въ мильонахъ труса не найдешь!

Digitized by Google

Наменьшій братъ въ семьѣ увѣчныхъ
И отживающихъ племёнъ,
Ты росъ въ пустыняхъ безконечныхъ,
Прозваньемъ варвара клейменъ;
Ты росъ, какъ должно исполину,
Не скороспѣлкой, по часамъ, —
Но тихо, плавно, по вѣкамъ, —
И въ благодатную годину,
И въ бурю, съ горемъ пополамъ. —

Ни дикихъ хищниковъ набѣги,
Ни долгія князей борьбы,
Ни Половцы, ни Печенѣги
Твоей не прервали судьбы;
Вотще Мамаи и Батый
Воздвигли тьму несмѣтныхъ силъ, —
Ты кровь свою ручьями лилъ, —
Но одолѣлъ, . . . и вражьи выи
Пятою мощной въ прахъ сдавилъ! . . . .

Вотще Литва, Поляки, Нѣмцы
Тебя пытались покорить, —
Вотще хотѣли чужеземцы
Твой духъ и нравъ перемѣнить:
Легло въ полянахъ нашихъ снѣжныхъ
Ихъ много, незванныхъ гостей, —
А Русь всё Русь, — и Богъ надъ ней!
Послѣдній слѣдъ стихій мятежныхъ
Ты смылъ и стёръ съ своихъ степей. —

Сперва ты былъ въ пренебреженьи
У старшихъ братьевъ, — а потомъ
Въ немилость впалъ и въ подозрѣнье,
И безъ вражды имъ сталъ врагомъ.
Имъ зависть зоркая сказала,
Что слишкомъ силенъ ты для нихъ, —
Межъ нихъ, ужь хворыхъ, немощныхъ,
Въ тебѣ, могучемъ, указала
Соперника гордынѣ ихъ. —

Когда развратомъ, пресыщеньемъ
Они въ конецъ изможжены,
И ложнымъ чванясь просвѣщеньемъ,
Въ грѣховный мракъ погружены, —
Когда ихъ точитъ червь тлетворный
Крамоловъ, распрей, тайныхъ золъ,
И часъ упадка имъ пришелъ, —
Ты, сердцемъ чистый, чтишь покорно
Въ законѣ Божій произволъ.

Духъ безначалій въ сердцѣ грѣя,
Въ соблязны вдавшись искони,
Въ сомнѣньяхъ, въ ересяхъ черствѣя,
Безвѣрью преданы они . . . .
Зябытъ Господь! . . . Замѣной Богу
Златой тѣлецъ кумиромъ ихъ . . . .
Ты, — твердый въ смыслѣ книгъ святыхъ,
Въ храмъ Божій не забылъ дорогу,
Идя во слѣдъ отцовъ своихъ.

Digitized by Google

Ихъ мучитъ недугъ безпокойный,
Имъ тѣсно дома, у себя;
Томясь богатства жаждой знойной,
Земное благо полюбя, —
Они безумны и кичливы;
Ихъ алчнымъ требамъ мѣры нѣтъ;
Ты чуждъ ихъ язвы, ихъ суетъ,
Трудъ жизни носишь терпѣливо,
Не проклинаешь солнца свѣтъ.

Ты любишь избу родовую, —
И сладокъ дымъ тебѣ ея;
Ты пашешь степь свою родную,
Гдѣ обжилась твоя семья;
Ты не скиталецъ безпріютный,
Ты не бездомный сирота;
Тебя не гонитъ нищета
Изъ мѣста въ мѣсто поминутно,
И собственность твоя свята.

Не обдѣленъ ты въ общей долѣ,
Въ раздѣлѣ братскомъ не забытъ;
Заботой барской, Божьей волей
Ты обезпеченъ, крытъ и сытъ! . . . .
Тамъ, гдѣ твои открылись очи,
Тамъ и закроются они;
Свершивъ свои земные дни,
Ты не боишься смертной ночи
Кладбища сельскаго въ тѣни . . . .

И въ тишинѣ благословенной
Растетъ и множится твой родъ!
Единымъ духомъ вдохновенный,
Единымъ сердцемъ онъ живетъ! . . .
Хоть три объемля материка
Твои разсыпаны сыны, —
Но всѣ Святой Руси вѣрны, —
И всѣ, отъ мала до велика,
Любовью къ родинѣ полны.

И съ каждымъ днемъ твои владѣнья
Пространнѣй, шире и сильнѣй.
Европы видятъ поколѣнья
Восходъ младой звѣзды твоей, —
И долгій вѣкъ свой отживая,
Достигнувъ точки роковой,
Нисходятъ съ поприща долой . . . .
Впередъ идешь ты, Русь святая, —
Вся даль временъ передъ тобой! . . . .

Такъ вотъ за что теперь войною
Иноплеменцы мстятъ тебѣ,
За что одна предъ ихъ враждою,
Ты съ пол-Европою въ борьбѣ!
За что̀, лѣтъ за сорокъ, обманомъ
И силой, двадесять племёнъ
Водилъ на насъ Наполеонъ, —
И въ слѣдъ за дядей-великаномъ
Пигмей-племянникъ разъяренъ! . . . .

Но тщетны козни и усилья
Не примиримаго врага:
Пускай пожаръ, грабежъ, насилья,
Терзаютъ наши берега, —
Пусть мещетъ онъ и мечъ и пламя
На старцевъ, женщинъ, и дѣтей
Среди поруганныхъ церквей: —
Русь невредимо держитъ знамя
Святой народности своей! . . . .

Французы, Сарды, Англичане, —
Не запятнать вамъ нашу честь! . . . .
Вамъ, нехристи, хоть христіане
Въ стыдъ вѣчный будетъ ваша месть, ...
А ты, народъ нашъ православный,
Оплотъ престола, алтаря, —
Отвагой, мужествомъ горя,
Ты терпишь доблестно и славно
За Бога, Церковь и Царя! . . . .

И не смущайся въ испытаньи, —
Ты побѣдишь, ты побѣдишь!
Ты вновь собой въ бытописаньи
Страницу чудную явишь . . . .
Ты древле, предъ ордой Татарской,
Стяжалъ христовыхъ мукъ вѣнецъ, —
А нынѣ, опытный боецъ,
Поборникъ Божій, сторожъ Царскій,
Враговъ разрушишь ты въ конецъ! . . . .

Вороново, Августъ 1855 г.

XCV.

ТРИ КОРОЛЕВЫ.

Пируй, Британская царица,
Рядись въ алмазы, въ кружева! —
Твоя не смята багряница,
Твои нетронуты права, —
Столпы твоей державы тверды;
Тебѣ твои покорны лорды, —
Чуть слышно ропщетъ твой народъ:
Спокойна ты въ стѣнахъ Виндзора;
Съ кровавымъ знаменемъ раздора
На нихъ бунтъ грозный не идетъ. —

Пусть нынѣ всѣ концы вселенной,
Всѣ государства, всѣ страны,
И міръ, въ основахъ потрясенный,
Объяты пламенемъ войны:
Пусть всѣмъ столицамъ Европейскимъ

Digitized by Google

Пронырствомъ хитрымъ и злодѣйскимъ
Грозитъ коварный Альбіонъ:
Пусть всюду бѣглыхъ онъ скупаетъ,
Бродягъ вербуетъ, — открываетъ
Мятежнымъ выходцамъ притонъ:

Пускай взялись, забывъ о чести,
Послы лазутчиками быть,
При помощи гиней и лести
Крамоламъ родъ людской учить;
Во имя счастья и свободы
Къ возстанью возбуждать народы,
И съ властью древней ссорить ихъ; —
Подъ знаменемъ христовой вѣры
Пусть тогъ ведутъ миссіонеры,
И ядъ орудіемъ у нихъ! . . . .

Пусть Богъ на небѣ негодуетъ,
Пусть гласъ земли тебя винитъ, —
Тебя страхъ Божій не взволнуетъ,
И стыдъ людской не возмутитъ . . . .
Средь безопаснаго залива,
На пышной яхтѣ, горделиво,
Ты съ многочисленной семьей
Межь островами разъѣзжаешь, —
И дни весельями считаешь,
Довольна рокомъ и собой! . . . .

Пусть двѣ другія королевы
Въ слезахъ, по милости твоей, —
Пусть жены, матери и дѣвы
За смерть отцовъ, за кровь мужей
Отвсюду мстятъ тебѣ проклятьемъ, —
Ты, — поцѣлуемъ и объятемъ
Даришь зачинщика всѣхъ золъ,
Ему подвязку надѣваешь,
И раболѣпно выполняешь
Пройдохи наглый произволъ. —

Вражда забыта родовая,
Британецъ сталъ Французу братъ! . . . .
Торжественно въ Парижъ въѣзжая
Подъ сводомъ тріумфальныхъ вратъ,
Гордишься ты его пріемомъ,
И мнишь, что въ градѣ незнакомомъ
Любви народной ты предметъ? . . . .
О нѣтъ, Викторія, напрасно! . . . .
Не вѣрь молвѣ подобострастной:
Въ толпѣ къ тебѣ участья нѣтъ! . . . .

Ты встрѣтила почетъ великій, —
Но брось тщеславныя мечты!
За этотъ блескъ, за эти клики,
За плошки, вензеля, цвѣты, —
Тайкомъ дана заранѣй плата, —

Восторгъ купили кучей злата;
Не общій духъ, не сонмъ гражданъ
Устроилъ пышность ложной встрѣчи:
Ты слышишь подкупныя рѣчи,
Ты всюду видишь лишь обманъ! . . . .

Ты гостья черни любопытной!
Ты гостья тайнаго врага! . . . .
Страшись! . . . Давно ужъ сѣтью скрытной
Твоя опутана нога . . . .
Давно политикой ехидной
За Санктъ-Елены плѣнъ обидный
Готовитъ месть Наполеонъ,
И для Георгіевой внуки
Изобрѣтая стыдъ и муки,
Её унизить хочетъ онъ! —

Какъ древле плѣнныя царицы
На пышныхъ римскихъ торжествахъ
У Кесарской шли колесницы,
Съ главой развѣнчанной, въ цѣпяхъ, —
Такъ ты, о Лэди, служишь нынѣ,
На возвеличенье гордыни,
На торжество временщика,
И на показъ тебя надменно
Ведетъ Европѣ удивленной
Его нещадная рука! . . . .

И съ нимъ танцуешь ты въ Версалѣ,
Людовиковъ тревожа прахъ,
Межъ тѣмъ какъ тамъ, . . . въ Эскуріалѣ, ...
На прародительскихъ гробахъ
Томится Изабелла въ страхѣ, —
И снится о тюрьмѣ, о плахѣ
Невинной жертвѣ мятежей . . . .
Въ ея Испаніи несчастной
Кипитъ вулканъ, . . . престолъ опасный
Грозитъ разсыпаться подъ ней. . . .

Надъ властію во прахъ попранной
Она украдкой слёзы льетъ, ...
Ей, бѣдной узницѣ вѣнчанной,
Солдатъ приказы отдаетъ . . . .
Ей Эспартеро повелитель! . . . .
Усобицъ тайный предводитель,
Онъ отнялъ у нея и Дворъ,
И старыхъ слугъ, и воздухъ вольный. . . .
Кромвель трусливый и крамольный
Зоветъ усердьемъ свой надзоръ . . . .

Народъ обманутъ благородный!
Гидальговъ пылкіе сыны
Всѣмъ ужасамъ борьбы народной
На раззоренье отданы . . . .
Въ Мадридѣ кровь лилась ручьями,

Digitized by Google

Дворцы горѣли за дворцами,
И братъ на брата возставалъ . . . .
За общину, за Фердинанда
Враждуютъ нищіе и гранды . . . .
А кто, а кто ихъ подстрекалъ? . . . .

Кто духомъ злымъ на нихъ повѣялъ?
Кто умъ народовъ соблазнилъ,
Свое ученье въ нихъ посѣялъ,
Своимъ примѣромъ ихъ взманилъ? . . . .
Кто, . . . какъ не общій врагъ порядка,
Искатель общаго упадка, —
Всеподжигатель Альбіонъ? . . . .
Торгашъ, банкротствомъ устрашенный,
Радъ на развалинахъ вселенной
Чужимъ добромъ нажиться онъ!!! . . . .

И есть еще одна царица . . . .
Еще гонимая страна . . . .
Твоимъ стыдомъ еще страница
Въ дѣяньяхъ вѣка клеймена:
Скажи, повѣдай, не краснѣя,
Что̀ дѣлаютъ въ волнахъ Пирея
Твой флагъ, твой флотъ, твой адмиралъ? . . . .
Кому гремятъ отъ нихъ угрозы? —
Скажи, кто горькія льетъ слёзы,
Когда ты рядишься на балъ? . . . .

И чѣмъ Амалія виновна? . . . .
Тѣмъ, что безстрашна до конца,
Не признаетъ законъ верховный,
Самоуправство пришлеца? . . . .
Что воли кроткаго Оттона
Она надежной обороной,
Межъ нимъ и Греціей звено, —
Миритъ Геллинскій духъ съ Германскимъ,
И врагъ всѣмъ проискамъ британскимъ
Съ своимъ народомъ за-одно? . . . .

Хвала страдалицамъ высокимъ! . . . .
Хвала обѣимъ жертвамъ симъ! . . . .
Весь міръ съ участіемъ глубокимъ,
Съ любовью рукоплещетъ имъ.
А ты, безсердая Царица,
Смотри, чтобъ скоро багряница
Не спала съ гордыхъ плечъ твоихъ,
Чтобъ надъ беспечной головою
Не разразилась вдругъ грозою
Судьба двухъ Королевъ другихъ! . .

Свѣтъ вопіетъ единогласно
Неправдой оскорбленъ твоей;
Народовъ судъ растетъ всечасно,
Молва всё громче и смѣлѣй . . . .
Хоть грозны флоты Альбіона,

Хоть сильны Индіи милльоны
И крѣпокъ царскій твой чертогъ,
Но вспомни, торжествуя въ счастьи,
Что мѣра есть преступной власти, —
На начинающаго Богъ!!!

Вороново, Сентябрь 1855 г.

Digitized by Google

XCVI.

МОИ ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЕЧЕРИНКИ.

Всѣмъ друзьямъ и посѣтителямъ.

Друзья и братья, — мимолётной
Къ вамъ гостьею явилась я,
Сбирайтесь всѣ вокругъ меня,
Ожить въ бесѣдѣ беззаботной!

Я жажду искреннихъ рѣчей,
Я жажду теплыхъ рукожатій,
Радушнаго пріема братій,
Живаго говора друзей.

Ищу обмѣна мыслей, мнѣній;
Хочу межъ родственныхъ умовъ
Послушать новыхъ ихъ стиховъ,
Поспорить съ старью заблужденій . . . .

Digitized by Google

Съ восторгомъ къ людямъ я лечу,
Въ глуши соскучась на покоѣ;
Остывъ въ безжизненномъ застоѣ,
Я жизни умственной хочу.

Сберитесь всѣ на чашку чаю,
На ласковый сестры приветъ, —
И будь забытъ здѣсь цѣлый свѣтъ,
Сердца и души на распашку! . . . .

Пусть быль о странствіяхъ своихъ,
Столь схожую съ чудесной сказкой,
Намъ скажетъ путникъ за-Атласскій,
Безстрашный гость племенъ степныхъ!

Онъ гость мудренаго Китая,
Онъ гость Нубійскихъ дикарей, —
Знакомъ отвагою своей,
Любимъ отъ Нила отъ Алтая.*)

Онъ имя русское носилъ
Честно и славно въ Черногорьи,
Адріатическое взморье
Хлѣбъ-солью Невской воскресилъ.

*) Егоръ Петровичъ Ковалевскій.

Digitized by Google

По отраслямъ семьи Славянской,
Живое слово, онъ ходилъ,
И вѣру въ братьевъ въ нихъ будилъ,
Съ презрѣньемъ къ силѣ мусульманской.

Полны сочувствія къ нему,
Къ страдальцамъ, нашимъ одновѣрцамъ,
Мы похвалимъ его всемъ сердцемъ,
Не удивляясь ничему. . . .

Потомъ, поэтъ нашъ вдохновенный *)
Свои пророческія Сны
Прочтетъ, — и мы, увлечены, —
Восплещемъ истинѣ священной,

Восплещемъ чистой теплотѣ
Его надеждъ, его стремленій,
И силѣ тайныхъ убѣжденій,
И звучной гимновъ красотѣ. —

И каждый, кто въ жрецы науки
Или художества избранъ,
Кому талантъ отъ Бога данъ,
Кто знаетъ радости и муки

*) Аполлонъ Н. Майковъ.

Digitized by Google

Труда и славы, — у меня
Тотъ гость почетный, гость желанный;
Во имя братства, — въ кругъ незванный
Добро пожаловать, друзья! . . . .

Петербургъ, Ноябрь 1855.

Digitized by Google

XCVII.

СЕМЕЙСТВУ ГРАФОВЪ ВІЕЛЬГОРСКИХЪ.

Душа болитъ, . . . душа болитъ, ...
Болитъ по общимъ нашимъ ранамъ,
Тоска-печаль голоднымъ враномъ
И грудь и сердце мнѣ щемитъ.

Въ какой семьѣ, въ какомъ дому
Нѣтъ нынче плача, слёзъ, стенаній? . . . .
Гдѣ не найдешь въ годину брани
Хотя по гробу одному? . . . .

Одни подъ пулею въ бою,
Иль отъ штыка безстрашно пали,
Геройской смертю развязали
Присягу честную свою.

Другіе съ язвой и чумой
Вступили смѣло въ бой неравной,
Больныхъ спасая, смертью славной
Запечатлѣли подвигъ свой.

Digitized by Google

И всѣ, солдатъ и генералъ,
Сестра, — всѣхъ страждущихъ хранитель,
Вельможа, раненыхъ спаситель,
Простой матросъ и адмиралъ, —

Всѣ, всѣ съ молитвой на устахъ
За нашу мать, за Русь родную,
Всѣ смерть пріяли роковую,
И улеглись въ своихъ гробахъ.

Всѣ заплатили долгъ святой
Своею жизнію и кровью, —
Всѣ съ вѣрой, вѣрностью, любовью
Благословили край родной.

Миръ вамъ, отечества сыны! . . . .
Внемли, о Боже, ихъ моленья,
Пусть этѣ жертвы примиренья
Намъ будутъ свыше сочтены! . . . .

Пусть лучь ихъ славы неземной
Блеститъ зарей намъ беззакатной,
Пусть наши слёзы благодатной
На Русь ниспошлятся росой! . . . .

Душа болитъ, душа болитъ,
Болитъ по общимъ нашимъ ранамъ,
Тоска-печаль голоднымъ враномъ
И грудь и сердце мнѣ щемитъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, ночью 27-го Ноября, 1855 г.

XCVIII.

ГОЛОСЪ ПРАВДЫ.

О голосъ правды, — голосъ честный,
Безстрашный и неподкупной, —
Ты заглушенъ въ толпѣ людской,
И пропадаешь въ ней безвѣстно.

Ты врагъ непримиримый ей;
Страшилище ея покоя,
Себѣ безъ правъ права присвоя
Суда нещаднаго надъ ней. —

О голосъ правды благородный,
Заступникъ истины святой,
Всегда въ разладѣ ты съ молвой,
Съ любовью иль враждой народной. —

Ты споришь съ глупостью мірской,
И черни съ блажью мимолётной,
Съ ея хулою безотчетной,
И неразумной похвалой.

Изобличитель ложныхъ мнѣній
И предразсудковъ вѣковыхъ, —
Противникъ ты всѣхъ козней злыхъ,
И всѣхъ неправедныхъ гоненій.

Ни заблужденье, ни обманъ,
Ни клеветы змѣиный шопотъ
Не проскользнутъ; — чтобъ горькій ропотъ
Тобой имъ не былъ вслѣдъ посланъ.

Ты къ гимну общихъ прославленій
Кумирамъ въ честь не пристаешь;
Одинъ, ты громко вопіешь
За святость чистыхъ убѣжденій! . . . .

Тебя не подчинитъ расчётъ
Сужденью крикуновъ пристрастныхъ,
И въ хоры партій разногласныхъ
Корысть тебя не привлечетъ! . . . .

Пускай направо и налѣво
Кружки толкуютъ вкривъ и вкось, —
Тебѣ вѣдь дѣла нѣтъ, небось,
Ни до любви ихъ, ни до гнѣва? . . . .

Всегда потерянный въ толпахъ,
Ты древле былъ, ты будешь нынѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ,
Гласъ умирающихъ въ цѣпяхъ! . . .

Digitized by Google

Но духомъ Божьимъ вдохновенный,
Не умолкай, не умолкай!
Свой честный подвигъ продолжай,
Не утомись въ борьбѣ священной!

Вездѣ неправду отрицай,
Не усумнясь и не робѣя,
Клейми могучаго злодѣя,
И слабость жертвы подкрѣпляй! . . .

Не пропадетъ твой трудъ посильный,
И слово сѣмянемъ взойдетъ,
И плодъ сторицей принесетъ,
И жатвою взойдетъ обильной! . . . .

Москва, Декабрь, 1855 г.

XCIX.

Н. А. ХИТРОВУ.

На заглавномъ листѣ моихъ стихотвореній.

Изъ Калифорніи нарочно
Въ объятія родной Москвы,
Чтобъ крѣпкій узелъ дружбы прочной
Со мной скрѣпить, явились вы. —
Межъ горъ и тундръ Сибири дальной,
Въ раздольѣ дѣвственныхъ степей, —
Потомъ, на палубѣ печальной,
Носясь средь чуждыхъ намъ морей,
Герой чуднѣйшихъ приключеній,
Военно-плѣнный дипломатъ,
Когда отъ странствій, отъ волненій,
Рвались всемъ сердцемъ вы назадъ,
Въ Нью-Іоркѣ, или въ Санъ-Франциско,
Скажите, угадали-ль вы
Что дружба васъ ждала, — такъ близко
Отъ мирныхъ береговъ Москвы? . . . .

Москва 23-го Января, 1856 г.

С.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

Посвящено Князю Д. В. Друцкому-Соколинскому.

Нѣтъ, полно мнѣ волненью предаваться! . . . .
Что̀ ползы въ томъ, что мучу я себя? . . . .
Къ чему мечтать, надѣяться, бояться?
Нѣтъ! станемъ жить не мысля, не любя? . . . .
Хочу забыть, и скоро позабуду
Что̀ сердце жжетъ, что̀ мнѣ волнуетъ кровь,
И только знать одну я дружбу буду,
А не любовь! . . . . нѣтъ не любовь! . . . .

Поутру ждать, чтобъ солнце проглянуло
Чтобъ милый взоръ свой высказалъ привѣтъ,
Чтобъ нѣжная улыбка намъ блеснула, —
Да, это рай, . . да, это жизнь и свѣтъ! . . . .
Но, Боже мой, ждать можно въ упоеньи,
И замирать, и оживляться вновь, —
Но это всё лишь дружба, увлеченье,
А не любовь! . . . нѣтъ, не любовь! . . . .

Безумный пылъ несбыточныхъ мечтаній,
Бредъ головы, и горечь тайныхъ слёзъ, —
Всему прости! . . . Безъ горя, безъ желаній,
Избавлюсь я отъ всѣхъ сердечныхъ грозъ.
Хочу забыть, . . . и скоро позабуду
Что̀ сердце жжетъ, что̀ мнѣ волнуетъ кровь, —
И только знать одну я дружбу буду, —
А не любовь! . . . нѣтъ, не любовь! . . . .

Москва, 31-го Января, 1856 г.

Digitized by Google

CI.

СЛОВА ДЛЯ МУЗЫКИ.

Не сотвори себѣ кумира, . . .
У ногъ бездушной красоты,
Не трать высокія мечты! —
Отъ воплощенной суеты
Не жди любви, не требуй мира! . . . .

Любуйся блескомъ черныхъ глазъ,
Но не ищи въ нихъ тайной страсти . . . .
Безумецъ ты! . . . Въ твоей-ли власти
Вдругъ замѣнить мечтой о счастьи
Блажь легкихъ шутокъ и проказъ?? . . .

Капризъ пустѣйшаго кокетства,
Тщеславья женскаго обманъ
Повергли разумъ твой въ туманъ;
Слѣпецъ, прозри! . . . Твой истуканъ
Утратилъ сердце съ малолѣтства.

Digitized by Google

Смотри: ты сохнешь и горишь, —
А ей-то что̀? . . . Ей горя мало! . . .
Ей нынче зеркало сказало,
Что платье очень къ ней пристало, —
Такъ чѣмъ её ты удивишь? . . . .

Дань нѣжныхъ чувствъ, дань удивленья,
Намековъ, робкихъ полу-словъ,
Она пріемлетъ отъ рабовъ
Какъ долгъ законныхъ должниковъ, —
Какъ побѣжденныхъ приношенье . . . .

Бѣги приманокъ роковыхъ! . . . .
Такія женщины не любятъ, —
И если даже приголубятъ, —
Какъ змѣй, задушатъ и погубятъ
Онѣ въ объятіяхъ своихъ! . . .

Москва, 3-го Февраля, 1856 г.

CII.

КУПЛЕТЫ,

сказанные на благородномъ спектаклѣ 10-го Февраля 1856 г., въ пользу матросовъ Черноморскаго Флота, въ роли Аграфены Пантѣлѣевны, въ водевилѣ:

«Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ расчёта.»

И для васъ, и для меня
Дорога Москва моя.
Въ ней душа страны родной,
Сердце всей Руси Святой! . . . .
Изъ нея и духъ и кровь,
Вѣра, вѣрность и любовь,
Бьютъ ключемъ, огнемъ текутъ,
Всюду жизнь и мысль несутъ . . . .
Въ безпредѣльносги стѣпей,
На поверхности морей,
Русскій міръ, народъ честной,
Всё живетъ родной Москвой! . . .
Ай люли, ай люли,
Здравствуй, матушка-Москва,
Бѣлокаменная!

Digitized by Google

Всѣ преданья въ ней полны
Громкой славой старины:
Кремль, ... Москва! ... Вѣдь здѣсь не разъ
Сокрушилися о васъ
Тмы и полчища враговъ;
И Татаръ и Поляковъ,
И другихъ, еще сильнѣй, —
Всѣхъ непрошенныхъ гостей
Примешь ты, — но ужь потомъ
Ихъ не выпустишь живьемъ! ....
Въ томъ свидѣтель роковой
Самъ пожаръ священный твой! ....
Ай люли, ай люли,
Здравствуй матушка-Москва,
Бѣлокаменная! ....

Импровизировано передъ поднятіемъ занавѣса.

Digitized by Google

CIII.

ЧЕРНОМОРСКИМЪ МОРЯКАМЪ.

Стихи, говоренные на обѣдѣ 25-го Февраля 1856 г., данномъ Московскими дамами Защитникамъ Севастополя.

Ура, защитники Россій! . . . .
Добро пожаловать въ Москву! . . . .
У ней вы гости дорогіе;
Про ваши подвиги святые
Давно ужь чтитъ она молву.

Герои вѣрности и вѣры, —
Вы, — наши чудо-молодцы, —
Затмили удалью безъ мѣры
Всѣхъ древнихъ доблестей примѣры,
Всѣ бранной славы образцы. —

Что̀ Данцихъ, Сарагосса, Троя,
Предъ Севастополемъ роднымъ? . . . .
Нѣтъ битвъ страшней, нѣтъ жарче боя . . . .
Дыша въ огнѣ, вы гибли стоя
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ! . . . .

Предъ Севастопольской осадой
Что̀ слава всѣхъ осадъ другихъ? . . . .
Когда пловучіа армады
Такихъ несмѣтныхъ силъ громады
Водили на враговъ своихъ? . . . .

Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ, —
А всё осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

Четыре смѣны вражьей силы,
Четыре войска тамъ легло, —
И безполезныя могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,
Въ борьбѣ безвыходной нашло.

У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Изчезло тамъ, незамѣнимыхъ, —
А Севастополь всё стоялъ! . . . . .

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать:
Не мощь враговъ насъ побѣдила, —
Не длань ихъ городъ сокрушила, —
Но Богъ судилъ его отдать! . . . .

Честь спасена, — а съ ней и слава,
И вамъ та честь принадлежитъ! . . . .
Своею памятью кровавой
Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ! . . . .

Ура, Защитники Россіи! . . . .
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почётъ! . . . .
Отъ сердца вамъ слова простые
Мы скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ Россійскій Флотъ! . . . .

Москва, 24-го Февраля, 1856 г.

CIV.

РУССКІЙ РАТНИКЪ СВОЕМУ ШТЫКУ.

Прости, мой штыкъ необновленный,
Пожить намъ вмѣстѣ не пришлось! ....
Жаль! ... Въ вражьей крови некрещенный,
Заржавѣлъ даромъ ты, небось? ....

Не удалось тебѣ съ размашки
По басурманскимъ головамъ
Пройтись въ кипящей рукопашкѣ,
Дать знать себя ихъ храбрецамъ! ....

Прости, ружье мое стальное;
Мы даромъ свыклися съ тобой,
Прошли ученье боевое,
Сдружились съ службой фрунтовой ....

Прости надъ шапкой удалою
Блестящій крестъ, — присяги знакъ; —
Какъ жаръ горѣвшій надо мною,
Мой алый ратничій кушакъ! ....

Digitized by Google

Съ какою радостію дѣтской
Я васъ недавно надѣвалъ,
Какой отвагой молодецкой,
Какою гордостью дышалъ! . . . .

Царь кликнулъ, . . . Русь звала на битву, —
Всѣ встали мы, не усумнясь,
Сложили теплую молитву,
Пошли въ походъ, перекрестясь . . . .

Хотѣлось сердцу ретивому
Лихимъ обидчикамъ отмстить,
Народу нашему честному
Хотѣлось службу сослужить . . . .

Хотѣлось шибко ополченцу
Отвѣдать пороху, огня, —
Чтобъ дома бойкую младенцу
Пѣснь пѣла баба про меня . . . .

За нашу мать, за Русь Святую,
Хотѣлось голову сложить, —
Чтобъ славной смертію, родную,
Её прославить и почтить! . . . .

Эхъ-ма! . . . съ мечтой растаться больно,
Но не на вѣкъ съ ней растаюсь! . . . .
Авось съ Туречиной крамольной
Сойдется вновь Святая Русь! . . . .

Digitized by Google

Сердца кипятъ, . . . рука готова . . . .
Всего невымолвитъ языкъ, —
А рано, — поздно-ли, но снова
Ты пригодишься, Русскій штыкъ! . .

Москва, 6-го Марта, 1856 г.

КОНЕЦЪ.

Печатаніе Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

REGIONE LAZIO · ASSESSORATO CULTURA ·
1232250
RL 032078
Digitized by Google

Digitized by Google